А. В. Болотовъ

Господинъ Великій Новгородъ

Воспоминанія

Парижъ

1925

PARIS

А. В. БОЛОТОВЪ

Господинъ Великій Новгородъ

ВОСПОМИНАНІЯ

ПАРИЖЪ

1925

Всѣ права, въ томъ числѣ и право перевода принадлежатъ автору.

Tous droits réservés. — Copyright 1925

Imprimerie d'Art Voltaire, 4, Passage Alexandrine, Paris

13 Рк 20001

[illegible]

Господинъ Великій Новгородъ.

Кое-что Любовное.

Блаженны Кроткіе.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Настоящая книга совмѣщаетъ въ себѣ три отдѣльныхъ разсказа воспоминаній: первые два рисуютъ прежнюю Россію, безпечную, лѣнивую, полусонную, съ ея слабостями и грѣшками, съ ея причудами, но и съ ея хорошими, положительными сторонами, вѣрующую, тихую, сытую и мирную; третій разсказъ "Блаженны Кроткіе" рисуетъ современную Россію въ расцвѣтѣ революціи, Россію будто прозрѣвшую, но въ дѣйствительности карающую, полуголодную и замерзающую.

Будемъ терпѣливо ждать новую Россію, Россію будущаго.

Надо надѣяться, что она сумѣетъ сочетать въ себѣ изъ прошлаго только хорошее, въ соединеніи съ новыми знаніями и современнымъ укладомъ жизни, ибо жестокими уроками революціи воспользоваться безусловно необходимо.

Во всякомъ случаѣ я хотѣлъ дать двѣ противоположныя, но обѣ правдивыя картины былой и настоящей русской жизни и да не посѣтуютъ на меня читатели за средній разсказъ "Кое-что любовное". Не все же дѣло, бывало и бездѣліе...

Затѣмъ я долженъ повиниться въ своей оплошности и неточной передачѣ въ первой сво-

ей книгѣ "Святые и Грѣшные" дивнаго новгородскаго сказанія о Преподобномъ Варлаамѣ Хутынскомъ. Въ XII главѣ моей книги я разсказываю о томъ, что Варлаамій спасъ отъ смерти негоднаго человѣка, а невиннаго страдальца не захотѣлъ спасти, — и вотъ конецъ этого чуднаго преданія я передалъ невѣрно. Осужденный не просилъ Святого о своемъ спасеніи, а родные его просили, но Преподобный оставался глухъ къ просьбамъ и нѣмъ къ ихъ мольбамъ.

И лишь потомъ, послѣ казни страдальца, Варлаамій объяснилъ роднымъ причину своего поведенія. "Я не хотѣлъ его спасать, ибо онъ былъ уже далекъ отъ земного и страданій земныхъ не чувствовалъ. Я видѣлъ, какъ онъ бесѣдовалъ съ Христомъ, душа его уже была на небѣ и потому-то я не хотѣлъ возвращать его къ земному, ибо счастье тамъ, а не на грѣшной землѣ". Столько мудрости, столько глубины и чистоты вѣры въ этомъ сказаніи, что я радъ еще разъ напомнить его читателямъ, ибо всѣмъ намъ, проникнувшись имъ, будетъ легче житься, съ надеждой взирая на будущее, ожидая счастья въ вѣчной жизни.

Сибіу, Трансильванія.

Октябрь 1924 г.

А. БОЛОТОВЪ.

Господинъ Великій Новгородъ

ВОСПОМИНАНІЯ.

Русь, куда жъ несешься, дай отвѣтъ?

Гоголь.

Нѣтъ дня, чтобы душа не ныла,
Не изнывала о быломъ,
Искала словъ, — не находила
И сохла, сохла съ каждымъ днемъ.

Тютчевъ.

ГОСПОДИНЪ ВЕЛИКІЙ НОВГОРОДЪ

Вступленіе. — Поѣздки по Волхову. — Монастыри. — Кіевскія печеры. — Случаи съ архіереями. — Новгородъ въ 1905 г. и ямщикъ Минкинъ. — Гостиница «Россиньоль». — Новгородскіе курьезы. — Антонъ Ѳеодоровичъ Колоколовъ и гимназисты. — Вице-губернаторъ Сократъ. — Губернаторъ графъ Медемъ, его скромность и чудачества. — Его предшественники и преемники; Исправникъ Ранцевъ. — Новгородскіе архіереи. — Монастырскіе нравы. — Судебный міръ. — Выѣздныя сессіи судебной палаты. — Встрѣчи и случаи на желѣзной дорогѣ. — Чиновничество. — Консисторія и еврейская изворотливость. — Уѣздный врачъ Н. Е. Грѣшищевъ. — Командиры Выборгскаго полка и Кронпринцъ. — Губернскій предводитель дворянства князь П. П. Голицынъ. — Дворянскія собранія. — Типы дворянскаго депутатскаго собранія. — Прошлое дворянства и его упадокъ. — Губернское земство. — Кавардечъ. — М. В. Родзянко. — Роль земства и Н. А. Зиновьевъ. — 9-ое января 1905 года. — Японская война и россійская разруха. — Новгородскія древности и Софійскій соборъ. — Историческіе памятники. — Новгородская печать, купечество и дамы. — Заключеніе

Гоподинъ Великій Новгородъ — или при мнѣ уже скромные и жалкіе остатки Великаго Новгорода спали, но спали мирнымъ и честнымъ сномъ. Какъ-то не вѣрилось, что въ 200 верстахъ отъ столицы, всего въ 5-ти часахъ ѣзды, сохранился такой патріархальный, скучный, но хорошій, чисто русскій мирный городокъ, гдѣ жили люди простые, но люди сердечные, славные, честные русскіе люди и хочется мнѣ возстановить въ своей памя-

ти и этихъ милыхъ людей и тихій Новгородъ и частыя мои поѣздки туда на пароходѣ по Волхову.

Особенно онѣ мнѣ были привлекательны весной, когда цвѣла черемуха или сирень и Волховъ широко разливался; но только подъ утро на пароходахъ обижали назойливые комары, отличавшіеся довольно крупнымъ размѣромъ, за что и назывались «волховскими слонами». Пароходы незатѣйливые, но довольно чистые; буфеты примѣнительные ко вкусамъ не избалованной публики, да, впрочемъ, большаго и требовать было нельзя, ибо вся поѣздка длилась четыре часа; уха изъ налимовъ, шнель-клопсы, отбивныя телячьи котлеты и знаменитыя новгородскія сырти, напоминавшія скорѣе сапогъ, чѣмъ хорошую рыбу, но почему-то очень славившіяся въ Новгородѣ.

Пароходъ отчалилъ отъ Волховской станціи Николаевской желѣзной дороги, вотъ начинается по обоимъ берегамъ Волхова новгородская Венеція, т. е. Сосницкая пристань, весной и осенью залитая водой, гдѣ крестьяне сообщались, да, вѣроятно, и продолжаютъ сообщаться между собою, на лодкахъ.

Потомъ идетъ громадная фарфоровая фабрика Ивана Емельяновича Кузнецова, племянника московскаго фарфороваго короля Матвѣя Сидоровича Кузнецова. Самъ Иванъ

Емельяновичъ, уже тогда пожилой, энергичный и умный, красавецъ мужчина, старовѣръ, строгій въ семьѣ и требовательный, скупой и жестокій, но прекрасный хозяинъ, имѣлъ въ новгородскомъ уѣздѣ три фарфоровыхъ фабрики и одну стеклянную на станціи Чудово и выдѣлывалъ, главнымъ образомъ, простую посуду съ яркими узорами, излюбленную азіатами и имѣвщую очень большой сбытъ. До революціи это былъ очень богатый человѣкъ; дочери у него были красавицы, но, кажется, всѣ неудачныя въ замужествѣ.

А вотъ на лѣвомъ берегу Званка, теперь, т. е. до революціи, женскій монастырь, а когда-то усадьба знаменитаго пѣвца Фелицы, поэта Гавріила Романовича Державина. Затѣмъ мелькаетъ очень старый, темный домъ, чуть не допетровскихъ временъ, окруженный столѣтними липами — это Вергежа Тырковыхъ. Почти всѣ члены этой семьи участвовали въ лѣвыхъ партіяхъ и въ революціонномъ движеніи, а старикъ Тырковъ, тоже подъ старость лѣтъ значительно полѣвѣвшій, былъ когда-то мировымъ посредникомъ и очень консервативнаго направленія.

Далѣе, все на томъ-же лѣвомъ берегу, утопаетъ въ сирени старинная и красиво расположенная по склону горы усадьба Обольяниновыхъ — Захарьино, а на другомъ берегу — гусарскій и уланскій штабы Аракчеевскихъ ка-

зармъ, гдѣ прежде помѣщались Гродненскій гусарскій и Варшавскій уланскій (Его Величества) полки и хотя давнымъ давно въ этихъ казармахъ находилась артиллерія и часть Петровскаго пѣхотнаго полка, но старыя названія сохранились.

За штабами идутъ Собачьи Горбы, т. е. дачное мѣсто въ сосновомъ лѣсу. По обоимъ берегамъ Волхова были красиво раскинуты многочисленныя и довольно зажиточныя новгородскія деревни; особенно красиво на правомъ берегу Волхова село Высокое; во многихъ деревняхъ, изъ бывшихъ военныхъ поселеній, гдѣ когда-то царствовалъ кнутъ и Аракчеевъ, въ мое время процвѣтала винная монополія, такъ какъ крестьяне были большими поклонниками царской водки. А вотъ на правомъ же берегу виднѣются бѣлыя стѣны и колокольни Хутынскаго монастыря, гдѣ подвизался великій новгородскій подвижникъ преподобный Варлаамій Хутынскій и гдѣ подъ спудомъ почиваютъ его святыя мощи.

Преданіе гласитъ, что В. князь Іоаннъ Ш, усмиряя непокорный тогда Новгородъ, посѣтилъ этотъ монастырь и захотѣлъ непремѣнно открыть гробницу святого, а оттуда вышелъ огонь и опалилъ верхнюю доску. Частицы этой доски раздаютъ и понынѣ богомольцамъ, какъ средство отъ зубной боли и отъ другихъ болѣзней. Блаженъ, кто вѣруетъ, но

этимъ росказнямъ теперь врядъ-ли кто вѣритъ и могла-ли та же самая доска сохранитъся чуть-ли не 400 лѣтъ, когда отъ нея постоянно раздаютъ частицы богомольцамъ.

Изображеніе исходящаго изъ гробницы огня и испугъ Іоанна III представленъ на картинѣ висящей въ храмѣ.

Досадно, что такими исторіями угощаютъ вѣрующихъ, такъ какъ чудная личность великаго новгородскаго чудотворца сіяетъ до сихъ поръ тихимъ и благостнымъ свѣтомъ, и не даромъ Преподобный пользовался такимъ глубокимъ уваженіемъ и почтеніемъ еще современниковъ.

Эти росказни напоминаютъ мнѣ тѣ наявно поэтическія измышленія, которыя монахи проводники считали долгомъ сообщать простодушнымъ богомольцамъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ, показывая мѵроточивыя главы. Но, въ бытность митрополитомъ Кіевскимъ мудраго и достойнаго святителя, каковымъ несомнѣнно былъ Высокопреосвященный Іоанникій, это глупое злоупотребленіе чистотой вѣры русскихъ богомольцевъ было воспрещено и мѵроточивыя главы перестали мѵроточить.

Помню, какъ однажды въ началѣ 90-хъ годовъ, монахъ проводникъ, по обыкновенію безстрастнымъ голосомъ, повѣдалъ богомольцамъ и мнѣ, въ томъ числѣ, указывая на одну

изъ гробницъ въ кіевскихъ печерахъ, что здѣсь покоятся братья Василій и кажется Іаковъ и что младшій опочилъ раньше старшаго брата и въ отсутствіи Василія изъ Лавры и что онъ занялъ въ заранѣе пріуготовленной гробницѣ мѣсто своего старшаго брата. И Василій, возвратясь, узнавъ про кончину младшаго брата, горько заплакалъ и просилъ его подвинуться и мертвецъ подвинулся. Это чудо настолько подѣйствовало на старшаго Василія, что слезы у него такъ и потекли и наполнили будто-бы цѣлый кувшинъ. Тутъ же надъ гробницей было изображеніе плачущаго брата и капающихъ слезъ.

Мнѣ думается, подобными исторіями только сѣяли смуту, отвращая православныхъ отъ церкви, ибо нельзя же было предполагать, что всѣ богомольцы могли вѣрить въ подобный, не только никому не нужный, но даже скорѣе вредный, вздоръ, доказывающій лишь грубое стремленіе тѣмъ или инымъ способомъ обобрать приходившихъ изъ далека богомольцевъ. Послѣ такихъ сообщеній монахъ-проводникъ указывалъ на кружки для сбора пожертвованій на улучшеніе гробницы того или иного святого.

Наоборотъ, слѣдовало бы тѣмъ же монахамъ - проводникамъ подчеркивать передъ богомольцами всю трудность подвига печерскихъ старцевъ, ихъ жизнь въ пещерахъ,

скрываясь отъ преслѣдований; это уже одно должно было умилять сердца вѣрующихъ русскихъ людей. Вѣдь эти ближнія и дальнія пещеры, кстати сказать, находящіяся подъ Днѣпромъ, это же наши русскія христіанскія катакомбы; этого одного было бы достаточно, дабы проникнуться молитвеннымъ почтеніемъ передъ подвигами первыхъ кіевскихъ святителей и отшельниковъ.

Позволю себѣ при этомъ вспомнить разсказъ одной очень набожной и благочестивой особы, большой пріятельницы моей матери, раза три побывавшей въ Іерусалимѣ для поклоненія Гробу Господню. Монахъ грекъ указываетъ на чудотворную икону Божьей Матери и говоритъ богомольцамъ, что если есть у нихъ какое либо желаніе, то они должны помолиться Божьей Матери и прилѣпить монетку къ мрамору подъ этой иконою; если монетка прилипнетъ, желаніе богомольца исполнится, а если нѣтъ, то не смущайтесь братья, прилѣпите вторую, третью. А внизу, подъ мраморомъ отверстіе, куда разумѣется всѣ монеты и проваливались, ибо къ мраморной доскѣ ни одна не прилипала.

Эта благочестивая особа какъ этимъ фактомъ, такъ и вообще поведеніемъ монаховъ грековъ въ Палестинѣ была возмущена, ибо подобныя наглости вовсе не могутъ способ-

ствовать ни усиленію вѣры, ни желанію посѣтить Святыя Мѣста.

Но я увлекся и, возвращаясь къ поѣздкѣ въ Новгородъ, скажу, что въ Хутынскомъ монастырѣ, въ соборномъ храмѣ, у лѣваго придѣла, находится гробница поэта Державина. На другомъ берегу Волхова расположены красивыя зданія Кречевицкихъ казармъ, гдѣ долго стоялъ Лейбъ Гвардіи Драгунскій полкъ, а съ начала XX вѣка Гвардейскій Запасный кавалерійскій полкъ, пріобрѣвшій, какъ и Драгунскій, большія симпатіи въ Новгородѣ.

Наконецъ, вдали показался Новгородъ, расположенный по обоимъ берегамъ Волхова со своими многочисленными, живописными и древними церквами, надъ коими царилъ куполъ Софійскаго собора, вдали же сіяли золотомъ купола богатѣйшаго Юрьева монастыря, а немного не доѣзжая до Новгорода — Антоньевъ монастырь съ Новгородской духовной семинаріей и мощами преподобнаго Антонія Римлянина, приплывшаго будто - бы въ Новгородъ на камнѣ изъ Рима и камень этотъ до сихъ поръ сохраняется въ соборномъ храмѣ. Рядомъ съ Антоньевымъ монастыремъ женскій Деревянушкій монастырь съ женскимъ епархіальнымъ училищемъ.

Было время, когда настоятельницей монастыря была красивая матушка Ираида, а ректоромъ семинаріи и настоятелемъ Антоньева

монастыря архимандритъ Михаилъ (кажется Добротворскій), мужчина видный и молодой. И такъ какъ сосѣдство вещь вообще опасная, то слюбились эти настоятели, а шила въ мѣшкѣ не утаишь, связь эта получила большую огласку, игуменью перевели рядовой монахиней въ Петербургскій Новодѣвичій монастырь, архимандрита же въ другую епархію, что не помѣшало ему все таки сдѣлаться впослѣдствіи архіереемъ, кажется ковенскимъ.

По поводу архіереевъ, приведу кстати разсказъ про одно случайное не грѣхопаденіе, а простое совпаденіе, неблагопріятное для архіерея. Былъ, кажется, въ концѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка, въ Орлѣ епископомъ Никаноръ, человѣкъ не старый, пріятной наружности и любившій общество. Объѣзжая лѣтомъ свою епархію, попалъ онъ къ одному помѣщику въ Ольгинъ день, когда у помѣщика жена была имянинницей и было много гостей, а вечеромъ предполагались танцы. Послѣ ранняго обѣда, хозяинъ увлекъ мужчинъ въ кабинетъ покурить, а такъ какъ владыкъ обкуривать не полагается, то Преосвященнаго оставили на балконѣ въ дамскомъ обществѣ. Дамы все большей частью были молодыя, да не лишенныя пріятности, къ тому же для танцевъ разряженныя и многія изъ нихъ оголенныя. Сидитъ это владыка, и повторяя про себя, вѣроятно, слова молитвы: «не введи насъ

во искушеніе», поглядывалъ на-лѣво на-право не безъ удовольствія...

Случился на его несчастье тутъ же священникъ, котораго онъ недавно уволилъ за какую-то провинность за штатъ и священникъ этотъ, большой любитель фотографіи, имѣлъ при себѣ кодакъ, а можетъ быть и нарочно запасся имъ для деревенскаго торжества и сборища. И возьми, да незамѣтно и запечатлѣлъ, наслаждавшагося зрѣлищемъ дамскихъ плечъ и дамской красоты архіерея. Потомъ этотъ снимокъ священникъ увеличилъ и послалъ въ Синодъ съ подписью: «Вотъ какъ обозрѣваютъ наши архіереи свои епархіи».

И что же? Перевели Преосвященнаго Никанора въ Екатеринбургъ, что считалось наказаніемъ для орловскаго владыки. Свою духовную карьеру преосвященный Никаноръ окончилъ въ началѣ 20-го вѣка архіепископомъ Казанскимъ, но мнѣ болѣе не извѣстно, какъ относился онъ къ дамской красотѣ и не избѣгалъ ли онъ послѣ этого случая дамскаго общества.

Вспоминается мнѣ и другой случай и тоже съ орловскимъ архіереемъ, однимъ изъ предшественниковъ вышеупомянутаго Никанора, но архіерей пострадалъ не изъ за дамскаго общества, а изъ-за своей доброты и чрезмѣрной общительности. Разсказывалъ мнѣ это дя-

дюшка князь Николай Евграфовичъ, который лично знавалъ этого владыку, по имени Макарій, въ бытность его еще ректоромъ новгородской семинаріи.

Будучи орловскимъ архіереемъ Макарій былъ очень любимъ и даже популяренъ въ орловскомъ обществѣ и между прочимъ среди военныхъ. Однажды, на какомъ-то торжественномъ обѣдѣ въ полковомъ собраніи подвыпившая военная молодежь вздумала послѣ обѣда Преосвященнаго качать, дабы выразить этимъ своебразнымъ способомъ ихъ чувства глубокаго расположенія и почтенія къ дѣйствительно доброму владыкѣ.

Святѣйшій Синодъ усмотрѣлъ наоборотъ въ этомъ нарушеніе той почтительности и уваженія, которыми должны быть окружены наши архіереи и призналъ невозможнымъ оставить слишкомъ популярнаго владыку въ Орлѣ и перевели преосвященнаго Макарія въ Архангельскъ.

Дожилъ сей владыка до глубокой старости и всюду пользовался любовью и общимъ уваженіемъ, окончивъ свою земную жизнь въ Новочеркасскѣ въ санѣ архіепископа Донского, кажется въ 90 годахъ прошлаго вѣка.

II

Но вернусь къ тихому Новгороду, прославившемуся въ послѣднее время, т. е. точнѣе въ октябрьскіе дни 1905 года монархическимъ движеніемъ, во главѣ котораго оказался плутоватый мужикъ, содержатель ямской станціи Минкинъ, который, своимъ энергичнымъ образомъ дѣйствій, подавилъ революціонное движеніе, возглавляемое тремя лицами: Н. Н.Мясоѣдовымъ, товарищемъ предсѣдателя окружного суда, предсѣдателемъ Губернской Земской Управы А. Н. Колюбакинымъ, геройски погибшимъ во время великой войны въ рядахъ своего родного Измайловскаго полка и новгородскимъ «микробомъ», какъ его называли, двуличнымъ управляющимъ государственнымъ банкомъ Александромъ Матвѣевичемъ Тютрюмовымъ. Съ одной стороны сей почтенный мужъ былъ несомнѣнно лѣвымъ, сочувствующимъ революціонному движенію и всячески его поддерживалъ, а съ другой стороны Тютрюмовъ очень дорожилъ и казенной службой и квартирой и былъ чрезвычайно самодержавенъ въ дворянскихъ и земскихъ дѣлахъ своего родного Кирилловскаго уѣзда, который даже въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ Новгородскомъ губерискомъ земскомъ собраніи такъ и назывался Тютрюмовскимъ уѣздомъ.

Если призадуматься, вѣдь это чрезвычайно характерно, что три лица, находившіяся на государственной службѣ, ибо и предсѣдатель губернской земской управы пользовался правами таковой, были противъ правительства, а умный простолюдинъ своею находчивостью сумѣлъ подавить начинавшуюся революцію, собравъ довольно большую толпу хорошо настроенныхъ типовъ, и отправился ловить революціонеровъ, принудивъ къ бѣгству струсившихъ революціонныхъ вождей.

Губернаторъ былъ въ отсутствіи, иначе бы онъ своей обходительностью, тактомъ и авторитетомъ сумѣлъ бы все уладить и всѣхъ успокоить, а вице-губернаторъ былъ знаменитый въ своемъ родѣ Сократъ, одинъ изъ распространенныхъ типовъ, бездарныхъ и вѣчныхъ вице-губернаторовъ, не имѣющихъ никакой надежды на губернію.

Изъ трехъ этихъ революціонныхъ дѣятелей самымъ убѣжденнымъ и опаснымъ для спокойствія государства былъ несомнѣнно Тютрюмовъ, умный, хитрый и двуличный человѣкъ. Мясоѣдовъ былъ лишь способный болтунъ, весьма струсившій, какъ только толпа, предводительствуемая Мининымъ, осадила государственный банкъ, гдѣ было революціонное собраніе, и кажется губернскую управу, и Мясоѣдовъ скрылся въ Кремлевскомъ саду подъ такъ называемой горкой и тамъ

провелъ всю ночь, а подъ утро былъ кѣмъ-то увезенъ въ окрестности Новгорода и болѣе къ своему посту не возвращался. Колюбакинъ, въ сущности весьма умѣренный революціонеръ, былъ спасенъ добрѣйшимъ княземъ Голицынымъ и благополучно доставленъ имъ на пароходъ, а затѣмъ черезъ полгода Колюбакинъ засѣдалъ въ Государственной Думѣ въ рядахъ кадетской партіи. Онъ былъ не лишенный таланта ораторъ, а главное влюбленный въ себя человѣкъ, обладавшій очень пріятнымъ голосомъ и, когда онъ говорилъ, земскія дамы млѣли, впиваясь глазами въ его довольно привлекательную наружность и самолюбіе его было удовлетворено. Какъ предсѣдатель губернской управы и какъ земскій дѣятель, Колюбакинъ ничѣмъ не прославился, такъ какъ въ управѣ и при немъ все дѣло лежало на почтенномъ земскомъ работникѣ, умномъ и довольно образованномъ бѣлозерѣ (изъ крестьянъ) Михаилѣ Алексѣевичѣ Прокофьевѣ, бывшимъ долгое время послѣ Колюбакина предсѣдателемъ новгородской губернской управы.

Вообще Новгородъ спалъ и не вѣрилось даже, что когда то жизнь кипѣла и что это былъ крупный торговый центръ, ведшій дѣла съ Ганзейскимъ союзомъ и только старинное названіе улицъ, а въ старину концевъ, какъ, напримѣръ, Посольская, доказывало его самостоятельность, и что тамъ живали когда

то чужестранные послы; а при мнѣ Новгородъ спалъ, слегка пробуждаясь отъ своего уже многовѣкового сна во время дворянскихъ и губернскихъ земскихъ собраній, да и тогда оживлялась лишь гостинница Соловьева, какъ мы ее называли «Росиньоль», гдѣ происходили частныя совѣщанія гласныхъ лѣваго крыла, подъ председательствомъ очень почтеннаго старца Дмитрія Васильевича Стасова, младшаго брата строгаго музыкальнаго критика Вл. В. Стасова, и оживлялось благородное собраніе, т. е. клубъ, помѣщавшійся въ дворянскомъ домѣ и гдѣ и правые, и лѣвые земцы играли всю ночь въ карты, по выраженію революціоннаго поэта Рылѣева, «записывая и отписывая мѣломъ. Такъ въ ненастные дни занимались они дѣломъ». Игра въ карты — это необходимая принадлежность русской провинціи, что до сихъ поръ можно наблюдать въ отошедшемъ отъ Россіи — Кишиневѣ.

Гостинница «Росиньоль» не отличалась ни чистотой, ни особыми удобствами и меня поражало, что убранство залы и даже тарелки съ широкой желтой каймой за 20 лѣтъ не измѣнились, и въ концѣ 90 г. оставались по прежнему, какъ я впервые, еще мальчикомъ, увидалъ это въ 80 г. По просту говоря, цивилизація,—это слово для сей гостинницы мало извѣстное, непонятное и ненужное, а кухня, ду-

маю, даже для нынѣшняго времени, когда публика стала менѣе требовательна, плоховата;но Волховъ славился сигами, и рябчиковъ было въ изобиліи въ новгородскихъ лѣсахъ и они были дешевы, такъ что при умѣніи можно было не только насытиться, но и вкусно поѣсть, если не требовать дежурнаго обѣда.

Такъ какъ Росиньоль была единственной гостиницей въ Новгородѣ, ибо другія были маленькія и худшаго качества, то она всегда была полна и земцами, и пріѣзжими чиновниками, разными генералами и военными ревизорами, а постомъ и богомольцами. И однажды былъ такой курьезъ, что пріѣхавшій для защиты по крупному уголовному дѣлу мой товарищъ по училищу Булацель, да еще съ молодой женой, долженъ былъ удовольствоваться бильярдомъ, причемъ за это неудобное супружеское ложе съ него содрали плату по часамъ, какъ за игру на бильярдѣ. Въ гостиницѣ было два номерныхъ: одинъ настолько заплывшій жиромъ, что съ трудомъ передвигался и сопѣлъ при этомъ ужасно, а входя въ номеръ вносилъ съ собою особенный запахъ, какъ гоголевскій Петрушка, а другой Михайло со слабыми ногами, худой, по походкѣ напоминавшій разбитую клячу, а на видъ совершенно высохшій таракань, славился умѣніемъ угождать пріѣзжимъ, доставляя пріѣзжимъ

изъ глуши помѣщикамъ и чиновникамъ доморощенныхъ прелестницъ.

Бывало только засыпаешь, слегка безпокоимый неизбѣжными обитателями провинціальныхъ гостиницъ, т. е. клопами, какъ вдругъ слышишь за стѣной не то что любовный шопотъ, а что-то похожее или близкое къ любви, отрывисто откровенную рѣчь и разные звуки, неспособствующіе усыпленію.

Утромъ спрашиваешь Михайлу, кто это былъ столь неугомонный сосѣдъ. «Да это лѣсничій изъ Руссы». Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, опять попадаю къ Росиньолю, опять жесткій покатый диванъ, грязный старомодный умывальникъ и высокая неудобная громоздкая постель съ торчащей пружиной, а за стѣной опять что-то вродѣ любви; а утромъ отъ Михайлы тотъ же отвѣтъ: «Лѣсничій изъ Руссы» и при этомъ безъ стѣсненія называлась фамилія.

Одинъ изъ земцевъ мнѣ жалуется, что плохо спалъ ночью по той же причинѣ, а такъ какъ всѣ номера были соединены между собой дверями, черезъ которыя малѣйшій шорохъ проходилъ, а не то что звуки бурнаго поцѣлуя, то земецъ вопрошалъ Михайлу, кто былъ его сосѣдомъ и вновь онъ оказался все тѣмъ же сладострастнымъ лѣсничимъ изъ Руссы.

Я, какъ мѣстный предводитель, перересталъ,

слава Богу, пользоваться этой гостиницей, имѣя собственную квартиру, и уже другой почтенный земецъ мнѣ жаловался, что въ сосѣдней комнатѣ «сплетались горячія руки, уста прилипали къ устамъ, и если не дикіе (какъ у поэта), но все же страстные звуки почти всю ночь раздавались тамъ.«Да-съ, такъ этотъ лѣсничій сталъ у насъ сказочнымъ героемъ, многимъ изъ насъ захотѣлось полюбоваться этимъ неутомимымъ любителемъ и цѣнителемъ «полевыхъ цвѣточковъ» и сильныхъ ощущеній.

Да, тогда эту гостиницу мы всѣ поругивали и поругивали справедливо, а теперь, когда привыкли ко всякимъ невзгодамъ и когда уже седьмой годъ странствуешь по бѣлому свѣту, безъ всякой надежды попасть скоро на родину, такъ бы хотѣлось скорѣе побывать въ Новгородѣ, примирясь со всѣми неудобствами Росиньоля, дабы хоть изъ окна вновь увидать на Московской улицѣ желтенькую старинную церковку Новгородскаго Святителя Архіепископа Никиты, а тамъ за ней влѣво и вправо невзрачныя новгородскія домишки съ садами, огородами, безконечными заборами, древнія церковки окруженныя старинными каменными оградами, а тамъ далѣе за городомъ на открытомъ мѣстѣ на полугорѣ знаменитаго Спаса Нередицу, самую древнюю изъ новгородскихъ церквей, съ ея чудными,

хорошо сохранившимися фресками XI вѣка, а вдали луга и луга, съ кое-гдѣ разбросанными деревнями, съ почернѣвшими и покривившимися избами, всю эту мирную, неприглядную, съ налетомъ грусти, но русскому сердцу родную картину, все это сѣренькое и убогое, но много говорящее русской душѣ; даже полупьяныхъ мужичковъ, возвращающихся съ базара, было бы отрадно увидать, а главное помолиться въ Новгородской святынѣ Софійскомъ соборѣ, передъ новгородскими святителями владыками и князьями, и наслаждаясь пѣніемъ чудеснаго архіерейскаго хора, творить молитву, глядя на строгіе старинные и потемнѣвшіе лики святыхъ въ пятиярусномъ иконостасѣ, а затѣмъ еще разъ запечатлѣть въ своей памяти поучительное и любопытное изображеніе Страшнаго суда, нарисованное на стѣнѣ другой новгородской Святыни въ Знаменскомъ соборѣ, гдѣ чудотворная икона Знаменской Божьей Матери; посидѣть въ саду подъ чудесными липами и пышными кустами сирени, на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то стояли хоромы мудрой новгородской правительницы Марфы Посадницы, т. е. на извѣстной новгородской горкѣ, любуясь на Волховъ усѣянный лодочками и баржами, все это будничное, все это родное, такое далекое, недостижимое, что и не вѣрится даже, что приведетъ Господь увидать вновь этотъ захудалый, оби-

женный судьбой и людьми, тихій, почти умирающій Великій Новгородъ съ Рюриковымъ городищемъ...

III

Отъ этой грустной, простой, но милой и родной лирики перейду къ новгородской жизни и къ чиновничьимъ мелочамъ и обывательскимъ случаямъ и курьезамъ.

Въ одномъ вѣдомствѣ занималъ довольно видную должность одинъ обрусѣлый нѣмчикъ, фамилію его не смѣю назвать, а назову его просто, ну хоть Александръ Ивановичъ, маленькій такой, щупленькій человѣчекъ, скромный на видъ и добросовѣстный служака. Женился онъ на мѣстной довольно крупной дѣвицѣ, изъ купеческой семьи, съ нѣкоторымъ капиталомъ и образованіемъ.

Пріѣзжаетъ какъ-то въ Новгородъ мой милѣйшій сосѣдъ и другъ Димитрій Димитріевичъ, человѣкъ удивительнаго спокойствія, правдивости и душевнаго равновѣсія и отправляется утромъ къ Александру Ивановичу по служебному дѣлу. Звонитъ, горничная отворяетъ дверь и на вопросъ,дома ли Александръ Ивановичъ, будто неувѣренно отвѣчаетъ, что дома. «Такъ доложите, пожалуйста». Горничная мнется и не хочетъ пускать моего пріятеля. «Да, въ чемъ же дѣло?» — «Да Александръ

Ивановичъ въ воскресеніе женился». — «Ну, что же, очень радъ, поздравляю». Тогда горничная стыдливо рѣшается объявить, что они съ тѣхъ поръ изъ спальной не выходили. А былъ уже вторникъ...

По поводу новгородскихъ визитовъ, помню, со мной былъ случай у начальника дивизіи не столь примѣчательный, но все таки не лишенный оригинальности. Супругу этого генерала въ Новгородѣ прозывали дамой съ помпономъ, потому что, будучи немолодой и некрасивой, она всегда носила пышные банты яркихъ цвѣтовъ. Вотъ отправляюсь я къ ней съ визитомъ, звоню, денщикъ отворяетъ дверь. «Дома генеральша?» — «Такъ точно». — «Принимаетъ?» — «Принимаютъ». — «Такъ пойди доложи». Идетъ и возвращается съ горничной. Я думалъ, что онъ перепуталъ фамилію, опять повторяю и спрашиваю горничную: «Что барыня, принимаетъ?» «Да-съ принимаютъ, но только онѣ въ ваннѣ». Я разсмѣялся и конечно всѣмъ разсказалъ и надъ дамой съ помпономъ долго подтрунивали, какъ она это принимаетъ гостей въ ваннѣ.

До этой генеральши была другая; энергичная, гарнизонная, не очень воспитанная дама, мужъ которой, типичный французскій генералъ временъ Второй Имперіи, былъ порядочный бурбонъ, а дочка очень не дурненькая и миленькая барышня и при ней гувернантка

француженка, о которой генеральша отзывалась очень хорошо, и вдругъ эта француженка совершенно неожиданно исчезаетъ съ новгородскаго, очень небольшого горизонта и одна изъ весьма почтенныхъ новгородскихъ дамъ спрашиваетъ генеральшу, что случилось, какая причина внезапнаго исчезновенія этой француженки. А генеральша съ возмущеніемъ выпаливаетъ: «Да помилуйте, это кокотка какая-то, у ней были всѣ приспособленія (кстати добавлю, совсѣмъ невиннаго свойства, но необходимыя для чистоты), она каждый день подмывалась, развѣ это можно терпѣть, какой же это примѣръ для нашей дочери».

Каковы понятія и каковы нравы и я отнюдь не преувеличиваю, а новгородскіе старожилы находящіеся, какъ и я въ изгнаніи подтвердятъ правдивость моего разсказа, что здѣсь никакого вымысла нѣтъ. Не даромъ вся уѣздная и губернская Россія, я уже касаюсь теперь менѣе прекрасной половины населенія, т. е. мужчинъ изъ такъ называемой интеллигенціи, и днемъ и ночью ходила въ тѣхъ же рубашкахъ, пристегивая лишь днемъ воротнички и рукавчики.

Да, грязи и отсталости у насъ было достаточно и дѣйствительная культура коснулась только сравнительно очень небольшого количества русскихъ людей, потому то и клопы были почти неотъемлемой принадлежностью

не только крестьянскихъ, но и вообще русскихъ среднихъ жилищъ. Не даромъ остроумный и талантливый публицистъ и писатель Константинъ Аполлоновичъ Скальковскій оставилъ по завѣщанію 10.000 руб. тому, кто избавитъ Россію отъ клоповъ. И Правительствующій Сенатъ кассировалъ въ этой части завѣщаніе Скальковскаго, какъ оскорбляющее русскую честь и достоинство, усмотрѣвъ въ этомъ насмѣшку завѣщателя.

Но въ Сибири на клоповъ смотрѣли иначе. Пріѣзжаетъ однажды въ приволжскій городъ купецъ сибирякъ, останавливается въ гостинницѣ и спрашиваетъ слугу, есть ли клопы, а тотъ ему отвѣчаетъ, что гостинница заново отдѣлана и клоповъ не водится и уходитъ изъ комнаты. Затѣмъ, черезъ нѣсколько времени, слуга возвращается зачѣмъ-то въ номеръ и видитъ, что купецъ посыпаетъ порошкомъ постель, а дѣло было уже къ ночи. «Ваше Степенство, божусь вамъ, что ни одного клопика не имѣется, не извольте безпокоиться». — «Дуракъ ты, дуракъ, я потому и посыпаю, что безъ нихъ, голубчиковъ,заснуть не могу!» Оказывается, что «Его Степенство» возило съ собой коробочку съ клопами, которые должны были кусать могучее тѣло почтеннаго сибиряка, дабы дѣлать ему легкое кровопусканіе. О вкусахъ не спорятъ, но все это хотя и Гоголемъ пахнетъ, но было сравнительно недавно.

Но, возвращаясь къ Новгороду и новгородскимъ типамъ, позволю себѣ упомянуть про директора мужской гимназіи Антона Феодоровича Колоколова, стараго холостяка, очень добродушнаго человѣка, съ напускной грубоватостью въ выраженіяхъ, большого хохотуна и неглупаго, очень сердечно относившагося къ своимъ питомцамъ, но настолько ихъ распустившаго, что, когда на улицахъ встрѣчалась шумная партія гимназистовъ, благоразумнѣе было, въ особенности дамамъ, переходить на другую сторону.

Колоколовъ былъ большой игрокъ и ночи просиживалъ за картами, а въ дорогѣ, если встрѣчалъ знакомаго, и картъ подъ рукой не было, то довольствовался игрой въ орелъ или рѣшку, или четъ и не четъ.

Въ 1905 году, во время октябрьскихъ безпорядковъ гимназисты прорвали царскій портретъ и выкинули его на улицу; большинство населенія этимъ тогда было возмущено и портретъ этотъ съ пѣніемъ Народнаго Гимна былъ отнесенъ въ городскую думу той же толпой, подъ предводительствомъ ямщика Минкина, подъ покровительствомъ весьма почтеннаго и умнаго городского головы Якова Ивановича Журавлева, человѣка уже стараго, удостоившагося передъ тѣмъ высокой чести полученія отъ новгородцевъ золотого знака городского головы, вмѣсто обыкновеннаго

серебрянаго. Во время этихъ безпорядковъ, губернаторъ, милѣйшій и очень мягкій, но глубокоуважаемый и весьма достойный человѣкъ, графъ Оттонъ Людвиговичъ Медемъ, былъ въ отъѣздѣ, а вице-губернаторъ Сократъ, о которомъ я уже упоминалъ, только, вѣроятно, въ насмѣшку носилъ имя великаго греческаго философа, ни авторитетомъ не пользовался, ни находчивостью не отличался и въ безпокойные и дѣйствительно тревожные октябрьскіе дни 1905 г. совершенно растерялся.

Черезъ года два, этотъ же Сократъ усмирялъ какіе-то крестьянскіе безпорядки въ Тихвинскомъ уѣздѣ и потомъ счелъ долгомъ явиться къ Столыпину съ докладомъ, дабы главнымъ образомъ напомнить о себѣ начальству, и въ концѣ аудіенціи говоритъ: «Ваше Высокопревосходительство, избавьте меня изъ того комичнаго положенія, въ которомъ я нахожусь: я двадцатый годъ состою вице-губернаторомъ». Столыпинъ улыбнулся и отвѣтилъ: «Все, что по закону вамъ полагается, вы получитеъ. А что же по закону полагалось? Усиленная пенсія при выходѣ въ отставку. Этотъ Сократъ, въ сущности довольно безобидный человѣкъ, съ красивой наружностью и нѣсколько вычурными и округленными движеніями, самъ это разсказывалъ Екатеринѣ

Ильиничнѣ Татищевой, которая мнѣ и передала этотъ курьезъ.

Вообще на губернаторовъ Новгородъ былъ скорѣе счастливъ: во время открытія памятника 1000-лѣтія Россіи, т. е. въ 1862 году, когда мой дядя-дѣдъ князь Мышецкій былъ губернскимъ предводителемъ дворянства, губернаторомъ былъ Скарятинъ, убитый впослѣдствіи оберъ-церемоніймейстеромъ графомъ Ферзенъ на царской охотѣ, человѣкъ умный, но непріятнаго характера и недурной губернаторъ.

Его смѣнилъ Эдуардъ Васильевичъ Лерхе, пробывшій въ Новгородѣ около 20 лѣтъ, человѣкъ весьма ограниченный, но добрый и глубоко порядочный, пріобрѣвшій въ Новгородѣ большія симпатіи всѣхъ слоевъ населенія, такъ какъ онъ никогда не злоупотреблялъ своею властью и никого не обижалъ.

Затѣмъ появился Александръ Николаевичъ Мосоловъ, умный, образованный, но лѣнивый человѣкъ, старый холостякъ, смотрѣвшій на свое губернаторство, какъ на ссылку, ибо изъ Директоровъ Департамента Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій попалъ въ губернаторы за неудачную миссію у Римскаго Папы. Онъ пробылъ 10 лѣтъ и хотя административной энергіею не отличался, но какъ умный и тактичный человѣкъ съ честью

исполнялъ свои обязанности, тѣмъ болѣе, что губернія не фабричная и смирная. Какъ память о себѣ онъ оставилъ весьма интересный новгородскій историческій музей.

Послѣ него, хотя и кратковременно, но наступилъ для Новгорода черный періодъ губернаторской власти, такъ какъ губернаторомъ былъ назначенъ знаменитый впослѣдствіи, не въ хорошемъ смыслѣ, Премьеръ-Министръ Борисъ Владимировичъ Штюрмеръ. Этотъ стремился на губерніи дѣлать карьеру и проявлять свою дѣятельность, не разбирая ни способовъ ни средствъ, и для этой дѣятельности потянулъ за собою хвостъ нѣкоторыхъ друзей или своихъ людей, — далеко небезупречныхъ. Такъ исправникомъ въ Новгородъ былъ назначенъ сосѣдъ Штюрмера по бѣжецкому имѣнію Николай Владимировичъ Ранцевъ, уже старикъ, но обладавшій и умѣньемъ и большимъ апетитомъ по отысканію полицейскихъ доходовъ. Особенно отъ него страдали староверы, которыхъ въ Шимской и Медвѣдской волостяхъ были порядочно и большинство изъ нихъ были люди состоятельные. Ранцевъ очень строго преслѣдовалъ ихъ молельни, отбирая образа и опечатывая молельни. А затѣмъ богатые старовѣры должны были выкупать у Ранцева отобранные образа и онъ охулки на руку не клалъ.

Этотъ же Ранцевъ придумалъ другой источникъ доходовъ: онъ сталъ производить по уѣзду усиленный сборъ на сооруженіе въ уѣздномъ полицейскомъ управленіи большого образа въ золоченномъ кіотѣ, каковой образъ послѣ годичнаго сбора со всѣхъ жителей, не исключая, конечно, и евреевъ, былъ сооруженъ и до самой революціи украшалъ собой помѣщеніе полицейскаго управленія.

И когда кто-либо изъ знакомыхъ пріѣзжалъ обозрѣвать новгородскія древности и достопримѣчательности, я всегда направлялъ ихъ любоваться этимъ образомъ и, ежели онъ теперь уничтоженъ, это очень жаль, такъ какъ это одинъ изъ наглядныхъ грѣховъ прежняго полицейскаго произвола. На немъ былъ изображенъ Св. Благовѣрный князь Борисъ съ рыжей бородой и большими усами какъ у Штюрмера и далеко не святой физіономіею этого бюрократа и Преподобный Николай чудотворецъ съ нѣсколько облагороженнымъ лицомъ самаго исправника Ранцева.

IV

Штюрмеръ, къ новгородскому благополучію, не долго красовался въ Новгородѣ и былъ переведенъ въ Ярославль, а преемникомъ его оказался человѣкъ совершенно про-

тивоположнаго полюса, милѣйшій графъ Медемъ, весьма скромный, деликатный и кропотливый, но человѣкъ не знавшій страха и удивительнаго хладнокровія, прославившійся въ бытность свою Хвалынскимъ предводителемъ дворянства во время холеры тѣмъ, что изъ толпы взбунтовавшихся крестьянъ совершенно спокойно вынесъ тѣло убитаго крестьянами врача.

Графъ, говорившій по русски съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, былъ человѣкомъ большого благородства, всегда со всѣми ровный и одинаково вѣжливый и любезный, какъ съ послѣдней просительницей, такъ и съ первыми лицами въ городѣ и отличался рѣдкой отзывчивостью къ людскому горю. И онъ и его супруга Александра Дмитріевна, рожденная Нарышкина, славившіеся при этомъ широкимъ гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ, заслужили не только особую любовь, но просто обожаніе новгородцевъ, ибо графиня была прямо святая женщина, трагически погибшая за годъ до войны, попавъ по близорукости въ Петербургѣ подъ автомобиль.

Но такъ какъ святыхъ на землѣ далеко не всѣ понимаютъ и не всякій смертный умѣетъ цѣнить высокія душевныя качества людей, въ особенности такихъ скрытныхъ и скромныхъ какъ графъ Медемъ, то про него и его изысканную воспитанность ходило много анекдо-

товъ, въ особенности при объѣздахъ губерніи и при частыхъ и необходимыхъ бесѣдахъ его сіятельства съ населеніемъ и бесѣдахъ, не всѣмъ понятныхъ, ибо графъ говорилъ очень тихо и не всегда можно было разслушать его благородный шопотъ.

И не смотря на всю его мягкость, иногда не только излишнюю, но и вредную и не смотря на то, что энергичныя и рѣшительныя дѣйствія были вовсе не въ его характерѣ, онъ благополучно десять лѣтъ управлялъ губерніей и объѣзжалъ ее добросовѣстно, безъ устали въ тарантасѣ по сквернѣйшимъ дорогамъ во всякую непогоду. И всегда одинъ, безъ всякой свиты, а дѣло отъ его доброты страдало гораздо менѣе, чѣмъ отъ чрезмѣрной энергіи многихъ губернскихъ, не очень совѣстливыхъ самодуровъ.

Не для насмѣшки, а для обрисованія чудной и благородной личности графа, позволю себѣ разсказать нѣсколько случаевъ, рисующихъ его отношенія къ подчиненнымъ и его врожденную скромность.

Очень грустно для потомства, что дѣятельность графа происходила, когда уже Лѣскова не было въ живыхъ, ибо только талантливое перо автора «Соборянъ» и его своеобразный даръ знакомить читателей съ такими гражданскими святителями было бы въ состояніи представить потомству цѣльный обликъ это-

го сіятельнаго чудака, одного изъ тѣхъ немногихъ нѣмцевъ, которыми была въ правѣ гордиться наша Россія и за ихъ русскую душу простить имъ неясность русской рѣчи.

Въ заботахъ объ облегченіи нижнихъ полицейскихъ чиновъ графъ дошелъ до того, что придумалъ для Старой Руссы, гдѣ городовыхъ было немного и каждому приходилось дежурить довольно долго, особые стулья, дабы городовые могли съ нѣкоторымъ удобствомъ восѣдать на своихъ постахъ. А въ Новгородѣ вице-губернаторъ Эйлеръ (впослѣдствіи Подольскій губернаторъ) вдругъ застаалъ графа на главной (Московской) улицѣ стоявшимъ на мосту черезъ Феодоровскій ручей. «Отчего это Вы, графъ, стоите?» — «А я послалъ городового въ участокъ отвезти пьянаго и городовой пропалъ, вотъ я и стою». Оказывается, онъ болѣе часу такъ простоялъ, хотя участокъ былъ рядомъ съ этимъ мостомъ.

Какъ-то утромъ приходитъ къ нему на пріемъ очень бѣдно одѣтый молодой человѣкъ и обращается къ графу на хорошемъ нѣмецкомъ языкѣ, объясняя, что онъ студентъ университета, впалъ въ нищету и не съ чѣмъ доѣхать до Петербурга или Дерпта и проситъ ему помочь на дорогу. Добрѣйшій графъ, прельстившись нѣмецкимъ языкомъ этого почти оборванца, повѣрилъ ему и далъ 25

рублей. А вечеромъ полицiймейстеръ докладываетъ, что трактиръ «Золотая Рыбка» или «Якорь», уже хорошо не помню, разнесенъ: столы и стулья вылетаютъ черезъ окна на улицу. Оказалось, что этотъ будто-бы студентъ на графскiя деньги напился вдребезги и безчинствуетъ.

Однажды, будучи въ Бѣлоозерскомъ уѣздѣ и бесѣдуя съ крестьянами, чаявшими увеличенiя земельныхъ надѣловъ, графъ разъяснялъ имъ несбыточность ихъ желанiй (теперь, увы, сбывшихся, но не для блага ни крестьянъ, ни помѣщиковъ) и сказалъ имъ, что это утопiя.

Послѣ, по обыкновенiю, очень тихой графской рѣчи и послѣ отъѣзда губернатора крестьяне стали ее по своему обсуждать и говорили:

— Хорошiй человѣкъ нашъ губернаторъ, словъ нѣтъ, а что онъ утопить насъ хочетъ, это онъ того — совралъ, этого онъ сдѣлать не можетъ, это, шалишь, братъ!

При объѣздахъ графомъ Медемъ губернiи, всегда происходило много курьезовъ, во-первыхъ очень трудно было заставить его принять гдѣ-либо обѣдъ и онъ всегда стремился платить, чѣмъ не мало смущалъ городскихъ головъ и прочихъ радушныхъ хозяевъ, предлагавшихъ хлѣбъ-соль по широкому русскому гостепрiимству, а вовсе не изъ другихъ

побужденій, тѣмъ болѣе, что графъ и въ ѣдѣ и во всѣхъ привычкахъ былъ истый спартанецъ, а во-вторыхъ, онъ никогда не позволялъ чинамъ полиціи себя сопровождать и только изрѣдка попадались ему будто случайные спутники.

Пріѣзжаетъ онъ какъ-то осенью въ Любань, гдѣ становымъ приставомъ былъ очень смышленный и дѣльный полицейскій, но, разумѣется, не безгрѣшный. И такъ какъ онъ боялся, что кто нибудь изъ обывателей, а въ особенности ямщикъ — хозяинъ почтовой станціи, довольно любопытный типъ крестьянина грамотѣя и философа, Александръ Памфиловъ, пустится въ излишнія откровенности и наплететъ про него что-нибудь, такъ онъ убѣдилъ графа, что ему по спѣшному дѣлу нужно ѣхать въ какую-то деревню, словомъ, имъ по дорогѣ и графъ взялъ его въ свой тарантасъ.

Въ верстахъ тридцати отъ Любани пришлось ночевать въ довольно просторной и чистой избѣ и приставъ, отличавшійся богатырскимъ храпомъ, чтобы не безпокоить Его Сіятельство, собирался итти на другую половину.

— Нѣтъ, ложитесь здѣсь, рядомъ со мной, мѣста довольно.

Графъ по обыкновенію въ дорогѣ на полу самъ раструсилъ сѣно, покрылъ простыней,

подъ голову положилъ губерваторское пальто и, имѣя чистую совѣсть, быстро заснулъ; приставъ, боясь храпѣть, долго перемогался, утромъ просыпается, а курить ему смертельно хочется, но встать не рѣшается, чтобы не обезпокоить начальство и осторожно поворачиваетъ голову, чтобы посмотрѣть, почиваетъ графъ или нѣтъ.

— Ви что, проснулись, а я уже давно не сплю; но не вставалъ, чтобы Васъ не безпокоить.

Это самъ приставъ мнѣ разсказывалъ, уморительно представляя въ лицахъ, какъ они рядышкомъ съ Его Сіятельствомъ изволили ночевать.

Хотя я многое позаимствовалъ у графа изъ его губернаторскихъ привычекъ и обыкновеній, но до такой простоты и нравственнаго совершенства я, конечно, не дошелъ, а кромѣ того, что было терпимо и возможно въ Новгородской губерніи, то на далекомъ Уралѣ, въ лѣсныхъ дебряхъ, при значительно большихъ переѣздахъ и громадныхъ разстояніяхъ было прямо немыслимо.

Изъ другихъ курьезовъ вспоминаю, что одно время у насъ въ Любани былъ становымъ приставомъ нѣкто Мельницкій, пьяница и мало способный, нерадивый чиновникъ; и вдругъ на 6-ое декабря, въ наградномъ спискѣ, изъ всей уѣздной полиціи только Мельницкій по-

лучилъ Высочайшую награду. Я, будучи предводителемъ дворянства, позволилъ себѣ выразить графу свое удивленіе, а онъ мнѣ съ обычной простотой отвѣчаетъ:

— И князь Голицынъ (т. е. губернскій предводитель дворянства) и Вы и многіе на него жаловались, но мнѣ его жалько стало и я его представилъ.

Когда были такъ называемые Виттевскіе губернскіе комитеты о сельскохозяйственной промышленности и страсти въ многолюдныхъ засѣданіяхъ разгорались, то во время перерыва вмѣстѣ съ чаемъ подавался другой напитокъ.

— Что это такое? — спрашиваю я дворецкаго графа, а графъ за него отвѣчаетъ:

— Это земляника, это очень полезно для успокоенія; я боялься, что будутъ слишкомъ бурныя засѣданія, а это очень хорошо.

Всѣхъ курьезовъ и происшествій не перечесть или надо исписать цѣлую книгу, но скажу только, что и окруженъ онъ былъ такими же блаженными людьми, какъ и онъ самъ, а все таки правилъ по тихоньку и дѣло не разваливалось, слишкомъ велико было его обаяніе, а его доброта, великодушіе, сердечность помогали дѣлу управленія, — лучше ненужныхъ окриковъ или олимпійскаго величія многихъ представителей и носителей власти.

А когда графъ покинулъ губернію, связь

его съ новгородцами не только не порвалась, но чиновный и дворянскій міръ потянулись въ Петербургъ на Каменный Островъ, гдѣ поселился Медемъ, дабы засвидѣтельствовать ему не только свое глубокое почтеніе, но прямо поклониться почтеннымъ и святымъ старичкамъ, тихо доживавшимъ тамъ свой вѣкъ, въ одномъ изъ скромныхъ флигелей дворца принцессы Альтенбургской.

Послѣ графа Медемъ былъ не глупый, но безтактный, мало симпатичный и непривѣтливый Башиловъ, не умѣвшій выбирать себѣ друзей и знакомыхъ, а главное все стремившійся что-то изобразить, чтобы не уронить своего достоинства, весьма неумѣло и некстати его подчеркивая; графъ же свою власть тщательно пряталъ, а все таки губернаторское достоинство такъ и свѣтилось у него, но свѣтилось яркимъ и благостнымъ свѣтомъ, облагораживавшимъ его зачастую недостойныхъ подчиненныхъ.

Затѣмъ короткое время былъ умный и дѣльный Лопухинъ, но... и при томъ женатый на еврейкѣ, дамѣ весьма назойливой и безтактной, и, наконецъ, страдавшій нѣсколько маніей величія, но очень добродушный, хотя и не мудрый правитель — Михаилъ Владимировичъ Иславинъ.

Вотъ картина новгородской губернской администраціи за шестьдесятъ лѣтъ и, сравни-

вая Новгородскую губернію со многими другими, можно было ее считать въ общемъ безусловно счастливой.

Да и жандармское начальство было благодушное, ибо во времена графа Медемъ начальникомъ губернскаго жандармскаго управленія былъ полковникъ Аркадій Іосифовичъ де-Гійдль, чрезвычайно порядочный, добродушный и очень воспитанный человѣкъ. Думаю, что онъ былъ не способенъ къ этой дѣятельности, благодаря именно своей порядочности и нравственной чистоплотности, а тамъ требовалась неразборчивость въ средствахъ, а главное «тащить и не пущать», и чѣмъ жандармское начальство болѣе тащило по тюрьмамъ, чѣмъ болѣе создавало дѣлъ, тѣмъ болѣе проявлялась ихъ дѣятельность и обезпечивалось благоволеніе руководящихъ ими органовъ.

Но далеко не всѣ губернаторы уподоблялись графу Медемъ. Въ большомъ провинціальномъ городѣ и довольно крупномъ промышленномъ центрѣ долгое время былъ губернаторомъ пожилой человѣкъ, сдѣлавшій, не знаю почему, блестящую карьеру; такъ онъ при объѣздѣ губерніи всегда дѣлалъ видъ, что прогоны его не касаются и вопроса о платѣ за лошадей не подымалъ.

Точно также была молва, что всѣ исправники у него на откупу, по крайней мѣрѣ дво-

рянство З...скаго уѣзда ему жаловалось на исправника, что не по чину беретъ и населеніе стонетъ отъ его вымогательства.

— Да. Я слышалъ, какъ это непріятно, — отвѣтилъ губернаторъ.

И что же? Въ наказаніе перевелъ его въ богатѣйшій уѣздъ, гдѣ исправникъ отъ одного только сахарозаводчика получалъ до 10.000 рублей въ годъ. Въ губернскомъ городѣ и губернаторъ и его семья имѣли кличку «Семейство Шушей»; ибо вся семья носила имя Александръ и Александра.

По поводу губернаторовъ, вспоминаю одинъ характерный разговоръ трехъ одновременно назначенныхъ губернаторовъ еще въ прошломъ вѣкѣ. Встрѣтились какъ-то въ Петербургѣ Александръ Григорьевичъ Булыгинъ, назначенный въ Калугу, князь Мещерскій — въ Саратовъ (оба товарищи по Правовѣдѣнію) и графъ Милютинъ, сынъ бывшаго военнаго министра — въ Курскъ. Князь Борисъ Борисовичъ Мещерскій былъ озабоченъ пріисканіемъ правителя канцеляріи и, обѣдая вмѣстѣ съ Булыгинымъ и Милютинымъ, печаловался, что не можетъ найти подходящаго человѣка. А Милютинъ, большой любитель покушать и не стремившійся проявлять усиленную дѣятельность, ему на это возразилъ: Ah, mon cher, un „чиновникъ ça se trouve toujours; вотъ повара не могу найти».

И въ сущности это совершенно правильно.

Были губернаторы и другого типа — болѣе легкомысленные. Одинъ особенно оживлялся на улицѣ при видѣ гимназистокъ и всегда пѣтушкомъ за ними устремлялся. Но однажды полицейскій, видя шаловливое устремленіе губернатора, поспѣшилъ почтительно доложить:

— Ваше Превосходительство, это проститутка. —

Оказалось, что нѣкоторыя дѣвицы легкаго поведенія стали одѣваться гимназистками, чтобы привлечь на себя начальственный взоръ.

Тотъ же помпадуръ очень любилъ при посѣщеніи женскихъ гимназій провѣрять, носятъ-ли православныя ученицы крестикъ...

Другой засидѣлся до пѣтуховъ у замужней дамы, а вернувшійся мужъ спряталъ начальственное одѣяніе и на разсвѣтѣ губернаторъ шествовалъ домой въ бѣлыхъ панталончикахъ, но не генеральскихъ.Разумѣется, послѣ этого шествія онъ покинулъ губернію; это было незадолго до великой войны.

Строгій и чопорный судья, прочтя эти строки, скажетъ: «какое безобразіе; какая распущенность; что за помпадуръ». Да помпадуровъ было много, также и помпадуршъ, и Салтыковъ-Щедринъ осмѣивалъ губернаторовъ и за многое осуждалъ. И я многихъ похвалить не могу, но скажу, что не всѣ были

помпадурами во-первыхъ, и во-вторыхъ, что, если бы этихъ помпадуровъ теперь вернуть въ россійскія губерніи, то всюду навѣрное ликованіе бы было и люди христосовались бы отъ радости, какъ въ Свѣтлый Праздникъ.

Были слабости, были прегрѣшенія, но все же сердце было и совѣсть была, а главное была горячая любовь къ Россіи, которая затмѣвала всѣ грѣшки и всѣ заблужденія.

V

Отъ губернаторовъ шалуновъ и новгородскихъ губернаторовъ и гражданской власти перейду къ духовной, т. е. къ архіереямъ, коихъ на моей памяти было три, и первымъ изъ нихъ послѣ отдѣленія Новгородской епархіи отъ Петербургской, что произошло тотчасъ послѣ кончины маститаго митрополита С. Петербургскаго, Новгородскаго и Финляндскаго Исидора, былъ назначенъ Феогностъ, о которомъ я уже говорилъ и болѣе распространяться о немъ не стоитъ, ибо чѣмъ скорѣе такіе владыки будутъ потомствомъ забыты, тѣмъ лучше и для нихъ, и для русской церкви. Пробылъ онъ въ Новгородѣ чуть ли не восемь лѣтъ.

Его смѣнилъ старый, почтенный и весьма благообразный владыка Гурій, переведенный

изъ Смоленска, принявшій монашество уже старикомъ, а всю жизнь онъ посвятилъ духовно - учебной дѣятельности и даже одно время былъ предсѣдателемъ училищнаго совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ. Долгое время онъ былъ ректоромъ духовной семинаріи и былъ посвященъ въ духовный санъ послѣ сорока лѣтъ. Архіепископъ Гурій, какъ и графъ Медемъ, отличался излишней мягкостью и не обладалъ административной энергіей, но это былъ прекрасный христіанинъ, мудрый владыка и тонкій проповѣдникъ, но только не для простого народа, а для образованной публики. Его рѣчь на гоголевскомъ юбилеѣ плѣнила даже иновѣрцевъ и предсѣдатель суда Кемпе, истый лютеранинъ, мнѣ говорилъ, что никогда подобной прекрасной рѣчи онъ не слыхалъ въ русской церкви.

Къ сожалѣнію, послѣдніе годы Гурій, вслѣдствіе преклоннаго возраста, не могъ заниматься дѣлами и многіе приближенные злоупотребляли его старостью и добротой.

Послѣ него появился Арсеній и понынѣ управляющій новгородской митрополіей и, кажется, умѣло ладящій съ большевиками. Арсеній великолѣпно служилъ. Человѣкъ энергичный и, говорятъ, умный, по крайней мѣрѣ въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ онъ долго засѣдалъ по выбору духовенства, къ его рѣчамъ

прислушивались и онъ игралъ въ правомъ крылѣ нѣкоторую роль, выступая въ засѣданiяхъ съ большимъ достоинствомъ.

Я знаю только, что онъ человѣкъ упрямый, своеобразный и своевольный, и во всякомъ случаѣ, это не типъ лица, который бы могъ поднять упавшую и разлагающуюся русскую церковь.

Новгородскiе монастыри не отличались ни благочестiемъ, ни высокой нравственностью.

Изъ женскихъ монастырей лучше другихъ былъ Десятинный, благодаря строгой и разумной настоятельницѣ, а славившiйся своимъ богатствомъ — Юрьевъ монастырь, въ трехъ верстахъ отъ Новгорода, гдѣ при Александрѣ I настоятельствовалъ извѣстный Фотiй, другъ благочестивой графини Орловой-Чесменской, пожертвовавшей почти все свое громадное состоянiе этому монастырю, и одновременно другъ Аракчеева, отличался особой распущенностью. Насколько велики были богатства этого Юрьева монастыря, скажу, что однихъ сапфировъ было свыше чѣмъ на миллiонъ рублей, при чемъ въ образахъ были точныя копiи настоящихъ, а подлинные хранились за тремя замками въ одной изъ колоколенъ.

Вообще съ монастырскими нравами и жизнью монастырей я былъ знакомъ и долгiе годы былъ въ дружескихъ отношенiяхъ съ игу-

меномъ Сергіемъ, бывшимъ правовѣдомъ Алексѣемъ Павловичемъ Турбинымъ, на 10 лѣтъ старше меня, одно время бывшимъ настоятелемъ Спасо-Елеазарова монастыря въ 20 верстахъ отъ Пскова.

Предшественникъ игумена Сергія, въ томъ же Елеазаровомъ монастырѣ, архимандритъ Палладій застрѣлился въ припадкѣ бѣлой горячки. Я еще холостымъ, какъ-то поздней осенью по отвратительной дорогѣ, отправился погостить къ игумену Сергію и, помню, дорогой обогналъ крестный ходъ съ чудотворной иконой Спасителя и очень неприглядными и неблогопристойными монахами, а въ монастырѣ, слушая невеселые разсказы отца Сергія про монастырскую жизнь, мнѣ еще болѣе сгрустнулось.

Монастырекъ былъ маленькій, монахи изъ крестьянъ, всѣ пьяницы, грубоватые, дѣлившіе въ концѣ года доходы отъ чудотворной иконы, которая все лѣто, вплоть до Введенія, путешествовала по губерніи. И что же, по словамъ правдиваго о. Сергія, на всѣ монастырскіе доходы мѣстные крестьяне накладывали свою руку за женъ и дочерей, которыя пользовались монашеской благосклонностью.

Да не въ одномъ Спасо-Елеазаровомъ монастырѣ было такъ и въ женскихъ монастыряхъ было не лучше: въ одномъ губернскомъ

городѣ, на дворѣ женскаго монастыря въ колодцѣ, частенько находили мертвыхъ младенцевъ.

Ахъ, да всѣхъ монастырскихъ безобразій и не перескажешь, вотъ почему на меня, далеко не заблуждавшагося насчетъ монастырской жизни и нравовъ, произвелъ столь глубокое впечатлѣніе Валаамъ, и своимъ благочестіемъ, и своими порядками и составомъ братіи. И зная Валаамъ, я понимаю и вѣрю, что монастыри, не по названію только, а по духу, по искони сложившейся молвѣ и по обычаямъ, т. е. настоящіе монастыри, но таковыхъ было очень немного, дѣйствительно могли имѣть громадное общественное и нравственное, воспитательное и образовательное значеніе въ Россіи, въ особенности на сѣверѣ, и для крестьянскаго населенія.

Теперь все это и хорошее и дурное уничтожено, а для созданія вновь этихъ старинныхъ историческихъ обителей, держателей Православія, разсадниковъ Вѣры, потребуется много, очень много времени и труда, а половину и возстановить не удастся, ибо семь лѣтъ безправія и кощунственнаго перевоспитанія русскаго народа сильно его развратило, и именно православная Русь получила отъ русской революціи жесточайшій и малопоправимый ударъ.

VI

Возвращаясь къ новгородскому чиновному міру, скажу, что судебное вѣдомство, какъ и всюду впрочемъ въ провинціи, выдѣлялось своимъ составомъ, а въ особенности прокурорскій надзоръ, который въ мое время составлялъ цвѣтъ новгородскаго общества, точно также какъ изъ военнаго міра, помимо весьма любимаго новгородцами Лейбъ Гвардіи Драгунскаго полка, находившагося, къ сожалѣнію, въ 15 верстахъ по шоссе отъ города, отличалось артиллерійское общество.

Когда я началъ службу въ Новгородѣ, предсѣдателемъ суда былъ хотя дѣльный, но мало симпатичный человѣкъ, отличавшійся заносчивостью съ просителями, за что, однажды, отъ одного богатаго крестьянина и пострадалъ, получивъ по просту оплеуху. Но, такъ какъ въ судебномъ вѣдомствѣ и въ Новгородѣ оплеухи на генеральскихъ ликахъ не такъ высоко цѣнились начальствомъ, какъ на окраинахъ, то никакой награды онъ за это не получилъ, какъ это было съ попечителемъ Варшавскаго Учебнаго Округа, удостоеннымъ ордена Александра Невскаго, послѣ того, что студентъ смазалъ его по рожѣ. Эта награда дала тогда возможность варшавскимъ гимназистамъ и уличнымъ мальчишкамъ острить:

«Я тебѣ такого Апухтина дамъ, что у тебя Александръ Невскій выскочитъ».

Товарищемъ предсѣдателя Окружного Суда былъ долгое время очень милый, порядочный и весьма популярный въ Новгородѣ Валеріанъ Александровичъ Башкировъ.

Послѣ заносчиваго предсѣдателя, я уже не помню сразу или черезъ года два, былъ назначенъ Антонъ Германовичъ Гизетти, питомецъ Московскаго Университета, сохранившій до почтеннаго возраста благородныя традиціи старѣйшаго русскаго разсадника просвѣщенія. Гизетти былъ умный, знающій, дѣльный судья и въ то же время обязательный и общительный человѣкъ, очень пріятный и въ служебныхъ отношеніяхъ, и въ веселой дружеской компаніи. Его всѣ полюбили, и новгородцы глубоко сожалѣли, когда онъ покинулъ Новгородъ. Гизетти смѣнилъ Кемпе, русскій нѣмецъ, который былъ смѣшенъ своимъ стараніемъ казаться русскимъ, да и вообще это былъ типъ судейскаго чиновника формаціи Щегловитова, т. е. судья не за совѣсть, а за страхъ. Послѣ Кемпе—осторожный и хитрый, какъ и всѣ хохлы, Дмитрій Васильевичъ Литовченко, но тактичный, очень не глупый и знающій юристъ.

Прокурорами при мнѣ были: сперва очень остроумный и злой на языкъ, но удивительно лѣнивый Владиміръ Николаевичъ Всеволож-

скій, человѣкъ способный, умный и интересный, когда не спалъ, но засыпалъ онъ почти ежеминутно, не стѣсняясь никого, даже и дамскаго общества, и никакіе разговоры не мѣшали ему засыпать.

Послѣ него—обруссѣлый нѣмецъ,подчеркивающій à la Саблеръ свое православіе; человѣкъ, подъ личиной дубродушія, неискренній и любившій дешевыя остроты, и при этомъ чрезвычайно однообразныя, за что и былъ прозванъ «c'est clair comme le chocolat», что повторялъ онъ очень часто.

Затѣмъ—очень способный, дѣльный и умный, быстро схватывающій Максиміліанъ Ивановичъ Трусевичъ, впослѣдствіи директоръ департамента полиціи, въ обществѣ онъ почти не показывался, занятый по горло дѣлами, ибо кромѣ прямыхъ прокурорскихъ обязанностей на немъ лежали крупныя политическія дѣла, которыя онъ велъ въ Петербургѣ при охранномъ отдѣленіи и, благодаря слишкомъ большой его связи съ охраннымъ отдѣленіемъ, многіе въ Новгородѣ его избѣгали, ибо, разумѣется, охранныя отдѣленія далеко не пользовались симпатіями, даже самой благонамѣренной части общества.

Наконецъ появился Сергѣй Владиславовичъ Завадскій, имѣвшій репутацію очень знающаго юриста и хорошаго судебнаго оратора, человѣкъ образованный и весьма начи-

танный, нѣсколько мрачный на видъ, а въ сущности мягкій и добрый человѣкъ, но съ твердыми убѣжденіями и думаю, что не способный когда-бы то ни было покривить душой. Онъ былъ очень общительный человѣкъ и интересный собесѣдникъ, любившій въ теплой компаніи приговаривать: «Я пьянъ какъ сорокъ тысячъ братьевъ» или «Клянусь святымъ Патрикомъ», но, конечно, это была только поза, ибо пьянъ онъ не могъ быть, такъ какъ и пилъ то онъ очень мало. Какъ прокурорскій надзоръ, такъ и новгородцы относились къ нему съ большимъ уваженіемъ и онъ пользовался большимъ расположеніемъ, какъ достойнѣй во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ.

Вспоминая судебное вѣдомство и его дѣятелей не могу обойти молчаніемъ одного крупнаго курьеза того времени, это выѣздныхъ сессій судебныхъ палатъ и ихъ засѣданій съ сословными представителями. Не помню уже почему, но я долго уклонялся отъ участія въ этихъ засѣданіяхъ, слишкомъ много времени они другой разъ отнимали, а затѣмъ у меня какъ то душа не лежала къ этимъ судейскимъ генераламъ, видя ихъ непомѣрную и смѣшную важность на обѣдахъ у графа Медемъ, а зачастую и значительную ихъ рамольность.

Но, какъ то разъ умный — заика, наблю-

дательный и довольно злой на языкъ Устюженскій предводитель дворянства, Иванъ Дмитріевичъ Карауловъ, съ его обрюзгшимъ и жирнымъ лицомъ стараго жуира, услыхавъ какъ губернскій предводитель дворянства князь Голицынъ поручалъ мнѣ участвовать вмѣсто себя въ засѣданіяхъ Палаты, а я отнѣкивался, мнѣ сказалъ: «Сту..у..пайте, это пре..е..инте..те..ресно э..это же опе..пе..ретка».

И послѣ этого я дважды участвовалъ въ засѣданіяхъ судебной палаты: первый разъ предсѣдательтвовалъ старшій членъ С. Пепербургской Палаты, очень почтенный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, Булатовъ, какъ его звали, не помню, кажется Константинъ Павловичъ, очень мягкій, корректный, влюбленный въ судебные уставы Александра II и не замѣчавшій зачастую несоотвѣтствія ихъ и въ особенности процессуальной стороны нашего судопроизводства и его излишняго формализма, съ малограмотностью крестьянскаго и даже мелкаго городского населенія.

Да кромѣ того Булатовъ, благообразный, худой, тщательно выбритый старикъ, не выговаривалъ ни «К» ни «Л», что конечно было огромнымъ недостаткомъ для предсѣдателя судебныхъ засѣданій. Отлично помню первое дѣло, которое тогда разсматривали. Довольно дряхлая на видъ семидесятилѣтняя старушка, крестьянка Тихвинскаго уѣзда, обви-

нялась въ сопротивленіи волостному старшинѣ при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей. Она заперла ворота на дворъ избы и не допускала старшину до производства описи имущества въ отсутствіи своего сына.

Дѣло, собственно говоря, выѣденнаго яйца не стоило и во всякомъ случаѣ по такимъ пустяшнымъ дѣламъ (а ихъ было большинство), не стоило безпокоить какъ сословныхъ представителей, такъ и тѣмъ болѣе устраивать дорого стоющія казнѣ выѣздныя сессіи судебной палаты; ихъ пріѣзжало обыкновенно пять человѣкъ; т. е. предсѣдатель, два члена палаты, товарищъ прокурора и секретарь, да еще почти всегда привозился и курьеръ. Считая, что члены палаты получали каждый прогоны на шесть животныхъ, а палатскіе округа были громадны, такая старушка обходилась русской казнѣ довольно дорого, дѣло же это могло бы быть разсмотрѣно или земскимъ начальникомъ, или самое большее уѣзднымъ членомъ Окружного Суда.

И вотъ по открытіи засѣданія Булатовъ съ важнымъ видомъ непогрѣшимаго судьи вопрошаетъ старуху о званіи, лѣтахъ и т. д., а потомъ спрашиваетъ: «Опію обвинитейнаго зата поучил?» и далѣе: «отвода противъ состава судей не имѣете?»

Маленькая, сморщенная, запуганная старушенка, не смотря на трижды повторенные во-

просы, ничего конечно не поняла, покуда судебный приставъ не растолковалъ ей въ чемъ дѣло и не подсказалъ ей отвѣта.

Она совсѣмъ обалдѣла отъ всей торжественной обстановки судебной палаты и конечно была далека отъ мысли, что столько судей собралось нарочно по такому пустяшному дѣлу и въ толкъ не могла взять картавыхъ вопросовъ предсѣдателя, а немногочисленная публика, да и мы грѣшные сословные представители еле сдерживали смѣхъ.

А глупый волостной старшина, изъ излишней ретивости, затѣявшій все дѣло былъ вызванъ свидѣтелемъ по дѣлу изъ Тихвинскаго уѣзда, т. е. за 100 верстъ отъ желѣзной дороги, думаю, не разъ въ душѣ пожалѣлъ, что составилъ протоколъ, и проклиналъ свою судьбу, ибо по хорошему и вѣрному русскому выраженію «суды всю душу изъ человѣка вымотаютъ, какъ пойдутъ васъ таскать».

По поводу вопросовъ, предлагаемыхъ обвиняемымъ и свидѣтелямъ, вспоминается мнѣ разсказъ товарища моего отца по Правовѣдѣнію почтеннаго сенатора и очень скромнаго и милаго человѣка, Петра Александровича Юренева, пріѣзжавшаго всегда къ отцу въ Любань на именины (т. е. 15 Іюля) съ цѣлымъ запасомъ разсказовъ и анекдотовъ на разные житейскіе случаи и которые онъ, какъ

прекрасный разсказчикъ, передавалъ съ самымъ серьезнымъ и невозмутимымъ видомъ.

Какъ - то на судѣ спрашивали свидѣтельницу, деревенскую бабу, о годахъ, званіи и затѣмъ не была ли подъ судомъ. И баба, понявъ, разумѣется, вопросы по своему, съ полной откровенностью поспѣшила отвѣтить: «Подъ судомъ, господа, не была, а подъ исправникомъ была». И я, слушая въ засѣданіи Палаты вопросы предсѣдателя, такъ и ждалъ, что старушка со страху брякнетъ что либо въ этомъ родѣ.

А другой разъ предсѣдательствовалъ самъ старшій предсѣдатель палаты парадный Иннокентій Клавдіевичъ Максимовичъ, какъ его величали «судебный волкъ», и имѣвшій при этомъ репутацію очень грознаго судьи.

Такъ какъ дѣло было тоже пустое, а кромѣ того у него замѣчалось стремленіе обвинить во что бы то ни стало, то я съ моими коллегами, т. е. сословными представителями очень настаивали на оправданіи и я уговаривалъ присоединиться къ намъ очень порядочнаго и мягкаго по натурѣ человѣка, члена окружного суда Шлезингера, кажется еврейскаго происхожденія (и по типу и по фамиліи), а онъ въ совѣщательной комнатѣ мнѣ шепчетъ: «Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, но я вѣдь здѣсь для усиленія состава судебной палаты», ибо сословныхъ представителей бы-

ло трое (предводитель дворянства, городской голова и волостной старшина), членовъ палаты было тоже трое и чтобъ не говорили, что только голосомъ предсѣдателя выносится приговоръ, приглашался одинъ изъ членовъ суда, на обязанности котораго было безпрекословное присоединеніе къ мнѣнію палаты. А Максимовичъ, какъ большинство предсѣдателей палатъ временъ Муравьева и Щегловитова, противорѣчія не любилъ и несмѣняемому судьѣ не поздоровилось бы.

Я привожу здѣсь два характерныхъ случая, а такихъ случаевъ каждый безпристрастный предводитель дворянства или городской голова навѣрное вспомнитъ много и подтвердитъ мои слова, что сословные представители въ этихъ засѣданіяхъ обречены были играть жалкую роль.

Какая трата времени и денегъ были эти выѣздныя сессіи палатъ, несомнѣнно очень любимыя членами судебныхъ палатъ, какъ прибавка къ ихъ довольно скромному жалованію, можно судить по тому, что на проѣздъ Казанской судебной палаты зимой въ Пермь требовалось чуть ли не семь дней, да семь назадъ, ибо отъ Казани надо было ѣхать на Нижній, оттуда пробираться или на Ярославль, Вологду и Вятку, или же на Самару, Уфу, Челябинскъ, Екатеринбургъ и Пермь.

Конечно бывали дѣла серьезныя, въ особенности послѣ 1905 года, но большинство

дѣлъ давнымъ давно слѣдовало изъять изъ вѣдѣнія судебныхъ палатъ и передать ближе стоящимъ къ населенію мировымъ судьямъ или уѣзднымъ членамъ окружныхъ судовъ.

VII

Въ Новгородской Казенной Палатѣ долго царилъ Иванъ Ивановичъ Андогскій, очень знающій и дѣльный чиновникъ,умный и скромный человѣкъ, новгородскій самородокъ изъ крестьянъ, кажется Устюжскаго уѣзда, и бывшій долгое время правителемъ канцеляріи губернатора при Лерхе, а службу началъ чуть-ли не волостнымъ писаремъ.

Ну, акцизъ — извѣстно акцизомъ; во главѣ же лѣсного вѣдомства былъ хитрый Прохорычъ, какъ его всѣ звали, человѣкъ недурной, но мало замѣтный, да и лѣсное вѣдомство держалось въ черномъ тѣлѣ и въ сторонѣ.

Жена одного изъ Прохорычей была наивная шалунья. Кстати по поводу новгородскихъ молодыхъ дамъ, вспоминаю однажды разговоръ съ проводникомъ спальнаго вагона новгородской узкоколейки. Это былъ ловкій полякъ, лѣтъ уже 40; такъ онъ мнѣ однажды разсказывалъ: «Вы не повѣрите, что продѣлываютъ здѣсь дамы въ вагонѣ» и изъ скромности не добавилъ, что въ продѣлкахъ онъ

игралъ не послѣднюю роль. И я зналъ одну очень красивую даму испанистаго типа, которая очень часто путешествовала изъ Новгорода до Чудова и обратно, но всегда съ собственными кавалерами.

Точно такъ-же одинъ изъ русскихъ бѣженцевъ, бывшій офицеръ, поступилъ недавно проводникомъ въ международные вагоны и ѣздилъ въ одной странѣ, гдѣ часто встрѣчались русскія дамы, а офицеръ этотъ молодой и пріятной наружности. Вотъ одна дама звонитъ, онъ входитъ въ купэ, она лежитъ въ райскомъ одѣяніи. «Кондукторъ. Кондукторъ. Я не могу найти свою рубашку». И проводникъ ее находитъ засованную за диванъ. Потомъ въ слѣдующую поѣздку другая дама его звонитъ и говоритъ, что боится спать одна; а кондукторъ - бѣженецъ предлагаетъ открыть дверь въ сосѣднюю уборную, а за уборной свободное купэ и онъ будетъ тамъ находиться. Видя, что хитрость ея не удалась, дама заявляетъ, что ей холодно и проситъ ее согрѣть; онъ достаетъ второе одѣяло и хочетъ его положить, а она откидываетъ и первое, чтобъ прельстить его своей наготой. Ну, такія пріятныя картины врядъ-ли можно было зрѣть на новгородской дорогѣ, гдѣ въ спальныхъ вагонахъ кромѣ подушки никакого бѣлья не полагалось.

Вспоминаю другой вагонный случай, раз-

сказанный мнѣ прокуроромъ Харьковской Судебной палаты Владиміромъ Васильевичемъ Давыдовымъ, слѣдовательно это было не позднѣе восьмидесятыхъ годовъ. Ѣхалъ онъ какъ-то въ Шую продавать свой лѣсъ; желѣзная дорога маленькая, какая-то вѣтка, и въ первомъ классѣ кромѣ него была только одна молодая и довольно нарядная дама, интересная, имѣвшая притомъ скучающій видъ. Поѣздъ тащился тихо, дорога невеселая и, воспользовавшись удобной минутой, Владиміръ Васильевичъ съ ней заговорилъ, а собесѣдникъ онъ былъ интересный и большой бабникъ. Она оказалась очень разговорчивой и такъ какъ ѣхать было еще порядочно, она предложила ему зайти къ ней въ купэ, чтобы закусить. Оказалось, что дама была запасливая и кромѣ закуски прихватила съ собой и шампанское. Ну, конечно, закуска закуской, разговоръ разговоромъ, но, памятуя одиннадцатую заповѣдь: «Не зѣвай», а Давыдовъ не былъ изъ зѣвакъ, — и подъѣзжая къ Шуѣ они были друзьями съ общими воспоминаніями. Но передъ выходомъ изъ вагона дама предупредила Давыдова, что городокъ небольшой, и если онъ гдѣ-либо ее встрѣтитъ, чтобы и виду не показывалъ, что уже знакомъ.

Ѣдетъ онъ къ лѣсопромышленнику, съ которымъ находился въ перепискѣ, сказался почтеннымъ старикомъ купцомъ; въ условіяхъ

сошлись, Давыдовъ получилъ деньги и хотѣлъ уходить, а купецъ просилъ по старому обычаю вспрыснуть покупочку и повелъ Давыдова въ столовую. «А вотъ позвольте познакомить, моя хозяюшка, жена моего сына, онъ въ Сибири на пріискахъ, а я самъ вдовецъ». И милѣйшій Владиміръ Васильевичъ увидалъ передъ собой свою вагонную знакомую незнакомку, которая очень мило его привѣтствовала — и бровью не повела и виду не подала.

Возвращается въ тотъ же день Давыдовъ обратно, а кондукторъ попался тотъ же самый и Давыдовъ сталъ его разспрашивать про эту даму; ну тотъ ему и разсказалъ, что дама эта, скучая въ Шуѣ, частенько ѣздитъ съ закусками и виномъ и съ незнакомыми людьми, т. е. не мѣстными, добрые разговоры ведетъ, а мужъ ея въ Сибири уже года два; въ Шуѣ же, разумѣется, она побаивалась, ибо городокъ маленькій, всѣ бы провѣдали.

VIII

Но, возвращаясь опять къ Новгороду, укажу на любопытную личность епархіальнаго наблюдателя церковно - приходскихъ школъ, Петра Никаноровича Спасскаго, считавшагося крайнимъ монархистомъ, но если дожилъ до большевиковъ, то по своей крайней безза-

стѣнчивости онъ сумѣлъ отлично съ ними ужиться.

Недавно глубоко порядочный, наблюдательный, вдумчивый человѣкъ, мой старый знакомый, по образованію инженеръ путей сообщенія, пріѣхавшій мѣсяца 4 тому назадъ изъ Россіи, мнѣ передавалъ свою бесѣду со старымъ и умнымъ крестьяниномъ Боровичскаго уѣзда. И крестьянинъ ему сказалъ:

— Намъ, Миколай Миколаевичъ, все равно кто нами управляетъ, лишь бы въ лавкахъ было что куплять.

Вотъ вамъ яркое доказательство крестьянскаго міровоззрѣнія. Такъ и я скажу про новгородскихъ и другихъ россійскихъ чиновниковъ: половина изъ нихъ были такого сорта люди, что имъ было безразлично, кто изображаетъ высшее начальство и есть ли царь или нѣтъ царя, лишь бы 20-го числа платили и къ Рождеству давали бы наградныя.

Въ монархическомъ отношеніи чиновный міръ (я разумѣю низшій и особенно провинціальный, да и столичный былъ не лучше) былъ самый ненадежный и къ этимъ-то ненадежнымъ принадлежалъ безспорно умный, но до наглости безпринципный Спасскій, бывшій для сельскаго духовенства и несчастныхъ учителей и учительницъ церковно - приходскихъ школъ настоящей грозой.

Конечно, на словахъ это былъ ярый мо-

нархистъ, потому что въ Святѣйшемъ Синодѣ это цѣнилось и крайности такого направленія были выгодны для службы, а какими способами проводились эти идеи и какъ насаждалось церковно-приходское просвѣщеніе и откуда добывались недостающія зачастую денежныя суммы на содержаніе той или иной школы, это никого не интересовало, но надо было шумѣть, подчеркивая свои правительственныя воззрѣнія, а это очень умѣло продѣлывалъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Спасскій. Боже мой, кого только не производили въ Превосходительные, не даромъ столоначальники правили Россіей, вотъ и доправились...

Ну, Консисторіи я не касаюсь, новаго ничего не скажешь, знаю только, что одинъ секретарь бралъ, про другого говорили, что онъ человѣкъ дѣльный и честный; но всетаки годика черезъ два появился хорошенькій домикъ, ибо маменька его брала.

По поводу Консисторіи характерный случай разсказывалъ мнѣ одинъ исправникъ Подольской губерніи.

Сельскій дьяконъ давно стремился въ священники, но какъ онъ ни хлопоталъ, какъ ни старался, — все безуспѣшно. Является къ нему одинъ изъ маленькихъ мѣстечковыхъ жидковъ и говоритъ, что всѣ хлопоты дьякова ему извѣстны, но если онъ ему, ев-

рею, дастъ 200 руб., то черезъ мѣсяцъ будетъ священникомъ. Дьяконъ повѣрилъ и деньги далъ, а черезъ недѣли три сталъ батюшкой и получилъ приходъ.

По поводу евреевъ и ихъ умѣнья извлекать изъ всего пользу, знаю очень характерный случай, разсказанный мнѣ весьма правдивымъ и честнѣйшимъ человѣкомъ, Павломъ Ниловичемъ Путиловымъ, уѣзднымъ членомъ новгородскаго Окружнаго Суда, о которомъ я говорилъ въ первой книгѣ, т. е. въ «Святыхъ и Грѣшныхъ».

Павелъ Ниловичъ началъ свою судебную дѣятельность въ глуши Минской губерніи судебнымъ слѣдователемъ и тамъ зналъ портного еврея, который ему кое-что работалъ. Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, является къ нему этотъ портной и говоритъ:

— Жвиняюсь, Ваше Высокоблагородіе, что я вамъ и скажу, зачѣмъ вамъ жить и въ одной комнатѣ, когда я вамъ отдѣлаю квартиру и увсю меблирую.

Путиловъ, разумѣется, взбѣсился и выгналъ еврея вонъ. Но проходитъ послѣ этого годъ, Путиловъ былъ переведенъ въ другой городъ и передъ отъѣздомъ сталъ спрашивать еврея, какой ему, человѣку небогатому, былъ разсчетъ дѣлать подобныя предложенія. И еврей откровенно ему все объяснилъ:

— Я бы изъ васъ ничего бы не потребовалъ

и ни съ какими упросьбами не сталъ бы обращаться, но только, когда у васъ былъ бы допросъ обвиняемыхъ или свидѣтелей, то я бы къ вамъ вошелъ и только поздаровкался бы съ вами. И мнѣ было бы хорошо и очень хорошо, а у васъ була бы квартира.

Конечно, такой благороднѣйшій человѣкъ, какъ Путиловъ, у котораго на совѣсти за всю его 40-лѣтнюю службу не то что малѣйшаго пятнышка, но даже намека на какую нибудь сдѣлку съ совѣстью не было, на такую «увыгодную слѣлку» не согласился и только черезъ 35 лѣтъ моимъ товарищамъ и мнѣ со смѣхомъ это разсказывалъ, какъ доказательство еврейской изворотливости.

Но, вѣроятно, не всѣ судебные дѣятели такъ поступили на его мѣстѣ, хотя до 20-го вѣка и въ общемъ даже до революціи судебное вѣдомство было самое чистоплотное и великіе завѣты Царя Освободителя твердо хранились почти на всемъ протяженіи необъятной Матушки Россіи, но все же съ начала 20-го вѣка и даже съ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія начался нѣкоторый упадокъ судебнаго вѣдомства, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что зачастую на судейскую совѣсть производилось давленіе изъ Петербурга.

Заканчивая описаніе новгородскаго чиновнаго міра, считаю своей святой обязанностью сказать нѣсколько теплыхъ словъ о новгород-

ской жемчужинѣ, на скромномъ провинціальномъ фонѣ, о благороднѣйшемъ, честнѣйшемъ труженикѣ и удивительномъ безсребренникѣ, миломъ, сердечномъ докторѣ Николаѣ Евгеньевичѣ Грѣшищевѣ, болѣе 25 лѣтъ занимавшемъ скромную должность уѣзднаго врача и исполнявшемъ ее всегда съ безукоризненной добросовѣстностью.

Было совершенно непонятно, какъ начальство не сумѣло оцѣнить этого умнаго, чуткаго, хорошо образованнаго и чуднаго человѣка, съ рѣдко отзывчивой душой, всю жизнь почти бѣдствовавшаго и обремененнаго къ тому же многочисленнымъ семействомъ, такъ и умершаго въ этой должности незадолго до революціи.

Да и вся семья его по скромности, порядочности, преданности долгу были прямо выродками среди многихъ нравственно уродливыхъ провинціальныхъ семей.

Я все говорилъ о гражданскомъ начальствѣ, а изъ военнаго міра выдѣлялся пользовавшійся большими симпатіями въ Новгородѣ начальникъ 22 артиллерійской бригады генералъ Николай Васильевичъ Осиповъ, мѣстный дворянинъ и помѣщикъ.

Командирами Выборгскаго полка, стоявшаго въ Новгородѣ и имѣвшаго своимъ шефомъ безумнаго нарушителя европейскаго мира, Императора Вильгельма, были: сперва

Альфредъ Васильевичъ Беккеръ,— чистокровный толстый нѣмецъ, но порядочный и милый человѣкъ, затѣмъ бравый баронъ фонъ-денъ-Бринкенъ, покинувшій полкъ какъ только была объявлена японская война и отправившійся на фронтъ, такъ какъ онъ былъ страшный спиритъ и вѣрилъ въ свою счастливую судьбу, что оправдалось вполнѣ, ибо еще до начала великой войны онъ былъ командиромъ армейскаго корпуса.

Изъ Гвардейскаго Кавалерійскаго полка особыми симпатіями въ Новгородѣ пользовался полковникъ, нынѣ генералъ, Павелъ Павловичъ Апрѣлевъ, сохранившій свое благородство и глубокую порядочность при всѣхъ превратностяхъ судьбы и даже въ изгнаніи служащій хорошимъ примѣромъ для болѣе молодыхъ офицеровъ.

Изъ памятныхъ событій моей новгородской жизни, помимо японской войны, о которой уже ранѣе говорилъ и еще скажу, былъ пріѣздъ въ 1902 г. германскаго Кронпринца съ какимъ-то подаркомъ отъ Императора Вильгельма Выборгскому полку. Его сопровождалъ нынѣ покойный Великій Князь, а тогда наслѣдникъ престола, Михаилъ Александровичъ. Въ полковомъ собраніи на обѣдѣ Кронпринцъ напился, чѣмъ повергъ въ немалое смущеніе прусскаго генералъ - адъютанта, кажется Паппе (точно фамиліи не помню) и бѣднаго Вели-

каго Князя, краснѣвшаго за августѣйшаго гостя.

Михаилъ Александровичъ, проводивъ на вокзалъ Кронпринца, еще остался на часъ въ Новгородѣ и былъ на молебнѣ въ Софійскомъ соборѣ, обворoживъ всѣхъ своей скромностью, простотой и привѣтливостью.

IX

Покончивъ съ новгородскимъ чиновнымъ міромъ перейду теперь къ воспоминаніямъ о людяхъ выборныхъ. Самой видной и характерной фигурой былъ несомнѣнно губернскій предводитель дворянства князь Павелъ Павловичъ Голицынъ, долгіе годы чрезвычайно добросовѣстнымъ образомъ, вкладывая душу въ дѣло, исполнялъ обязанности сперва новгородскаго уѣзднаго предводителя дворянства, а потомъ губернскаго.

Къ Голицыну примѣнима русская поговорка: «Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно». Смолоду страстный англоманъ, даже по наружности, по многимъ привычкамъ и вкусамъ, онъ старался подражать англійскимъ лордамъ, но въ то же время это былъ чисто русскій, глубоко вѣрующій, набожный и очень хорошій человѣкъ, горячо любившій Россію и свое Марьино, и не признававшій и не по-

нимавшій жизни внѣ Россіи, а лѣтомъ внѣ Марьина. Страстный охотникъ, чрезвычайно педантичный и методичный, не только въ дѣлахъ, но даже въ мелочахъ, удивительно мягкій и жизнерадостный, онъ былъ всегда душою общества, гдѣ бы онъ ни показывался, всегда вѣжливый и привѣтливый; какъ и графъ Медемъ, онъ съ мелкими людьми былъ гораздо обходительнѣе и ласковѣе, чѣмъ съ большими, когда онъ напускалъ на себя весьма полезную, въ такихъ случаяхъ, важность.

Новгородъ безъ князя Голицына ни въ моемъ представленіи, ни въ умѣ моихъ современниковъ не укладывался и поэтому уходъ его съ жизненной сцены былъ особенно чувствителенъ и замѣтенъ именно въ Новгородѣ, точно душа отъ города улетѣла и остался лишь бездушный прахъ. И дворянство, и земство, и новгородцы со смертью милаго князя Павла Павловича осиротѣли. Я не знаю, каковъ бы онъ былъ на другихъ государственныхъ должностяхъ, но онъ былъ врожденный предводитель дворянства, любимый и дворянами, и чиновнымъ міромъ, и особенно земцами. Всегда по убѣжденіямъ правый, онъ умѣло ладилъ въ губернскомъ земствѣ и съ лѣвыми теченіями, отнюдь не поступаясь своими убѣжденіями: это была яркая, благородная и милая фигура добраго стараго времени въ его хорошихъ, свѣтлыхъ проявленіяхъ. Онъ отзы-

вался на все, что клонилось на благо мѣстнаго населенія и потому-то и волостные старшины, и даже послѣдній изъ крестьянъ зналъ и любилъ князя Голицына. Каждая обиженная учительница или другой маленькій человѣкъ могъ найти въ немъ горячаго и смѣлаго защитника, если только его дѣло было правое.

Онъ затмѣвалъ собой другихъ выборныхъ дѣятелей не величіемъ, а своей благородной простотой, своей благостью. Смерть застала его въ расцвѣтѣ лѣтъ за три мѣсяца до войны. Для семьи, друзей и новгородскаго дворянства смерть его была большой печалью, но для него большимъ счастьемъ. Война бы нанесла жестокую рану его русскому сердцу; а во время революціи такіе цѣльные люди стараго времени, какъ Голицынъ, немыслимы.

Несмотря на всю торжественность или точнѣе мундирность дворянскихъ собраній, воспоминанія о нихъ не вызываютъ отраднаго чувства.

По формѣ очень торжественны, а по сути очень блѣдны: это было сплошное ходатайствованіе о своихъ нуждахъ и дѣлишкахъ и, только въ самые послѣдніе годы передъ революціей, дворянство очухалось отъ продолжительной спячки и слишкомъ поздно прозрѣло и стало посылать, хотя иногда затуманенные, но правдивые адресы Царю.

Въ Новгородской губерніи, Кирилловскій,

Бѣлозерскій, Старорусскій, Череповецкій, Устюжевскій, Тихвинскій, а иногда и Демянскій уѣзды, т. е. семь изъ одиннадцати всѣхъ уѣздовъ губерніи, на выборахъ бывали не состоятельны, т. е. не имѣли даже двѣнадцати требуемыхъ закономъ голосовъ для уѣздныхъ выборовъ. Затѣмъ на дворянскихъ собраніяхъ появлялись такіе типы, которые изъ своихъ захолустій почти никогда не выѣзжали; и однажды былъ случай, что предводитель дворянства одного изъ сѣверныхъ уѣздовъ растерялъ по дорогѣ въ Новгородъ своихъ дворянъ, которыхъ онъ везъ для голосовъ: гдѣ-то перепились и розыскались уже послѣ выборовъ; бывали и такіе, которые изъ мундировъ не вылѣзали, такъ въ мундирахъ цѣлыми днями и ходили, ибо, вѣроятно, дома сиживали въ халатахъ и кромѣ мундира приличной городской одежды не имѣли.

За 20 лѣтъ моего участія въ новгородскихъ дворянскихъ собраніяхъ площадь дворянскаго землевладѣнія уменьшилась въ Новгородской губерніи на половину; конечно, не въ такой пропорціи, но вымираніе дворянства происходило и въ другихъ губерніяхъ, особенно сѣверныхъ.

Выборы заканчивались грандіознымъ пьянствомъ, напримѣръ, въ годъ моего избранія, въ 1901 году, однихъ неизвѣстныхъ (т. е. неизвѣстно кѣмъ требованныхъ) бутылокъ шам-

панскаго оказалось до ста, а сколько всего было выпито — не знаю, но помню точно, что на другой день во всемъ Новгородѣ ни въ одномъ магазинѣ не оказалось ни одной бутылки шампанскаго, а всего на выборахъ было человѣкъ 120-130, не болѣе. Такое гомерическое пьянство кажется теперь прямо невѣроятнымъ, а тогда во всѣхъ городахъ бывало тоже самое. Такъ многіе и жили отъ выборовъ и до выборовъ, а три года въ глуши читали какую-нибудь газету, календари, кое-какъ хозяйничали и пили въ одиночку; я опять таки разумѣю захолустья, которыми Новгородская губернія изобиловала.

И когда въ залахъ дворянскаго собранія я смотрѣлъ на портреты шестидесятниковъ, т. е. участниковъ мѣстныхъ комитетовъ въ эпоху освобожденія крестьянъ, такимъ далекимъ и чудеснымъ все это казалось и грустно, что число подобныхъ дѣятелей въ дворянской средѣ сильно рѣдѣло и рѣдѣло. Въ дворянствѣ отцы были выше дѣтей.

Сословіе, давшее почти всѣхъ государственныхъ дѣятелей, послѣ освобожденія крестьянъ, — по крайней мѣрѣ большинство дворянства, — не сумѣло примѣниться къ новымъ условіямъ жизни и началось оскудѣніе и бѣгство дворянъ - помѣщиковъ съ земли. Теперь это все въ безвозвратномъ прошломъ, ибо при возстановленіи Россійскаго Государ-

ства дворянское сословіе и дворянскія организаціи такъ и останутся вымершими.

Дворянское депутатское собраніе въ общемъ составляло пережитокъ старины и воочію доказывало упадокъ дворянскаго сословія.

Весьма характерной фигурой былъ Крестецкій предводитель дворянства, баронъ Василій Петровичъ Розенбергъ, умный старикъ, къ которому баронскій титулъ къ его русской фигурѣ и натурѣ очень мало подходилъ.

Очень типичнымъ былъ Новгородскій Петръ Петровичъ Пѣтухъ, т. е. Череповецкій предводитель дворянства, Дмитрій Викторовичъ Колюбакинъ, большой обжора и силачъ, по фигурѣ среднее между Собакевичемъ и Пѣтухомъ, человѣкъ весьма добродушный, но кромѣ ѣды мало чѣмъ интересовавшійся.

Скромный и тихій Михаилъ Николаевичъ Буткевичъ, праздновавшій 25-тилѣтній юбилей въ должности Тихвинскаго предводителя, избранный губернскимъ предводителемъ дворянства въ январѣ 1917 года, былъ вдумчивый, добрый и благородный человѣкъ, ярый земецъ, изображавшій лѣвое крыло дворянскихъ собраній, конечно лѣвизны весьма умѣренной, приближавшейся къ кадетству. Замѣчательно, что его прадѣдъ, тоже Буткевичъ, былъ первымъ новгородскимъ предводителемъ дворянства при Великой Екатеринѣ и

портретъ его съ жезломъ и во французскомъ кафтанѣ украшалъ одну изъ залъ новгородскаго дворянскаго собранія.

О живыхъ распространяться не буду, а Нилы Крокодильскіе и прочіе подобные имъ типы были убогой грустью въ началѣ двадцатаго вѣка и наглядньмъ доказательствомъ упадка дворянскаго сословія. Были предводители, дошедшіе до этихъ почетныхъ выборныхъ должностей и генеральскихъ чиновъ чуть-что не изъ писцовъ, но я ихъ, слава Богу, почти не засталъ.

Я вовсе не хочу умалить значеніе и достоинство русскаго дворянства, игравшаго даже въ передовомъ движеніи (Н. И. Новиковъ и А. Н. Радищевъ) и въ революціонномъ движеніи (декабристы) первую роль, что дало тогда поводъ находившемуся уже на смертномъ одрѣ, остроумному и злому на языкъ, знаменитому бывшему Московскому главнокомандующему графу Ростопчину, сказать, что во Франціи «повара захотѣли быть господами, а у насъ господа захотѣли быть сапожниками и поварами».

Нѣтъ, русское дворянство дало Россіи цѣлую плеяду государственныхъ дѣятелей, начиная съ Екатерининскихъ орловъ, какъ Панины, Потемкинъ и друг., но дало и Суворова и всѣхъ героевъ 12 года, какъ Кутузовъ-Смоленскій, Ермоловъ, Раевскій, Коновницынъ, Дох-

туровъ, а во флотѣ Севастопольскихъ героевъ, адмираловъ Нахимова, Корнилова и Истомина, а затѣмъ почти всѣхъ государственныхъ мужей, какъ благородный и честный адмиралъ графъ Мордвиновъ, и, наконецъ, всѣхъ нашихъ величайшихъ поэтовъ и писателей, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, Левъ Толстой , а позднѣе славянофиловъ: братьевъ Кирѣевскихъ, Хомякова, Аксаковыхъ и дѣятелей эпохи освобожденія крестьянъ: Самариныхъ, Милютиныхъ и князя Черкасскаго, а сравнительно въ недавнее время чисто дворянскихъ дѣятелей, какъ московскій губернскій предводитель дворянства князь П. Н. Трубецкой, создавшій всероссійское дворянское, нѣсколько запоздалое объединеніе; тульскій — А. А. Арсеньевъ, хотя и крайне реакціонныхъ взглядовъ, но честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, а немного ранѣе курскій губернскій предводитель А. Д. Дурново и рязанскій — Леонидъ Дмитріевичъ Муромцевъ, и, наконецъ, нашъ новгородскій глубокоуважаемый князь Павелъ Павловичъ Голицынъ.

Но, повторяю, все это отошло въ вѣчность и даже добрыя и старыя традиціи вымираютъ, и появленіе благороднѣйшихъ, но крайнихъ по взглядамъ старо - дворянскихъ типовъ было бы уже не своевременнымъ; это было бы лишь ожившими портретами минувшаго вѣка;

всему свое время и мѣсто, а дворянство — это уже исторія и картина прошлаго, но не надежда будущаго.

X

Про земцевъ я уже говорилъ въ своей книгѣ «Святые и Грѣшные» и прибавлю только, что блестящимъ метеоромъ промелькнулъ въ губернскомъ земствѣ Николай Николаевичъ Сомовъ, умный, очень способный человѣкъ и отличный и находчивый ораторъ; онъ вскорѣ вернулся въ свой родной Череповецкій уѣздъ, гдѣ и скончался отъ скоротечной чахотки.

Изъ праваго крыла губернскаго земства очень типичной и видной фигурой былъ желѣзнодорожный дѣлецъ Николай Осиповичъ Кулжинскій, но вообще правое крыло было крѣпко спаяно, имѣло обоснованную программу и видныхъ и знающихъ земцевъ, какъ Сергѣй Григорьевичъ Бередниковъ и Иванъ Ассикритовичъ Корсаковъ. Въ числѣ лѣвыхъ земцевъ былъ и Булатовъ-отецъ, одновременно занимавшій крупную должность въ Министерствѣ юстиціи, и Николай Александровичъ Нечаевъ, управляющій Нижегородской Казенной Палатой, а еще позднѣе — извѣстный юристъ и оберъ-прокуроръ Сената, — Игорь Матвѣевичъ Тютрюмовъ. Вотъ вамъ и опора трона — чиновный міръ!

Еще въ правомъ крылѣ новгородскаго губерискаго земства долгое время игралъ большую роль крупный валдайскій помѣщикъ, такъ называемый «Каварденчъ» или «какъ его и этого того», ибо безъ этихъ словъ онъ не могъ ничего сказать. Я подразумѣваю непремѣннаго члена новгородскаго губерискаго присутствія, грозу земскихъ начальниковъ, большого знатока крестьянскаго и земскаго дѣла, умнаго, хитраго, но неискренняго Александра Ѳаддѣевича Кршивицкаго.

Михаилъ Владимировичъ Родзянко (впослѣдствіи предсѣдатель Государственной Думы) участвовалъ въ новгородскомъ губерискомъ земствѣ въ концѣ прошлаго столѣтія, какъ губерискій гласный Боровичскаго уѣзда, но и тогда уже не отличался устойчивостью во взглядахъ, и постоянно лавировалъ между правыми и лѣвыми губерискаго земства, что и помѣшало ему попасть въ предсѣдатели Губерской Земской Управы.

Вообще губерискія земства были болѣе или менѣе выразителями мѣстныхъ чаяній и стремленій людей земли къ улучшеніямъ русской жизни и представляли изъ себя маленькіе парламенты, въ особенности самое бурное и лѣвое по тому времени тверское, а наше новгородское силилось подражать тверскому, но бурлило втихомолку и никакихъ опас-

ныхъ для спокойствія государства резолюцій не выносило.

Но несомнѣнно, что всѣ враждебные правительству элементы зрѣли и группировались вокругъ губернскихъ земствъ и губернскихъ управъ.

И на вечернихъ засѣданіяхъ редакціонныхъ комиссій губернскихъ земствъ замѣчались такія физіономіи «созидательныхъ» лицъ изъ земскихъ низовъ и земскихъ служащихъ, которыя болѣе нигдѣ и не появлялись.

Но какъ мы всѣ тогда были далеки отъ мысли, что менѣе чѣмъ черезъ 20 лѣтъ не только трона не будетъ, но не будетъ и Великой Россіи и что появится Совѣтская Федеративная Республика съ Лениными и Троцкими во главѣ и прочими отвратными псевдонимами.

Въ общемъ земства представляли большую нравственную и полезную силу и очень досадно, что правительство, въ лицѣ нѣкоторыхъ зловредныхъ и несдержанныхъ представителей бюрократіи, какъ напримѣръ тогдашній товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, дурной памяти, Николай Алексѣевичъ Зиновьевъ, а позднѣе, еще болѣе дурной памяти, Штюрмеръ, раздражало людей земли, возбуждая ихъ обидными, неразумными, мелочными, а частенько и несправедливыми стѣсненіями, восстанавливая тѣмъ самымъ коренныхъ россі-

нія противъ правительства и противъ вводимой постоянно въ заблужденіе Верховной власти.

Говоря о губернскихъ земскихъ собраніяхъ, позволю себѣ еще вспомнить очень тревожное и интересное собраніе, происходившее въ январѣ 1905 года, во время Гапоновскаго движенія и разстрѣла въ Петербургѣ рабочихъ.

Эта жестокая и неразумная расправа съ рабочими, мирно настроенными, очень остро чувствовалась земцами и настроеніе собранія по полученіи этого извѣстія было чрезвычайно взволнованное и подавленное. Князь Голицынъ, предсѣдательствовавшій на губернскомъ земскомъ собраніи, съ честью вышелъ изъ затруднительнаго положенія. Понимая и раздѣляя возбужденность настроенія гласныхъ и опасаясь слишкомъ горячихъ рѣчей, онъ объявилъ перерывъ и, пригласивъ всѣхъ на частное совѣщаніе, конечно, позволилъ всѣмъ высказаться.

Но, частное совѣщаніе было безъ публики и новгородскимъ Мирабо совершенно не интересно было расточать свой ораторскій пылъ среди своихъ, при отсутствіи, во-первыхъ, представителей печати и стенографа, и когда передъ глазами не было излюбленнаго земскаго третьяго элемента, а также и не было

жаждующихъ сенсацiонныхъ зрѣлищъ и рѣчей, скучающихъ новгородскихъ, я бы не сказалъ дамъ, а просто обывательницъ.

И гроза разошлась благополучно; на слѣдующiй же день и нервы земцевъ поуспокоились и собранiе возобновилось .Но девятое января, къ сожалѣнiю, быстро забытое верхами, усилило пропасть между высшей властью и народомъ.

Когда читаешь теперь воспоминанiя Княгини Палей и тому подобныхъ лицъ, прямо удивляешься, какъ односторонне у нихъ все освѣщено и насколько всѣ лица, близкiя или причастныя къ прежней власти, легкомысленно и малосознательно относились и къ войнѣ, и къ надвигавшейся революцiи, и какъ они или неискренни въ своихъ описанiяхъ и воспоминанiяхъ, или же даже годы изгнанiя имъ ничего не сказали и до сихъ поръ у нихъ не открылись глаза на прежнiе грѣхи высшихъ мiра сего, —грѣхи, особенно ярко и безобразно сказавшiеся во время вѣчно несчастной для Россiи и позорной для высшей власти Японской войны.

XI

Кстати, о Японской войнѣ, воспоминанія о которой у меня тѣсно связаны съ воспоминаніями о службѣ и жизни въ Новгородѣ.

Сегодня, какъ разъ, Крестопоклонная суббота и чудный серебристый звонъ большого колокола Кишиневскаго собора призываетъ православныхъ ко всенощной на выносъ Животворящаго Креста Господня. Хочется молиться и вдругъ повѣяло холодомъ, сжимается сердце отъ грустныхъ воспоминаній. Мысли невольно переносятся въ далекое прошлое и въ памяти у меня встаетъ Любань, сѣроватый, довольно прохладный мартовскій вечеръ; весна еще плохо чувствовалась на сѣверѣ.

Наша симпатичная и уютная Любанская церковь горитъ огнями, перезвонъ колоколовъ возвѣщаетъ мѣстнымъ людямъ о выносѣ Креста Господня, а въ это время къ большому, неуклюжему, темнокрасному зданію Любанскаго вокзала тихо и безшумно подходитъ нарядный экстренный поѣздъ, съ ярко освѣщеннымъ вагономъ - столовой, гдѣ былъ накрытъ обѣденный столъ на нѣсколько приборовъ и красовались бокалы для шампанскаго.

То былъ поѣздъ, въ которомъ отправлялся въ Манджурію командующій арміею генералъ-адъютантъ «Терпѣніе, терпѣніе и терпѣ-

ніе», то бишь Алексѣй Николаевичъ Куропаткинъ.

Не скрою, онъ былъ тогда скорѣе популяренъ. Слава народнаго героя Скобелева отражалась на немъ, надежды на него возлагались, хотѣлось вѣрить въ лучшее, хотѣлось вѣрить въ побѣдность нашихъ войскъ, хотѣлось думать, что звѣзда и счастье Скобелева воплотятся въ Куропаткинѣ.

Земскій начальникъ съ депутаціей отъ крестьянъ съ волостными старшинами встрѣчалъ его на вокзалѣ, такъ какъ крестьяне по собственному почину захотѣли ему поднести образъ, какъ благословеніе мѣстнаго населенія, съ пожеланіями счастливаго пути.

Я, какъ предводитель дворянства, стоялъ немного въ сторонѣ и наблюдалъ, слушая замѣчанія собравшейся сѣренькой публики и мѣстныхъ властей.

Между прочимъ, въ то время въ Любани былъ очень толковый, разсудительный, расторопный и честный жандармскій вахмистръ Куцъ, такъ онъ кому-то изъ мѣстныхъ властей въ полголоса шепчетъ:

— Раненько генералъ шампанское собирается пить, когда-то еще побѣдитъ.

И у меня сердце непріятно сжалось отъ этой преждевременной и легкомысленной роскоши: съ одной стороны терпѣніе, а съ другой стороны шумная радость передъ походомъ.

И крестьянъ Куропаткинъ, поблагодаривъ за образокъ, окатилъ холодной водой, сказавъ, чтобъ пока побѣдъ не ждали, а вооружились терпѣніемъ до благополучнаго конца.

Прошло еще недѣли три, иду зачѣмъ-то на станцію, которая отъ нашей усадьбы была въ 7-ми минутахъ ходьбы, и вижу, что въ парадныхъ комнатахъ освѣщеніе, а желѣзнодорожное начальство бѣгаетъ и суетится. Что такое? Адъютантъ генералъ-адмирала уже болѣе трехъ часовъ ожидаетъ возвращенія Его Высочества съ охоты. Оказалось, что Великій Князь Алексѣй Александровичъ поѣхалъ за Новгородъ на охоту на дикихъ гусей въ знаменитый въ охотничьемъ мірѣ Звадъ, при впаденіи Ловати въ Ильмень.

— Что случилось? — спрашиваю того же жандарма Куца.

— Да, нехорошія вѣсти изъ Портъ-Артура; а точно не знаю что, да не приказано и говорить, но видимо, что неблагополучно.

А на другое утро пріѣзжаетъ изъ Петербурга милый нашъ сосѣдъ Өеодоръ Константиновичъ Пистолькорсъ, очень разстроенный и почти въ слезахъ и въ сильномъ волненіи объявляетъ, что погибъ адмиралъ Макаровъ и броненосецъ «Петропавловскъ», а также и талантливый русскій художникъ - баталистъ Василій Васильевичъ Верещагинъ.

Да, услышавъ это и я заплакалъ, пре-

красно сознавая, что именно представляла тогда для Россіи гибель Степана Осиповича. Вспомнились мнѣ также яркія и правдивыя письма изъ Портъ-Артура доктора Сиземскаго и какъ тамъ все подтянулось и ожило съ пріѣздомъ Макарова, вдохнувшаго и жизнь и энергію въ сонное морское царство и воскресившаго всѣхъ своею бодростью, знаніемъ и любовью къ дѣлу и вѣрившаго въ русскую побѣду и всѣми своими помыслами стремившагося къ ней.

Теперь всѣ чувства притупились, столько мы испытали горя, что не хватитъ слезъ оплакивать всѣ наши русскія несчастья, а тогда вся Россія оплакивала Макарова и понимала, что не честолюбивому и безчестному интригану и карьеристу адмиралу Алексѣеву и иному Макарова не замѣнить, а военное счастье для насъ въ самомъ началѣ войны уже закатилось.

Потомъ отъ одного пріятеля, служившаго на желѣзной дорогѣ, узнаю, что кто-то изъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ тогда же ему сказалъ:

— Эхъ, не во-время Великій Князь поѣхалъ на охоту, ну какая теперь для генералъ-адмирала охота.

Да, простые люди это понимали, но Великій Князь этого, какъ и многаго, не понималъ и не сознавалъ...

Оказалось, что адъютантъ его ожидалъ въ

Любани, а управляющій Морскимъ Министерствомъ Бирилевъ или Тыртовъ, ужъ хорошо точно не помню, кто изъ нихъ тогда былъ министромъ, дежурилъ на Николаевскомъ вокзалѣ въ Петербургѣ въ ожиданія возвращенія генералъ - адмирала, не рѣшаясь, въ отсутствіи легкомысленнаго главы Морского Вѣдомства, доложить Государю эту печальную вѣсть.

Не помню, чѣмъ ознаменовалось тогда горе правительственной Россіи о гибели славнаго адмирала Макарова и насколько Высшая власть почувствовала и глубину, и весь ужасъ этой потери. Въ назначеніи ему преемника бахвала Скрыдлова сказалось лишь отсутствіе проблесковъ сознательнаго отношенія къ этому событію.

Мои друзья и добрые знакомые упрекали меня, что я въ началѣ своихъ воспоминаній мало сказалъ про Японскую войну.

Да, сперва хотѣлось отмѣтить свѣтлыя стороны прошлаго, найти въ прежнемъ что-то хорошее, оправдать насколько возможно царскихъ дѣятелей; отрадно вспоминать доброе счастливое время, хорошія, радостныя минуты. А что можно сказать про Японскую войну такого, что обѣлило бы и Высшую власть, и правительство въ глазахъ русскаго народа?

Да ничего, кромѣ того, что хорошій стильный храмъ Спаса на водахъ построили въ Пе-

тербургѣ въ память погибшихъ моряковъ, а такъ, начиная съ пресловутыхъ и позорныхъ лѣсныхъ концессій на рѣкѣ Ялу, всѣ наблудили, кромѣ тѣхъ сѣрыхъ людей, которые безславно умирали на поляхъ Манджуріи и кромѣ тѣхъ извѣстныхъ и безвѣстныхъ моряковъ, изъ которыхъ, хотя большинство талантами не обладало, но умирали героями, а имена Макарова, Миклухи, даже Рожественскаго и матросовъ съ миноносца «Стерегущаго» перейдутъ въ исторію, какъ лицъ, если не со счастьемъ и славой, то съ великой честью поддержавшихъ Андреевское знамя.

Я говорю «даже Рожественскаго», ибо до Японской войны у него была репутація выдающагося моряка и знатока морского артиллерійскаго дѣла, да и все его плаванье, съ разношерстными судами, до Цусимы — это уже крупная заслуга военно - начальника, тѣмъ болѣе, что замѣчательныя письма его къ женѣ, напечатанныя уже послѣ его смерти въ 1912 или 1913 г. въ журналѣ «Море», не даютъ никакого сомнѣнія въ томъ,что для Рожественскаго печальный исходъ его эскадры былъ еще ясенъ при самомъ выходѣ ея изъ Либавы, и это спокойное веденіе эскадры на вѣрную смерть, разъ посылаютъ, — это уже великій подвигъ, но самый Цусимскій бой ему, какъ начальнику, никакихъ лавровъ не далъ, и не было ни одного удачнаго движенія судовъ во

время боя и счасливаго для русскаго флота и его командира момента. Вотъ почему я позволилъ себѣ сказать «даже Рожественскаго», ибо въ его поведеніи было благородное и спокойное подчиненіе Верховной власти и своему военному долгу, но не было проявлено таланта блестящаго руководителя морского боя.

Японская война, вѣрнѣе крестный путь русскаго флота, нашелъ блестящаго историка въ лицѣ капитана Семенова, который своей замѣчательной трилогіей: «Расплата», переведенной на всѣ европейскіе языки, «Цусимскій бой» и «Цѣна крови» запечатлѣлъ тяжелую эпопею почти кругосвѣтнаго плаванія громадной эскадры подъ командой Рожественскаго, и обнаружилъ всѣ грѣхи, преступленія и слабыя стороны военно - морского управленія.

Говоря о грѣхахъ и преступленіяхъ, достаточно еще вспомнить одинъ возмутительный и, къ сожалѣнію, оставшійся безнаказаннымъ фактъ несостоявшейся покупки двухъ чилійскихъ крейсеровъ, которые потомъ, и даже очень скоро, оказались въ числѣ непріятельскаго, т. е. японскаго, флота подъ именами «Нисинъ» и «Касуга» и своей быстроходностью, а также новѣйшими усовершенствованіями ускорили печальную судьбу нашего русскаго флота.

Чилійская республика очень любезно пред-

ложила ихъ сперва Россіи, но когда посланный съ этой цѣлью въ Геную русскій адмиралъ, и при томъ состоявшій въ свитѣ Государя, настаивалъ на увеличеніи покупной цѣны, то возмущенные подобной наглостью чилійцы отвергли это гнусное предложеніе и прекратили всякіе переговоры съ русскимъ правительствомъ.

Все это тогда было скрыто и въ печать проникли лишь неясные намеки; виновныя же лица не были ни преданы суду, ни даже отставлены отъ службы; поэтому, употребленное мною слово «наблудили» не только справедливо, но еще слишкомъ мягко по отношенію къ виновнымъ въ хищеніи лицамъ и къ такому безобразному и преступному факту наглядной измѣны родинѣ и русскому оружію.

Сухопутная армія во время Японской войны дала Россіи одного крупнаго героя и имя его никогда не умретъ: это скромный, честный, твердый и храбрый генералъ Кондратенко. Какъ только онъ погибъ, завидной для военнаго человѣка смертью, палъ Портъ-Артуръ, ибо онъ былъ душой защиты и не допускалъ Стесселя до позорной сдачи.

Послѣ Японской войны и громкихъ, но безславныхъ подвиговъ во время нея нѣкоторыхъ Великихъ Князей и доказательствъ почти полнаго разложенія Россійской арміи, какъ напр.

самовольное оставленіе своего поста командующимъ арміей генераломъ-адъютантомъ Гриппенбергъ, а также грубое и постоянное безчинство и самоуправство солдатъ при возвращеніи изъ Манджуріи, Императорская Россія была обречена на смерть.

Не было ни одного крупнаго, радостнаго и оживляющаго событія и не было лица, которое могло бы спасти Царскую Россію отъ гибели. Витте былъ отстраненъ; не знаю и не берусь судить, насколько онъ былъ враждебенъ трону; думаю, что это росказни, но во всякомъ случаѣ, это былъ большой человѣкъ, съ 1906 г. оставшійся въ тѣни, а большихъ людей очень мало и таланты вообще рѣдки и лучше ихъ имѣть съ собой, чѣмъ противъ себя.

Появился честолюбивый Столыпинъ и своей настойчивостью и смѣлостью въ Думѣ онъ подавалъ нѣкоторыя надежды; но это былъ несомнѣнно талантливый и блестящій ораторъ, но... это былъ лишь миражъ.

Но и миражъ исчезъ, при помощи пресловутой охраны, а въ Кіево - Печерской Лаврѣ появилась еще одна могила и скрыла останки честнаго, сильнаго русскаго человѣка.

А затѣмъ честныхъ людей отстранили, крупныхъ людей не выдвигали.

XII

Отъ новгородскихъ жителей, большихъ и малыхъ, ихъ дѣлъ и дѣлишекъ перейду къ новгородскимъ святынямъ и древностямъ, ибо, какъ бы мнѣ новгородцы не были дороги и пріятны по воспоминаніямъ, но главную отраду и особое утѣшеніе и я и всѣ русскіе люди испытывали въ Новгородѣ отъ всей новгородской чисто русской, хорошей и поучительной старины, гдѣ каждая церковка, каждая часовенка, каждый уголокъ, каждая историческая мелочь была интересна и любопытна и даже каждая улица съ древними, вѣчевыхъ временъ, названіями, какъ Легощая, Лучинская, Чудинская и Прусская на Софійской сторонѣ, а Посольская и Ильинская на Торговой сторонѣ (а въ старыя времена концы) переносили васъ за десять вѣковъ назадъ и передъ вами вставали наивно - младенческія по своей простотѣ и неподдѣльной и своеобразной прелести новгородскія сказанія и преданія и весьма картинно вырисовывались личности святыхъ Христа-ради юродивыхъ и блаженныхъ Николы Кочаннаго и Ѳеодора Блаженнаго, ихъ будто бы вѣчные раздоры, олицетворявшіе новгородскія распри и неурядицы и осуждавшіе ихъ, а затѣмъ въ вашемъ воображеніи появлялись чудные облики новгород-

скихъ святителей архіепископовъ Іоанна и Никиты, память которыхъ до послѣдняго времени глубоко чтилась новгородцами и слѣды ихъ дѣяній сохранились до нашихъ дней.

Но самое отрадное, самое сильное, цѣльное и благостное впечатлѣніе оставлялъ видавшій виды и многожды страдавшій отъ вражеской руки Софійскій соборъ.

Хотя искалѣченный неумѣлой и неразумной реставраціей, онъ былъ художественно обворожителенъ своей древностью, своей молитвенной уютностью, а всенощная въ этомъ соборѣ подъ чудное пѣніе большого, могучаго архіерейскаго хора, эти прямо ангельскіе православные напѣвы и «Свѣте Тихій» и «Хвалите Имя Господне» переносили васъ въ старыя допетровскія времена и весь соборъ, освѣщавшійся по срединѣ громаднымъ висящимъ паникадиломъ, очень красивой работы, *) даромъ хитроумнаго и преступнаго царя Бориса Годунова, этого мудраго и изворотливаго политика, — былъ сказочно чудодѣйственъ. А тамъ, впереди у колоннъ, направо и налѣво, Царское и Патріаршее мѣста своими стариннѣйшими рѣзными золоченными украшеніями дополняли историческую величественную картину, далѣе же въ уголкахъ у гробницъ святыхъ угодниковъ и князей новгородскихъ Мстислава, Өеодора (брата Александра Нев-

*) Свѣтлой мѣди съ изображеніемъ двуглавыхъ орловъ.

скаго) и княгини Анны, мерцающія лампады еще болѣе усиливали глубину впечатлѣнія и перефразируя нашего поэта: «Святымъ захочешь ли молиться, но сердце молится ему», такъ и тамъ, въ этихъ укромныхъ уголкахъ, ничто не отвлекало васъ отъ молитвы, а наоборотъ, навѣвало благодатное спокойствіе и умиляло душу.

А по утрамъ, въ особенности въ солнечные дни, этотъ громадный куполъ съ хорошо сохранившимся живописнымъ изображеніемъ Спасителя-Вседержателя не съ благословляющей, а сжатой рукой. Это древнѣйшее новгородское сказаніе, что живописцу трижды исправлявшему руку Христа послышался будто гласъ съ небеси, что «доколѣ Десница Моя будетъ сжата быть граду сему, а когда рука разверзится, то конецъ Великому Новѣграду».

И благочестивые новгородцы и стекающіеся издалека православные богомольцы со страхомъ и трепетомъ поглядывали на Спасителя. Не будемъ же колебать ихъ вѣру, не будемъ оспаривать непонятное, не будемъ смущать ихъ покой, преклонимся съ уваженіемъ предъ этимъ младенчески-чистымъ сказаніемъ глубокой русской безобидной старины.

Перенесясь мыслями въ Софійскій соборъ, какъ теперь встаетъ у меня передъ глазами высокая, благообразная фигура архіепископа Гурія, его широкое, доброе лицо, окаймлен-

ное большой бѣлой бородой, его благородныя, плавныя движенія, его тихіе, но прочувствованные возгласы и то гудящій, то высокій, чудный бархатный басъ протодьякона Марковскаго, вся торжественность тогдашняго богослуженія и богатство и разнообразіе парчевыхъ, золотыхъ, точно кованныхъ облаченій.

Но, въ то время, когда я частенько хаживалъ въ соборъ, долженъ къ стыду моему повиниться, что не было такой потребности въ молитвѣ, какъ теперь; или по молодости и безпечности не понималъ и не сознавалъ того великаго утѣшенія, что даетъ вѣрующему молитва. Жизнь текла спокойно, все мнѣ улыбалось, все вокругъ меня сіяло счастьемъ; и семейное, и служебное, и общественное положенія были безоблачны и даже въ будущемъ никакія тучки не предвидѣлись, Господь миловалъ, маленькія невзгоды сглаживались и приходилось лишь благодарить Создателя за Его Милосердіе и Благость.

Особое наслажденіе я всегда испытывалъ въ Новгородѣ въ Софійскомъ соборѣ, или въ Успенскомъ въ Москвѣ, гдѣ передъ вами вставали или старые, свободолюбивые и гордые новгородцы, или старая боярская Москва и витали тѣни созидателей Московскаго Царства Великихъ Князей Московскихъ, или чувствовалось присутствіе великаго русскаго мужа и гражданина, Святителя Патріарха Ермо-

гена, или Тишайшаго Царя, давшаго Россіи нашу гордость, нашего генія, величайшаго изъ русскихъ царей и императоровъ — Великаго Петра.

Россія до него прозябала и дремала; онъ ее разбудилъ, онъ ее перевернулъ и развернулъ русскія богатырскія силы, направилъ ихъ къ свѣту и просвѣщенію. Но, увы, созидательная работа Петра преемникамъ Великаго Царя оказалась не подъ силу.

Но я отвлекся, и возвращаюсь къ новгородскимъ достопримѣчательностямъ. Выйдя изъ собора, посмотрите на находящійся тутъ же на площади памятникъ Тысячелѣтія Россіи и хотя онъ недостаточно величественъ, красивъ и могучъ для этого великаго событія, но все же чрезвычайно поучителенъ: и Владиміръ Святой, и Дмитрій Донской, и Грозный Царь и Петръ Великій, изображенные на этомъ памятникѣ наглядно вамъ доказываютъ, что богата была Русь мудрыми правителями и цѣльными и сильными людьми.

Далѣе, минуйте Дѣтинецъ, т. е. новгородскій кремль; лучами заходящаго солнца освѣщены золотые купола Юрьева монастыря, а тамъ за нимъ Ильмень, а на томъ берегу Волхова бѣдное и скромное Рюриково Городище, далѣе Сковородка, т. е. слобода съ Сковородскимъ монастыремъ и мощами святого архіепископа новгородскаго Моисея, а тутъ

же совсѣмъ передъ вами, у изстари знаменитаго волховскаго моста, убогая бѣлая часовенка, а въ ней древнѣйшій чудотворный громадный деревянный Животворящій Крестъ,передъ которымъ уже много вѣковъ подрядъ молились новгородцы и изъ поколѣнія въ поколѣніе передавалась глубокая Вѣра въ Святую Помощь и Святую Благодать этого Креста, въ великое значеніе молитвеннаго предъ нимъ уединенія въ дни скорби и печали.

Молятся ли они и теперь и продолжаютъ ли вѣрить вообще въ молитвенную благодать?...

Изъ другихъ достопримѣчательностей Новгорода упомяну, что въ женскомъ Сырковомъ монастырѣ, въ трехъ верстахъ отъ города, находится могила молчальницы Вѣры, передъ смертью принявшей схиму съ именемъ Досиѳеи. Одно время ходили слухи, что молчальница эта — Императрица Елисавета Алексѣевна, вдова Александра I, послѣ его кончины или таинственнаго исчезновенія удалившаяся будто-бы въ монастырь. Но никакихъ данныхъ для этого не сохранилось и эта таинственная личность такъ и опочила, оставшись совершено невыясненной.

На одномъ изъ старыхъ кладбищъ, а именно Рождественскомъ (за Молотковымъ),находятся гробницы казненныхъ Бирономъ кня-

зей Долгорукихъ, князей Ивана Алексѣевича, Сергѣя Григорьевича и Василія Лукича.

Въ Юрьевомъ монастырѣ долго покоились братья Орловы, т. е. князь Григорій Григорьевичъ Орловъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ - Чесменскій и ихъ братья графы Владимиръ и Ѳеодоръ Григорьевичи Орловы, но кажется, въ 1895 году или въ началѣ 1896 года, тѣла Орловыхъ были, по желанію ихъ потомковъ графовъ Орловыхъ - Давыдовыхъ, перенесены въ подмосковное имѣніе «Отраду».

Новгородскія древности были столько разъ описаны, что этимъ я увлекаться не буду; скажу только, что въ Рюриковомъ Городищѣ, находящемся на высокомъ правомъ берегу Волхова между Новгородомъ и озеромъ Ильмень, былъ когда-то дворецъ свѣтлѣйшаго князя Меншикова, куда онъ сперва и былъ сосланъ при Петрѣ II. Но никакихъ слѣдовъ ни отъ дворца, ни даже отъ парка не осталось, а торчатъ только самые обыкновенные дома пригородныхъ крестьянъ и въ Городищенской церкви нѣтъ ничего достойнаго вниманія.

Чтобы закончить мои новгородскія воспоминанія прибавлю, что, несмотря на сѣверъ, климатъ тамъ довольно ровный и здоровый, а воздухъ, благодаря отсутствію фабрикъ и раскинутости города, а также множеству садовъ, былъ очень чистый, но, къ сожалѣнію, волховская вода не отличалась ни близной,

PARIS

ия чистотой. Вѣроятно, вслѣдствіе множества старинныхъ церквей и сооруженій, Новгородъ изобиловалъ ласточками и такого количества ласточекъ мнѣ нигдѣ не приходилось видѣть.

Въ семи верстахъ отъ искони русскаго города и въ полутора верстѣ отъ старинаго монастыря Саввы Вишерскаго, на опушкѣ лѣса затерялась большая нѣмецкая Ново - Николаевская колонія и хотя она существовала съ 1780 годовъ, т. е. почти полтораста лѣтъ съ царствованія Екатерины II, жители ея были типичными нѣмцами, изъ коихъ не только женщины, но и многіе мужчины, почти не говорили по русски.

Вотъ характерная и симпатичная особенность нѣмцевъ, даже на чужбинѣ, въ совершенно другихъ условіяхъ, сохраняющихъ и свои нравы, и обычаи, и свой наружный видъ; мы же русскіе очень быстро обобщаемся съ мѣстнымъ населеніемъ и русская гренадерская колонія, подаренная Императоромъ Александромъ I прусскому королю и находящаяся около Потсдама, кромѣ русскихъ фамилій ничего русскаго уже не сохранила и никто изъ нихъ даже по русски и не говоритъ.

По поводу новгородскихъ историческихъ памятниковъ вспоминаю одинъ характерный курьезъ начала революціи 1917 года. По окончаніи пресловутаго митинга у памятника Тысячелѣтія, о которомъ я говорилъ въ пятой

главѣ своей книги «Святые и Грѣшные», мы видимъ изъ оконъ дворянскаго собранія, что солдатня поставила лѣстницу къ памятнику 1812 года, стоящему передъ дворянскимъ собраніемъ и изображавшему обелискъ, увѣнчанный двуглавымъ орломъ и золотой короной. И двое изъ солдатъ уже стали влѣзать по лѣстницѣ, чтобы и орла и корону уничтожить. Тогда, я, обращаясь къ бывшимъ тутъ же предводителямъ, говорю, что этому надо помѣшать, дабы сохранить памятникъ для потомства. Кто-то изъ молодыхъ предводителей пошелъ усовѣщивать солдатъ, но видимо безуспѣшно. Я обращаюсь къ Буткевичу, какъ къ губернскому предводителю:

«Пойдите Вы, можетъ быть, Вы сумѣете ихъ убѣдить». Буткевичъ отправился и вижу, что послѣ переговоровъ милаго Михаила Николаевича, солдаты слѣзли и лѣстницу сняли. «Ну что же Вы имъ сказали?», спрашиваю вернувшагося Буткевича. «Да я имъ объяснилъ, что орелъ эмблема власти, а такъ какъ власть въ рукахъ народа, то надо и эмблему сохранить». А солдаты его спросили: «Ну, а какъ же корона?» — «А корона вѣнчаетъ вашу власть». И это объясненіе подѣйствовало. Не знаю, подвергся ли впослѣдствіи этотъ памятникъ глупому и грубому разрушенію.

Для полноты описанія Новгорода позволю себѣ упомянуть и про печать, хотя она

тамъ прозябала и, вѣроятно, потому что слабо была представлена знаменитымъ въ своемъ родѣ Нилъ Ивановичемъ Богдановскимъ, небезъизвѣстнымъ провинціальнымъ актеромъ-антрепренеромъ (по сценѣ Мерянскимъ), порядочнымъ пьяницей, скандалистомъ и задирой, но очень неглупымъ человѣкомъ, издававшимъ мало интересный и грубый «Новгородскій Листокъ».

Позднѣе, уже незадолго до войны, сталъ издаваться фабричнымъ инспекторомъ М. А. Рубакинымъ, бывшимъ какъ и большинство фабричныхъ инспекторовъ лѣваго направленія, какая-то лѣвая газетка, но названіе ея запамятовалъ.

Въ адвокатскомъ мірѣ долгое время блисталъ не лишенный таланта актеръ-любитель Викторъ Ивановичъ Солововъ, очень способный, но не разборчивый въ средствахъ человѣкъ; говорили, что большой хлѣбосолъ и игрокъ.

Кромѣ него — новгородскій старожилъ присяжный повѣренный Передольскій, при мнѣ уже нѣсколько опустившійся человѣкъ, очень извѣстный археологъ и знатокъ новгородскихъ древностей, имѣвшій очень интересную коллекцію изъ новгородскихъ раскопокъ, костей и череповъ и другихъ остатковъ чуть не каменнаго вѣка.

Но я, какъ къ каменному вѣку, такъ и къ

археологіи вообще былъ чрезвычайно равнодушенъ.

О купечествѣ не стоитъ и говорить: оно торговало, наживало, строило скромные домишки, копило денежки и ко всякой общественной дѣятельности относилось, если не со страхомъ, то болѣе или менѣе безразлично.

И только передъ самой войной кѣмъ-то изъ купечества новой формаціи было устроено нѣчто вродѣ народнаго университета, хотя мало способствовавшаго образованію, но зато сильно содѣйствовавшаго революціонной пропагандѣ, а своимъ безобразно - новымъ видомъ и несуразной постройкой нарушившаго прелестное однообразіе новгородской старины.

Къ купечеству принадлежали также и немногія лица изъ бывшаго чиновнаго міра, природной сметкой и шохомъ сумѣвшіе нажить, не выѣзжая изъ Новгорода, крупныя денежки и потомъ тоже наладившіе торговлю.

Вотъ болѣе или менѣе полная картина историческаго, чиновнаго и обывательскаго Новгорода конца девятнадцатаго и начала нынѣшняго вѣка.

Я разсказалъ, какъ умѣлъ, обо всемъ и обо всѣхъ, и до сихъ поръ не проронилъ почти ни слова о новгородскихъ дамахъ, упомянувъ лишь вскользь о земскихъ дамахъ.

И, конечно, новгородскія Евы могли бы

быть на меня въ обидѣ за мое молчаніе, тѣмъ болѣе, что я всегда былъ большимъ поклонникомъ и цѣнителемъ женскаго общества, а вдругъ теперь подъ старость лѣтъ точно не считаю ихъ достойными описанія или же не хочу о нихъ говорить.

Но что сказать о нихъ, хотя хорошія или дурныя, старыя или молодыя, умныя или глупыя, веселыя или скучныя — онѣ были, онѣ существовали и по своему разумѣнію играли хотя можетъ быть съ виду и незамѣтную роль, ибо по старинной русской поговоркѣ мужъ это голова, а жена — шея, и куда захочетъ туда голову и повернетъ.

Собственно дамъ въ Новгородѣ было мало, вообще же прекрасная половина города, т. е. жены и дщери чиновниковъ и обывателей въ будни, вѣроятно, хозяйничали, работали и изрѣдка и тихонько грѣшили, а по праздникамъ высыпали на Московскую улицу въ сопровожденіи мужей или воскресныхъ кавалеровъ и чинно и скучно гуляли, точнѣе топтались на небольшомъ пространствѣ, имѣя при этомъ накрахмаленный и сосредоточенный видъ и въ нарядахъ меня изумлявшихъ.

Прямо невѣроятно, что такъ близко отъ столицы была такая отсталость модъ, въ особенности замысловато безвкусны были шляпки, украшавшія хорошенькія иногда го-

ловки новгородскихъ обывательницъ русскихъ и еврекъ.

Кстати, о евреяхъ: въ чисто русскомъ старинномъ Новгородѣ почти всѣ ремесленники, а, главнымъ образомъ, портные и часовщики, были евреи, но крупная торговля находилась въ рукахъ чисто русскихъ людей.

Новгородскіе евреи были очень мирные, трудолюбивые и полезные люди, не нарушавшіе ничѣмъ новгородской патріархальной тишины.

А что же, наконецъ, дамы?...

Новгородскихъ дамъ можно было считать по безсмертному гоголевскому выраженію «просто пріятными»; а «дамъ пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ» въ Великомъ Новгородѣ или вовсе не было или же онѣ быстро исчезали, находя, должно быть, сей городокъ для себя скучнымъ.

Ну, а дамы «просто пріятныя», какъ вообще всѣ русскія провинціальныя дамы, распивали безконечные чаи и дома за милымъ самоварчикомъ, истиннымъ и неразлучнымъ другомъ всякой русской семьи, и дѣлая визиты по разнымъ случаямъ и даже безъ всякихъ случаевъ и причинъ; также какъ и обывательницы рожали умѣренно дѣтей, шаблонно и скорѣе безтолково ихъ потомъ воспитывая; немного почитывали, а болѣе поигрывали въ картишки, а молодыя изрѣдка плясали тог-

дашніе благопристойные танцы, занимались благотворительностью, молились въ многочисленныхъ новгородскихъ церковкахъ и сплетничали, сплетничали, но довольно безобидно; словомъ кисли и старались, считая себя непонятными и неразгаданными и мечтая въ тиши о счастьи, хоть и не сбывшемся, но возможномъ и далекомъ...

Да, Господинъ Великій Новгородъ канулъ въ вѣчность, ничто уже не напоминало о быломъ величіи свободолюбиваго города, а маленькій губернскій Новгородъ спалъ тихимъ, мирнымъ, но честнымъ сномъ; жизни почти нигдѣ не было замѣтно и только перезвонъ новгородскихъ колоколовъ доказывалъ, что жизнь еще гдѣ-то теплится, а въ маленькихъ невзрачныхъ, но уютныхъ домикахъ жили хорошіе русскіе люди; жили смирненько, тихонько, точно подремывая и, пробуждаясь, судачили, поваркивали, зазывали гостей, угощая ихъ на славу, хотя просто, но сытно, а главное радушно. И, даже въ сладкой своей дремѣ, сохраняли въ чистотѣ свою русскую душу и, болѣя иной разъ сердцемъ за родину, горячо ее любили, но за любовь свою получили жестокій ударъ.

Гдѣ они, всѣ эти русскіе, незамѣтные, но

чистосердечные люди, живы ли? Чему научилъ ихъ русскій разгромъ и вѣрятъ ли въ грядущее пробужденіе и Новгорода и Россіи? Я думаю, что вѣрятъ!

И мнѣ хочется вѣрить, что и старый Великій Новгородъ дождется своихъ золотыхъ дней и что возрожденіе Россіи, дастъ Богъ, будетъ и возрожденіемъ древнѣйшаго русскаго вѣчеваго города, этой колыбели Россійскаго Государства.

Кишиневъ, февраль-мартъ 1924 года.

А. Болотовъ.

КОЕ-ЧТО ЛЮБОВНОЕ

Есть утѣшенiе у меня,
Есть упоенiе сумасшедшее,
Мечтами полными огня
Изжить далекое прошедшее.

Рындинъ.

Что въ женщинахъ намъ нравится,
Грусть старости
И увлеченiя молодости,
Любви безгрѣшныя и грѣшки

Теперь когда все въ прошломъ, когда живешь только одними воспоминанiями, когда теряешь надежду попасть на родину, на угрюмый, неприглядный, но милый и родной сѣверъ, каждая мелочь, относящаяся не только къ дѣтству, но и вообще къ безпечной молодой жизни, согрѣваетъ сердце и душа отдыхаетъ, когда въ умѣ проносятся картины прежней, обыденной, мирной, беззаботной русской жизни.

Даже любовныя шалости, даже любовные грѣшки, огорченiя и разочарованiя (ибо безъ этого вѣдь невозможно), все это теперь прiятно и отрадно вспоминать. Вотъ въ моемъ

умѣ (воображеніи) проносится цѣлый рядъ милыхъ женскихъ лицъ, прелестныхъ и подъ часъ лукавыхъ глазъ, шаловливыхъ и обманчивыхъ улыбокъ.

Сколько случайныхъ встрѣчъ, сколько своеобразныхъ совпаденій, сколько милыхъ недомолвокъ, заманчивыхъ обѣщаній, сколько сердечныхъ воспоминаній и сердечныхъ разочарованій осталось за мою довольно бурную и во всякомъ случаѣ чрезвычайно разнообразную жизнь, но я не рѣшаюсь все это разсказывать, не изъ стыдливости или излишней скромности — нѣтъ, ибо какъ старушкѣ, которая на исповѣди каялась попу въ грѣхѣ молодости, было пріятно вспомнить, такъ и мнѣ прегрѣшенія и заблужденія моихъ юныхъ лѣтъ и молодости, да и вообще всю мою россійскую жизнь полную превратностей судьбы и богатую разнородными впечатлѣніями очень сладко вспоминать, дабы забыться отъ грустной и безпросвѣтной дѣйствительности, ибо до порядка и спокойствія въ Россіи еще очень далеко.

Но я не хотѣлъ бы, чтобы тѣ милыя дамы, тѣ легкомысленныя, но и очаровательныя созданія, которыя когда то, если не любили меня, то находили удовольствіе въ моемъ обществѣ, себя въ моемъ разсказѣ узнали и сѣтовали бы за мою нескромность или из-

лишнюю откровенность и стариковскую болтливость.

Но у меня былъ большой другъ почти моихъ лѣтъ недавно скончавшійся, проведшій бурную и богатую приключеніями жизнь стараго холостяка, а главное много при этомъ путешествовавшій не только по заграницамъ, но и въ дальнія полудикія страны, словомъ видавшій виды и, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ перерыва изъ за революціи нашихъ съ нимъ постоянныхъ и дружескихъ отношеній, я опять совершенно неожиданно съ нимъ недавно встрѣтился въ Европѣ, но, увы, онъ угасалъ, угасалъ отъ тяжелой неизлѣчимой болѣзни, угасалъ въ полномъ сознаніи, что дни его сочтены и отходя въ вѣчность онъ страшно обрадовался, меня увидавъ, и въ послѣдній разъ отдался душою земному и сталъ вспоминать давно прошедшее время, наши съ нимъ Петербургскіе похожденія и кутежи, разсказывая между прочимъ не то, что про свои побѣды, а мимолетные капризы, встрѣчи, увлеченія и любовное счастье и я съ его словъ многое записалъ, а при разставаніи получилъ отъ него небольшую тетрадку съ довольно откровеннымъ перечисленіемъ его любовныхъ утѣхъ.

И онъ этой тетрадкой и своей такъ сказать предсмертной исповѣдью разрѣшилъ мнѣ воспользоваться по моему усмотрѣнію.

И я, для полноты картины, помимо нѣкоторыхъ своихъ невинныхъ влюбленностей и нѣсколькихъ похожденій, позволю себѣ воспользоваться разсказомъ моего друга, болѣе опытнаго, чѣмъ я, въ знаніи женскаго сердца и въ умѣніи находить ключъ къ этому иногда коварному и измѣнчивому, а то и непонятному для насъ мужчинъ женскому тайнику.

Что въ женщинахъ воообще намъ мужчинамъ нравится, чѣмъ онѣ насъ прельщаютъ? Наружностью, умомъ? О нѣтъ, главнымъ образомъ желаніемъ намъ нравиться, той врожденною женственностью, изяществомъ, ласковостью, затѣмъ стремленіемъ и влеченіемъ къ намъ, чтобы онѣ смотрѣли на насъ не какъ на равнаго, не какъ на товарища, а чувствовали бы и цѣнили въ насъ мужчину, а затѣмъ, простите за откровенность, тѣломъ, именно тѣло, женское тѣло насъ побѣждаетъ нами властвуетъ, насъ держитъ въ рабствѣ, этимъ и объясняется зачастую успѣхъ некрасивыхъ, неказистыхъ съ виду женщинъ, но обладающихъ или роскошнымъ тѣломъ или жаждущихъ ласки, стремящихся къ ней и забывающихъ все ради минутнаго, но опьяняющаго увлеченія и безумнаго наслажденія...

Затѣмъ, конечно, мужчина не избалованный, много не увлекавшійся легче подпадаетъ подъ женское вліяніе, въ женскія сѣти, чѣмъ мужчина, у котораго « mille e tre » воспоми-

ханій, который жаждетъ разнообразія, ищетъ какой то изгибъ, ищетъ змѣиную ласку и еще что то изумительное, только ему одному пресыщенному женской красотой извѣстное.

Помнится, еще недавно въ мужской компаніи зашелъ довольно циничный споръ, какая женщина лучше не для флирта, не для романа и для поэзіи, а для прозы, для любовнаго безумства. Кто-то позволилъ себѣ сказать, что въ постели всѣ равны, что принцессы, что простолюдинки; первое условіе, чтобы было красивое, завлекающее тѣло, а второе условіе чистота.

Не посѣтуйте на меня за излишнюю откровенность, не хмурьтесь, не сердитесь, не пугайтесь, но повѣрьте, это сущая правда.

Помню еще при окончаніи Правовѣдѣнія у меня былъ какъ то длинный разговоръ съ моимъ товарищемъ и другомъ графомъ Маріаномъ С..., который годами и старше меня и несомнѣнно былъ опытнѣе. Онъ мнѣ тогда говорилъ: «помни, дорогой, мой совѣтъ и мое дружеское предупрежденіе, не ухаживай никогда за свѣтскими дамами, помни, что всякая дорогая кокотка дешевле свѣтской любви». И это совершенно вѣрно, что въ любви дешевое выходитъ на дорогое и кромѣ того любовь порядочной женщины налагаетъ на васъ много нравственныхъ обязанностей, а

подъ часъ и тяжелыхъ цѣпей, что дороже денегъ.

А чѣмъ мы, грѣшники, чѣмъ мы, мужчины, побѣждаемъ женщинъ, пусть это рѣшаютъ сами слабыя созданія, это ихъ тайна и для насъ большей частью совершенно непонятная, но позволю себѣ добавить, мы побѣждаемъ не наружностью, а можетъ быть умомъ или словомъ, умѣніемъ войти въ ихъ душу, проникнуть въ тайники ихъ сердца, завораживать ихъ воображеніе, покорить ихъ въ большинствѣ случаевъ слабую волю...

По этому поводу у меня изъ ранней молодости имѣется разительный примѣръ. Былъ въ Любани судебный слѣдователь нѣкто Д..., человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, но не тонкимъ воспитаніемъ и при этомъ непріятнаго характера, довольно колкій и ѣдкій въ разговорахъ человѣкъ, въ то же время не глупый и пожалуй даже умный, но наружности крайне не привлекательной, бѣлобрысый, волосы и на головѣ и въ бородѣ рѣденькіе и жирные, черты лица неправильныя, сизый носъ, лицо, выражаясь деликатно, не чистое, красноватое, слезящіеся глаза, закрытые синими очками въ золотой оправѣ. И что же, сей мужъ одновременно сводилъ съ ума трехъ замужнихъ дамъ лѣтъ тридцати: одна жена доктора, дама съ томностью во взорѣ, не глупая, умѣвшая привле-

кать мужчинъ и видавшая виды. Другая полненькая изящная и даже красивая шатенка и третья жена инженера, худощавая, очень оживленная, красивой бы я ее не назвалъ, но веселая, разговорчивая, не глупая и несомнѣнно интересная женщина. Послѣдняя даже покончила жизнь самоубійствомъ изъ за несчастной любви къ нему, подаривъ при этомъ мужу ребенка отъ донжуанистаго слѣдователя. Всѣ мужчины находили его не только несимпатичнымъ, но по наружности и характеру даже отталкивающимъ, а вотъ подите-же. И это было въ Любани въ двухъ часахъ ѣзды отъ Петербурга, а не въ какой нибудь глуши, гдѣ слѣдователь или попъ единственные мужчины.

Да все это было и было давненько, теперь же въ настоящее гнусное и прозаическое время побѣждаютъ женщинъ не мужчины и не ихъ достоинства, а главнымъ образомъ побѣждаютъ деньги, покорители не только слабыхъ и очаровательныхъ созданій, но и разрушители цѣлыхъ царствъ.

Переходя къ любовнымъ похожденіямъ моего нынѣ покойнаго друга, припоминаю, какъ онъ, избалованный вниманіемъ женщинъ и упоенный успѣхами не только въ Россіи, но и въ Вѣнѣ, въ Парижѣ и Лондонѣ, съ особенной нѣжностью и радостью вспоминалъ свои деревенскія похожденія и нашихъ сельскихъ

сѣверныхъ красавицъ, спрашивая при этомъ мое мнѣніе. Но я жилъ въ настоящей деревнѣ еще скромнымъ мальчикомъ, Любань же къ обыкновенной деревнѣ причислена быть не можетъ, да и помимо того, что крестьянки не отличались тамъ красотой, жизнь въ Любани совпала съ первыми годами моей супружеской жизни и я не могъ ни раздѣлить его восторга, ни возразить ему по существу, за неимѣніемъ опыта именно въ деревенскихъ красавицахъ.

Но въ одномъ я съ нимъ совершенно согласенъ, что иной разъ мимолетная встрѣча, кратковременность знакомства, искренность и даже неожиданная сердечность взаимной бесѣды (напримѣръ на желѣзной дорогѣ), даже не романъ, а просто случайное обладаніе женщиной остается на всю жизнь, какъ помню я молодымъ человѣкомъ, ну лѣтъ двадцати шести, познакомился однажды на Невскомъ, въ до обѣденное время, съ одной скромно одѣтой нѣмочкой, оказавшейся пріѣзжей изъ Риги, во всякомъ случаѣ отнюдь не принадлежавшей къ разряду уличныхъ или легкихъ женщинъ. Долго не соглашалась на мое предложеніе, но моя невольная почтительность и даже смущеніе передъ ея не то что красотой, но миловидностью, и удивительной дѣвственной свѣжестью, на нее подѣйствовали и она со мной отправилась въ укромный и не ли-

шенный уюта уголокъ. Такой красоты тѣла и формъ, такого сложенія, такого темперамента, я въ жизни болѣе не встрѣчалъ, это не была обыкновенная жрица любви, но вѣроятно какая нибудь бонна или что либо въ этомъ родѣ. И, несмотря на все это изумительное и рѣдкое сочетаніе и горячность въ поцѣлуяхъ, и прелестныхъ очертаній, я послѣ вторичнаго свиданія отъ нее сбѣжалъ, точнѣе уклонился отъ дальнѣйшаго знакомства, ибо она, не смотря на свои двадцать или двадцать одинъ годъ, въ любви была не насытна, это былъ хотя и очаровительный, но какой то вѣчный огонь...

И до нея и послѣ нея я много женщинъ перевидалъ и много женскихъ ласкъ на себѣ испыталъ, но и до сихъ поръ, засыпая, частенько мнѣ мерещится ея нѣжно розовое тѣльце, ея горячія лобзанія, ея прелестное миловидное личико, съ чуднымъ, естественнымъ цвѣтомъ лица, ея слегка вздернутый тонкій носикъ, красиво очерченый вкусный ротикъ, голубые почти невинные глаза съ длиными темными рѣсницами. Вотъ вамъ и холодныя нѣмки!И мои похожденія не ограничились конечно этой нѣмочкой, знавалъ я огневыхъ венгерокъ, этихъ чудныхъ природныхъ жрицъ любви, знавалъ я француженокъ и шведокъ и даже татарокъ, ухаживалъ въ концѣ концовъ и за свѣтскими дамами, но эту

скромно одѣтую, да и вообще скромненькую, бѣлокурую дѣвушку, вспоминаю прямо съ восторгомъ, она какъ то особенно врѣзалась въ моей памяти своей безъискуственностью, свѣжестью и красотой своихъ очертаній и прямо персиковымъ цвѣтомъ своего чуднаго тѣла и своей бархатистой кожей, словомъ удивительнымъ сочетаніемъ красоты, молодости, неиспорченности и прирожденной страсти...

Но всетаки не обладаніе женщиной и даже не женскій обликъ большею частью запечатлѣвается, а гораздо сильнѣй запечатлѣваются условія знакомства, оригинальность обстановки, несоотвѣтствіе начала съ концомъ, а иногда вся прелесть именно въ томъ и состоитъ, что послѣднее слово въ житейскомъ романѣ остается недописаннымъ, недоговореннымъ, когда счастье было такъ близко, такъ возможно и вдругъ неожиданная, негаданная, помѣха и все оборвалось, все на полусловѣ, все на полуожиданіи и кончилось. И теперь, подъ старость лѣтъ, помѣхи то эти особенно любопытны, эти любви съ вопросительными знаками...?

А что за ними? Можетъ быть въ этомъ и счастье, можетъ быть это и лучше, что многія любви остались недоведенными до конца, въ этомъ то вся ихъ прелесть, весь интересъ, вся

поэзія ухаживанія, что была сказка, а присказки то и нѣтъ.

Бывало въ годы юности и ранней молодости влюбаешься въ церкви или гдѣ-нибудь на гуляньѣ въ какую-нибудь незнакомку или просто хорошенькую дѣвушку — мѣщаночку, ловишь ея взглядъ, часами ждешь, когда она пройдетъ мимо; затѣмъ начинаешь ее идеализировать, боишься ее осквернить прозой жизни, не рѣшаешься къ ней подойти или, тѣмъ болѣе, сказать про свои чувства, а въ ночной тиши мечтаешь объ ея поцѣлуѣ, считая ее недосягаемой или недоступной, а при случайномъ разговорѣ боишься ее оскорбить смѣлымъ прикосновеніемъ и, такъ, въ глубинѣ сердца хранишь милый образъ сѣверной, свѣтлорусой красавицы или черноокой, шаловливой южанки и хранишь до старости лѣтъ неоскверненными, и тѣмъ только они вамъ дороги, что остались загадками и представлялись и нравственнѣе и лучше, чѣмъ, пожалуй, онѣ въ дѣйствительности были.

Не было въ юности всенощной (въ особенности всенощной) или обѣдни, не было гулянья или какого-нибудь собранія, чтобы чьи-нибудь глаза не вонзались въ мое сердце, не волновали бы мое чуткое воображеніе; эти то молчаливыя любви представляли особую свѣжесть, жизнерадостную и своеобразную

прелесть и бывало ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ себя не выдаешь, а вы чувствуете, что глаза васъ понимаютъ, а порою ласковый, порою будто суровый взглядъ вамъ говоритъ «да». А теперь по старой привычкѣ замѣчаешь красивое лицо, слѣдишь за нимъ глазами, уставишься, а женскіе глаза смотрятъ на васъ, какъ на пустое мѣсто; вотъ въ эти то минуты и понимаешь и съ грустью признаешь свою старость.

Бывало, послѣдніе годы жизни моей жены, она поймаетъ, какъ нибудь, пристальный взоръ на женское личико и добродушно подсмѣиваясь, говоритъ: «Куда тебѣ, вѣдь ты старичекъ!» И ей какъ будто жалко, что любимый ею мужъ уже старичекъ, и жизнь такъ незамѣтно, такъ быстро прошла и подкралась жестокая, непривѣтливая старость. А тамъ...

Но возвращаюсь къ своему угасшему другу и полученной мною отъ него въ наслѣдство тетрадкѣ съ довольно откровенными признаніями, которыя я постараюсь немного смягчить, дабы излишними подробностями не оскорбить слуха благоразумныхъ или чопорныхъ (при другихъ) людей. Вѣдь надо же сознаться, что въ уединеніи, въ тиши или въ потьмахъ большинство изъ насъ превеликіе грѣшники, но на людяхъ напускаютъ на себя строгость и благопристойность. Я зналъ одного сановнаго ханжу въ Петербургѣ, у кото-

раго въ квартирѣ была даже особая молельня, гдѣ онъ до третьяго пота и утромъ и вечеромъ отбивалъ земные поклоны и два раза въ годъ ѣздилъ къ старцу-схимнику въ скитъ Сергіевской Лавры сдавать свои грѣхи; но сдавалъ онъ ихъ въ одинъ вечеръ и даже утро, а шесть дней откалывалъ тоже въ тиши, но не молельни, а въ полумракѣ теплой и уютной комнаты такія колѣнца, что его наивные знакомые и друзья прямо бы упали въ обморокъ, увидавъ этого святошу въ легкомысленномъ одѣяніи (собственно даже безъ онаго) и окруженнаго...... но нѣтъ, я лучше замолчу, мое перо не достаточно красочно, не достаточно легкомысленно, чтобы наглядно изобразить всю райскую обстановку этого святоши и прослѣдить за всѣми его упражненіями и измышленіями. Монахъ давалъ ему отпущеніе грѣховъ и онъ съ обновленной совѣстью, обманувшій лишній разъ людей, но не Бога, возвращался въ Петербургъ, гдѣ въ семейныхъ дѣлахъ и семейномъ кругу былъ строгимъ и неумолимымъ судьей чужихъ незначительныхъ ошибокъ и прегрѣшеній.

Да, въ тетрадкѣ моего друга мелькаютъ и нѣжно-поэтическіе женскіе лики и циничные, но въ тоже время любопытные типы жрицъ любви, особенно долго онъ останавливается на лондонскихъ развлеченіяхъ и на юноше-

скихъ похожденіяхъ, на свиданіяхъ въ паркахъ, въ окрестностяхъ Петербурга и на увлеченіи въ Москвѣ какой-то кормилицей, которая ему 19-ти лѣтнему юношѣ, писала безграмотныя, но нѣжныя письма, начинавшіяся непремѣнно словами: «ты ляти, ляти мое письмо и одайся тому, кто всѣхъ миляй серцу мому». Онъ съ восторгомъ о ней вспоминаетъ, какъ о пышной русской красавицѣ, хотя и легкомысленной, но довольно смѣлой, приходившей къ нему въ комнату, когда онъ спалъ вмѣстѣ съ маленькимъ кузеномъ и старикомъ дядей и только дядюшка, когда уже было не вмоготу отъ ихъ поцѣлуевъ, кряхтѣлъ и говорилъ: «Охъ, Павлуша, охъ братецъ, какой же ты право». Связь эта продолжалась чуть ли не цѣлый годъ.

Далѣе онъ разсказываетъ, что ему, уже сорокалѣтнему и пресыщенному человѣку, подвернулась какъ-то служанка, весьма некрасивая женщина лѣтъ тридцати,но искра похоти пробѣжала и онъ былъ покоренъ. И не смотря на то, что она дѣйствовала на его воображеніе только въ потемкахъ, связь эта съ перерывами продолжалась цѣлыхъ десять лѣтъ. И самое нѣжное, самое бурное свиданіе происходило у него въ провинціальномъ городѣ во время осады большевиковъ, когда онъ съ минуты на минуту ждалъ и обыска и ареста.

Вотъ эта то смѣсь опасности, близость смерти придавала особую страсть обоимъ и быть можетъ особую сладость любовнымъ поцѣлуямъ. Но продолжительность этой связи онъ объясняетъ особымъ свойствомъ этой служанки... чѣмъ она его привлекала и онъ, для нее совершенно некрасивой и простой женщины, забывалъ идеально сложенныхъ, изящныхъ, свѣтскихъ и безусловно интересныхъ дамъ. Да, есть какой-то у женщинъ секретъ, мало кому вѣдомый, не часто встрѣчаемый и не всѣми понимаемый...

И я добавлю, что исключительность, незаурядность обстановки, а другой разъ и полная неожиданность любовныхъ не объясненій, а скорѣе любовныхъ нападеній, или опасность свиданій увеличиваютъ и прелесть и интересъ и еще болѣе завлекаетъ пресыщенныхъ, избалованныхъ и, пожалуй, извращенныхъ мужчинъ, а мой другъ принадлежалъ, несомнѣнно, къ таковымъ.

Иногда же женщины нахрапомъ берутъ себѣ любовниковъ и тотъ же мой пріятель отмѣчаетъ, что въ провинціи на благотворительномъ вечерѣ красивая губернская львица изъ купеческаго міра, которую онъ только во второй разъ въ своей жизни видѣлъ, послѣ самаго безобиднаго и совсѣмъ незначущаго разговора, въ которомъ мой другъ никакихъ намековъ ей не дѣлалъ и никакихъ лю-

безностей не сказалъ, вдругъ его спросила: «Вы здоровы?» Онъ, не понявъ этого вопроса, подумалъ, что она приняла какое-нибудь слово, какъ исходящее отъ человѣка не въ своемъ разсудкѣ, нѣсколько смущенно отвѣтилъ: «Да. Я здоровъ, а что же я такое сказалъ?» А дама ему объясняетъ, опустя глаза и пристально смотря внизъ: «Нѣтъ. Я въ другомъ смыслѣ». Такъ онъ, вообще не изъ скромныхъ, даже растерялся отъ неожиданности такого вопроса.

Его записки такъ правдивы, да и вообще онъ никогда не принадлежалъ къ числу хвастливыхъ людей, что у меня нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ вѣрности и точности его разсказа.

Но, не буду ссылаться на его авторитетъ и, впечатлѣнія другого и отъ его грѣховныхъ стремленій и увлеченій позволю себѣ вернуться къ дѣтству и возстановить въ своей памяти мои дѣтскія обожанія и юношескія не ухаживанія, а вѣрнѣе мои раннія влюбленности, конечно, смѣшныя, но совершенно чистыя, безъ дурныхъ помысловъ, прямо невольное поклоненіе передъ женскимъ идеаломъ или просто дѣтское пробужденіе мужскаго влеченія къ женскому обществу.

Первая моя любовь относится чуть-ли не къ девятилѣтнему возрасту и предметомъ моего обожанія была дачница изъ купече-

ской семьи лѣтъ восемнадцати и звали ее Любовь Петровна. Красива она не была, но очень симпатичная, скромная и тихая дѣвушка и вѣроятно мнѣ нравилась тѣмъ, что относилась ко мнѣ какъ-будто къ взрослому. Въ чемъ же выражалась моя любовь, точно не помню, но, по крайней мѣрѣ, всѣ взрослые надо мной подсмѣивались и забавлялись моимъ нѣмымъ обожанiемъ.

Прошло года три, жили мы въ Лужскомъ уѣздѣ, я попалъ къ сосѣдямъ на дѣтскiй балъ и тамъ впервые увидалъ юную царицу моего сердца. Дѣйствительно она была прехорошенькая, чудный цвѣтъ нѣсколько смуглаго личика, задорное выраженiе сѣрыхъ смѣющихся глазъ, хорошенькiй носикъ и алый, полуоткрытый ротикъ, что придавало ея лицу шаловливое выраженiе и темные волосы. Какъ теперь помню, на ней было легкое бѣлое платьице съ кушачкомъ и она очень мило исполняла обязанности юной хозяйки дома. Я прямо бредилъ и дома прожужжалъ всѣмъ уши, порядочно надоѣвъ, разсказывая про юную властительницу моихъ вполнѣ чистыхъ думъ, но цѣлый годъ ее не видалъ и жилъ и лелѣялъ мысль ее вновь узрѣть.

И только черезъ годъ мнѣ счастье улыбнулось, я опять туда попалъ. Мы были званы на 22 Iюля именины ея сестры. Съ утра лилъ проливной дождь, мать благоразумно гово-

рила, «что по дурной проселочной дорогѣ тащиться за 15 верстъ въ такую погоду — это безуміе, а въ особенности возвращаться въ темноту, вѣдь мы экипажъ сломаемъ». Мы, т. е. я съ сестрой, съ ранняго утра прямо ревѣли, хотя мнѣ уже было 13 лѣтъ, и умоляли мать. Слава Богу, надъ нами сжалилась милая англичанка, гувернантка моей сестры, старушка Miss Dikson и та насъ поддержала, сказавъ, что очень довольна успѣхами моей сестры и это уже давно обѣщано, дорога песчаная, а, вѣроятно, къ вечеру погода прояснится.И мать, хотя сперва и сердилась, но, будучи очень доброй, сдалась и мы потащились.

За отсутствіемъ кавалеровъ (насъ было двое), танцевъ не было, но были petits ieux, моя царица была годомъ старше меня и хотя замѣтила мое глупое восторженное выраженіе лица, но считая себя почти взрослой, мало обращала на меня вниманія и скорѣе потѣшалась надо мной, но я былъ въ восторгѣ и несмотря на то, что другія барышни были прехорошенькія, я остался вѣренъ своему юному чувству.

Проходитъ нѣсколько дней, погода установилась, солнце сіяло, тучъ никакихъ и я отпросился на прогулку верхомъ и былъ отпущенъ, но со строгимъ приказомъ далеко не уѣзжать и къ ужину, т. е. къ семи часамъ

быть дома. Вотъ я и отправился; ѣхалъ, ѣхалъ лѣсомъ, все раздумываю, доѣхать до сосѣдей, родственниковъ моей, такъ сказать, царевны прекрасной, или повернуть домой. Но мысль, что тамъ я ее могу встрѣтить, счастье мнѣ вдругъ улыбнется, взяла верхъ надъ благоразумiемъ, тѣмъ болѣе, что въ умѣ разсчиталъ: двѣнадцать верстъ, значитъ часъ ѣзды, тамъ часа полтора и какъ разъ къ семи часамъ домой. Поспѣю.

Прiѣзжаю къ сосѣдямъ и, о радость, Помочка (конечно въ умѣ звалъ уменьшительно съ прибавленiемъ «моя») тамъ; горѣлки, кошки мышки и я все забылъ и только, когда игры кончились, посмотрѣлъ на часы — восьмой часъ, а такъ какъ былъ уже конецъ iюля, то начинало темнѣть, я собрался ѣхать, а сосѣди уговариваютъ остаться. Одному ѣхать лѣсомъ неблагоразумно. «Ваша мать вѣдь знаетъ, что Вы у насъ и безпокоиться не будетъ». Я, по малодушiю, не разувѣрилъ, ибо не хотѣлъ сказать, что къ нимъ прiѣхалъ какъ бы случайно, словомъ остался ночевать comme un grand jeune homme.

А на утро, обезпокоенная мать присылаетъ за мной кучера, который со смѣхомъ сопровождалъ меня домой, дорогой поздравляя со свадебкой: «Ну что, барчукъ, молодецъ, хоть раненько немного, да подрастете». Дома жестокiй разносъ, помню, уже подъѣз-

жая къ усадьбѣ, я чувствовалъ себя прескверно, сердце мое падало, прямо готовъ былъ провалиться; мать встрѣтила очень грозно и долго журила, пристыдивъ меня тѣмъ, что у нея съ болѣзней отца горя довольно, а я ей причинилъ еще напрасныя волненія и мученія.

Въ слѣдующій разъ и у сосѣдей подтрунивали надо мной, узнавъ, что я втихомолку къ нимъ поѣхалъ, а Помочка самодовольно улыбалась, сознавая себя виновницей моихъ приключеній и бѣдъ.

Что же потомъ? Эта дѣтская влюбленность продолжалась еще съ годъ, но зимой видѣлись рѣдко, въ Лужскій уѣздъ я болѣе не возвращался и понемногу обожаніе сошло на нѣтъ, хотя еще на ея свадьбѣ мнѣ было очень горько.

Затѣмъ года черезъ три — поѣздка въ Гапсаль; мнѣ шелъ уже 17 годъ, но тогда дѣти не такъ рано развивались, какъ теперь, и въ 16 и 17 лѣтъ и вкусы и удовольствія были дѣтскіе и не было подражанія взрослымъ, только вмѣсто горѣлокъ и другихъ игръ было увлеченіе танцами: упоительный вальсъ, шумная мазурка, веселая кадриль замѣнили всѣ другія удовольствія, а въ Гапсалѣ танцевали два раза въ недѣлю. Подружился съ нѣсколькими сверстниками, учениками петербургскихъ и московскихъ гимназій и пажескаго корпуса и образо-

валась шумная и веселая компанія, которую прозвали «компаніею звонарей».

Катались на парусныхъ лодкахъ, садились на мель, натыкались ввиду берега на камни, ѣздили въ окрестности въ сосновый лѣсъ, а главное и днемъ и вечеромъ при лунѣ устраивали прогулки съ легкой выпивкой, около такъ называемыхъ руинъ, когда-то рыцарскаго замка. И вдругъ у одного изъ «звонарей» очень хорошенькая сестра, барышня года на два старше меня, большая кокетка, веселая и остроумная и я потерялъ сердце, признавшись на первыхъ порахъ ея брату, который влюбился въ мою сестру, но также молча и глупо выражалъ свои чувства, какъ и я, ибо, когда я влюблялся, то языкъ прилипалъ къ гортани, мысли мѣшались, я млѣлъ, краснѣлъ и глупѣлъ, и главнымъ образомъ любовался издали, но страдалъ ужасно отъ неумѣнія выразить свои чувства и отъ излишней скромности.

Вообще тогда ухаживали чище и, даже мысленно, не раздѣвали своихъ предметовъ и даже не сливались съ ними въ безконечно сладостномъ поцѣлуѣ, а просто вздохъ, рукопожатіе и только. Можетъ быть это и глупо, но, думаю, что гораздо лучше и во всякомъ случаѣ нравственнѣе современныхъ любвей и тѣхъ ужасныхъ «огарковъ», которые во множествѣ расплодились въ провинціи въ самомъ началѣ двадцатаго вѣка.

По поводу «огарковъ» мнѣ вспоминаются два случая изъ пермской жизни. Полиціймейстеръ былъ молодой, бравый и видный мужчина, и какъ-то послѣ утренняго рапорта онъ мнѣ докладываетъ, что къ инженеру такому-то явилась гимназистка 5-го класса, значитъ лѣтъ шестнадцати, никакъ не болѣе, и предложила себя въ качествѣ любовницы, причемъ предупредила этого инженера, что онъ не будетъ первый ея обожатель.

— А вчера, — добавилъ мнѣ полиціймейстеръ, — былъ лично со мной случай въ театрѣ: подходитъ гимназистка, какого класса не знаю, но роста небольшого и не имѣла вида взрослой и предложила мнѣ поѣхать куда-нибудь.

На удивленіе полиціймейстера, куда поѣхать, она говоритъ: «Сами знаете». — «Да вы съ ума сошли», отвѣтилъ полиціймейстеръ. Она съ презрѣніемъ на него посмотрѣла и прибавила: «Ну не хотите быть первымъ, такъ будете вторымъ или третьимъ». Вотъ вамъ провинціальные нравы 1908 или 1909 годовъ.

Но возвращаюсь къ Гапсалю. Помимо увлеченія танцами и у меня, и у моихъ сверстниковъ было еще другое увлеченіе и гораздо болѣе прозаическое — пирожными, такъ называемыми «Штакельберкухенами», чѣмъ въ то время такъ славился Гапсаль. Мы доходили въ пожираніи этихъ пирожныхъ до виртуозности,

чѣмъ не мало поражали расчетливыхъ и благоразумныхъ нѣмцевъ. Однажды моя мать заходитъ въ кондитерскую и разговорилась съ продавщицею, а та ей начинаетъ разсказывать, какъ молодежь уничтожаетъ пирожныя и добавляетъ: «Aber der junge Herr mit der grüner Mütze der hat ein Appetit, dass ist wunderbar, dass ist ganz kolossal, 10 oder 12 Stück auf ein Mal».

Изъ скромности я эту зеленую фуражку не назову.

Вотъ эта любовь къ москвичкѣ—уже третья любовь въ моей жизни и изъ-за которой завелась съ ея братомъ усиленная переписка и онъ какъ классикъ отвѣчалъ по латыни, да еще стихами, и, хотя любовь къ прелестной москвичкѣ еще года три тлѣла въ моемъ сердцѣ, но дальность разстоянія не способствовала любви, а тутъ какъ разъ «cousinage, dangereux voisinage» и я влюбился въ кузину, которую зналъ съ дѣтства, но прежде какъ-то не обращалъ на нее вниманія и любовь эта была настолько серьезна, что мечталъ даже о женитьбѣ на ней по окончаніи курса; но полное равнодушіе ко мнѣ милой кузины, въ концѣ концовъ, утолило мой сердечный пылъ, ибо я не былъ способенъ на вздыханіе и безконечное ожиданіе, не чувствуя взаимности и къ окончанію курса и эта любовь прошла настолько, что когда я встрѣчалъ свою милую и умную кузину, даже мысленно удивлялся, неужели я въ нее былъ когда-то влюбленъ.

Вотъ, это всѣ любви моего дѣтства и юности, любви настолько чистыя и невинныя, что даже не было ни одного поцѣлуя въ темнотѣ; любовь ограничивалась лицезрѣніемъ, танцеваніемъ котильона или мазурки, мечтаніемъ въ ночной тиши, писаніемъ стиховъ, да и то чужихъ, въ альбомъ. Но... юноша превратился въ молодого человѣка. Правовѣдѣніе окончено. Вашъ покорный слуга окунулся въ омутъ петербургской жизни, получилъ права гражданства, родительскій надзоръ окончился и постепенно начались любви грѣшныя, а безгрѣшныя отошли въ область преданій. Грѣшныхъ любвей было нѣсколько, изъ разнаго міра, но зачѣмъ перечислять всѣ похожденія и романчики, скажу, что и здѣсь, какъ на службѣ, повышался въ чинахъ: сперва Зоологическій садъ и Лѣтній садъ, потомъ Аркадія да Ливадія, Акваріумъ, причемъ русскія чередовались съ француженками, француженки со шведками, шведки съ венгерками и всетаки, въ концѣ концовъ, родина брала верхъ надъ иностранками.

Случайно, уже не помню при какихъ обстоятельствахъ и гдѣ, познакомился съ доморощенной опереточной дивой, довольно полной и не скажу, даже, чтобы красивой, но оживленной, привлекательной, добродушной и чувственной женщиной, и я былъ обворожевъ. Романъ продолжался болѣе года.

Воспоминанія объ опереточной дивѣ въ осо-

бенности, да и вообще воспоминанія о женщинахъ и любвяхъ связано съ воспоминаніями о различныхъ кабачкахъ, ресторанахъ, о тѣхъ уютныхъ уголкахъ и кабинетахъ, гдѣ въ увлеченіяхъ молодости проводились счастливые часы, а иногда и ночи, гдѣ, слушая женскій лепетъ, большей частью и малозначущій, влюбленными и жадными глазами пожиралъ свой предметъ, отыскивая еще какую-нибудь милую черточку и слѣдя за измѣненіями молодого, шаловливаго и оживленнаго лица. Ни Дорота (за Нарвской заставой), ни Краснаго кабачка я уже не засталъ и зналъ ихъ только по разсказамъ отца, но зато помню и Крестовскій и Самаркандъ съ уютными кабинетами и цыганами, а особенно любилъ весной и лѣтомъ Фелисьена (на Каменномъ островѣ). Бывало у Фелисьена, въ его манящихъ кабинетахъ, окнами на Малую Невку, съ видомъ на Елагинъ дворецъ, въ эти возбуждающія, то раздражающія, то бодрящія васъ бѣлыя ночи, сидѣлъ за бутылкой вина и слушалъ, какъ Раисова своимъ сочнымъ и ласкающимъ голосомъ распѣвала: «Задремалъ тихій садъ», или «Голубка моя», или «Я васъ ждала», или еще какой-нибудь модный, въ то время, романсъ. И сколько разъ я слушалъ этотъ чудный романсъ «Задремалъ тихій садъ», все также наслаждался его мелодіей и звуками этого сильнаго, грудного, чарующаго, а иногда опьяняющаго васъ голоса, богатаго природнымъ да-

ромъ, гдѣ школа и техника замѣнялись лишь Божьимъ изволеніемъ. И сиживалъ до восхода, до блѣднаго петербургскаго восхода, озарявшаго Новую Деревню съ Ливадіей, со всѣми запоздавшими и загулявшими петербургскими грѣховодниками.

Бывалъ частенько моимъ спутникомъ знаменитый въ своемъ родѣ петербургскій дѣлецъ, а когда-то адвокатъ, Яковъ Марковичъ Серебряный, по просту одесскій уроженецъ Янкель Мееровичъ Зильберманъ, но подъ кличкой, или, по нынѣшнему, псевдонимомъ «Серебряный»,онъ былъ не только извѣстенъ но даже и популяренъ въ Петербургѣ и всѣ крупнѣйшія дѣла проходили черезъ его кабинетъ, въ домѣ нѣмецкой церкви на Большой Конюшенной улицѣ. Познакомился я съ нимъ совершенно случайно, вѣрнѣе онъ съ нами познакомился, когда я съ моимъ пріятелемъ и теской, полковникомъ Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка Ползиковымъ, ужиналъ какъ-то въ общей залѣ у Кюба на Морской, куда захаживали частенько. Онъ, видя, что мы люди общительные и оба любимъ покушать, съ нами заговорилъ и попросилъ разрѣшенія къ намъ подсѣсть, и съ тѣхъ поръ года два продолжалось наше съ нимъ знакомство и пріятельскія отношенія, покуда я не покинулъ Петербургъ, промѣнявъ его на пыльный, грязный, скучный, но дорогой и мало привѣтливый Харьковъ.Серебряный былъ удивитель-

но остроумный собесѣдникъ; у него шутки, мѣткія словечки, оригинальныя сравненія такъ и сыпались. Человѣкъ онъ былъ уже старый, лѣтъ подъ семьдесятъ, очень толстый, тщательно выбритый, отлично одѣтый, съ большими отложными воротничками и всегда съ эмалевой булавкой, въ темномъ галстукѣ, очень тонкой работы, изображавшей полнолуніе. Эта булавка, подъ его совершенно круглой, лысой головой, съ добродушно - розоватымъ лицомъ, была очень типична и вызывала улыбку. Голова, какъ я говорю, лысая, съ крошечной каемкой, выкрашенныхъ въ красноватый цвѣтъ, волосъ.

На улицѣ, нарядъ дополнялъ шарообразный блестящій черный котелокъ шелковаго фетра и широкополое пальто, а въ рукахъ была красивая трость съ набалдашникомъ слоновой кости, опять таки съ изображеніемъ полнолунія.

Онъ былъ постоянный посѣтитель Кюба, какъ за обѣдомъ, такъ и за ужиномъ. И въ наслѣдство онъ оставилъ салатъ а ла Яковъ Марковичъ и еще какой-то соусъ а ла Сѣребрянный и т. д.

И служилъ ему всегда старый лакей Францъ, единственный бывшій тамъ не изъ татаръ. Особенно Серебрянный мнѣ памятенъ по одному изъ первыхъ съ нимъ ужиновъ, когда мы были въ раздумьи, что заказать, не

зная чѣмъ раззадорить молодой аппетитъ. Онъ предложилъ помочь намъ въ составленіи меню и заказалъ: матлотъ изъ налимьихъ печенокъ въ красномъ винѣ, а затѣмъ шашлыкъ изъ молодой дичи. Да, это былъ дѣйствительно ужинъ достойный тонкаго гастронома.

Сиживалъ онъ у Кюба до четвертаго часа утра и потомъ отправлялся домой работать, а ложился спать часовъ въ семь, вставая въ два часа и только въ четыре часа начинался дѣловой пріемъ.

Вѣря въ его умъ, въ его умѣніе быстро находить выходъ изъ всякаго запутаннаго и сложнаго дѣла, а также, зная его блестящую память и огромныя юридическія познанія, съ нимъ совѣтовались самые извѣстные петербургскіе адвокаты и дѣльцы Петербурга.

Въ молодости онъ обладалъ крупными средствами, благодаря исключительной адвокатской практикѣ и блисталъ не только на петербургскомъ горизонтѣ, но былъ даже извѣстенъ веселящемуся міру Парижа, а послѣднее время годы брали свое и заработки были уже не тѣ, но все же проживалъ порядочно и проживалъ безъ остатка все, что зарабатывалъ своей оголенной, но мудрой башкой и кажется оставилъ столько, сколько нужно было на его скромные похороны.

Изъ его разсказовъ помню описаніе суда надъ Каракозовымъ, происходившаго въ

квартирѣ коменданта Петропавловской крѣпости. Судъ отличался особой торжественностью. Предсѣдательствовалъ добрѣйшій принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, старавшійся напускать на себя особую строгость, которая ему совсѣмъ не удавалась. Серебрянный защищалъ Кобылина, считавшагося соучастникомъ Каракозова. И не знаю, благодаря ли его блестящей защитѣ или просто данныхъ для обвиненія было мало, но Кобылинъ былъ оправданъ. Вообще къ тому судилищу Серебрянный относился критически, считая его несогласнымъ и несоотвѣтствовавшимъ Россійскимъ законамъ.

Насколько слава Серебряннаго и авторитетъ его въ дѣловомъ и судебномъ мірѣ былъ великъ, знаю одинъ случай со словъ моего товарища Булацеля, начавшаго свою адвокатскую практику въ Ревелѣ. Крупное имѣніе было назначено къ продажѣ съ публичныхъ торговъ, для отсрочекъ не было никакихъ данныхъ и основаній и вотъ несчастный владѣлецъ, на всѣ свои ходатайства получивъ полнѣйшій отказъ, рѣшилъ испробовать послѣднее средство и обратился къ Серебрянному, тогда уже не адвокату, и Серебрянный телеграфируетъ въ Ревель: «Такое-то имѣніе съ торговъ снять». И по такой необоснованной телеграммѣ имѣніе было снято съ торговъ и владѣлецъ спасенъ.

Изъ словечекъ Серебрянаго вспоминаю, что онъ постоянно повторялъ, что платоническая любовь происходитъ отъ слово плата. Да, видя его необъятную фигуру, сомнѣваюсь, чтобы когда-либо знавалъ другую любовь, да и къ поэзіи онъ не былъ способенъ, хотя музыку и пѣніе онъ любилъ и понималъ. И всегда встрѣчая меня въ Аркадіи, гдѣ тогда процвѣтала русская оперетка Сѣтова, очень скромно просилъ позволенія, если я поѣду съ опереточной примадонной:

— Разрѣшите къ вамъ присоединиться, такъ пріятно и поболтать и послушать пѣніе, доставьте удовольствіе старику, я вѣдь Вамъ не помѣшаю.

И дѣйствительно, онъ не мѣшалъ, а умѣлъ оживлять компанію и на каждый случай у него былъ очень интересный разсказъ, а цѣнитель музыки онъ былъ тонкій. И, вѣроятно, глядя на молодого, оживленнаго и влюбленнаго человѣка, каковымъ я тогда былъ, передъ нимъ проходили дни его молодости и его увлеченія юности. Да, теперь, я его вполнѣ понимаю, и мнѣ самому отрадно видѣть молодыя парочки, любоваться ихъ увлеченіемъ, наблюдая за ихъ безмолвнымъ разговоромъ глазами. Хотя Рансова не отличалась красотой и изяществомъ, но несомнѣнно была женщина видная, имѣла большие черные глаза, а главное была отличнымъ товарищемъ, всегда въ хоро-

шемъ расположенiи духа, всегда привѣтлива и любовно настроена,и мой романъ длился болѣе года,и я до сихъ поръ радостно вспоминаю это милое время, это,хотя и пустое,но прiятное увлеченiе и времяпрепровожденiе. Не имѣя вообще недостатка въ поклонникахъ, она была очень искренно ко мнѣ расположена, безъ заднихъ мыслей и расчетовъ, тѣмъ болѣе, что я не обладалъ тогда никакими личными средствами, которыя могли бы ее прельстить и удовлетворить ея довольно широкiй житейскiй размахъ, женщины очень доброй и нерасчетливой, хотя и еврейскаго и скромнаго происхожденiя, которое она, впрочемъ, тщательно скрывала.

Поѣздка по дѣламъ въ родной городъ, всеношная наканунѣ Покрова въ женскомъ монастырѣ, стройное пѣнiе монахинь заставили меня забыть свою диву и «Задремалъ тихiй садъ»исчезъ изъ моей памяти. Эти звуки потускнѣли, и меня обворожили духовные псалмы. Вѣдь вся наша всеношная, это такая красота, такая поэзiя, въ особенности «Слава въ Вышнихъ Богу», одно изъ самыхъ лучшихъ православныхъ хвалебныхъ пѣснопѣнiй; когда это слышишь, то мыслями невольно переносишься въ иной мiръ, забывая все земное, все грѣховное.

По поводу всеношной въ женскомъ монастырѣ, позволю себѣ сдѣлать маленькое от-

ступленіе отъ разсказа про грѣшки молодости и кстати вспомнить мое пребываніе въ Вѣнѣ въ 1918 году уже послѣ войны. Пошелъ я какъ-то вечеромъ, по очень плохо тогда освѣщеннымъ маленькимъ уличкамъ Вѣны изъ гостиницы на углу Кертнерштрассе къ знаменитому Ронахеру. Иду я по темному переулку и вдругъ слышу чудное церковное пѣніе вполголоса подъ органъ. Я захожу. Оказался женскій монастырь, шла вечерняя служба и монахини пѣли все подъ сурдинку. Я былъ такъ очарованъ и пѣніемъ, и всѣмъ видомъ малоосвѣщеннаго храма, что забылъ и Ронахера и все легкомысленное настроеніе пропало, и я внимательно прослушалъ всю службу.

Тогда-то мнѣ вспомнился разсказъ одной моей богомольной тетушки про знаменитое пѣніе въ Симоновомъ монастырѣ, тоже подъ сурдинку. Оно такъ и называлось «Симоновскими напѣвами», и впослѣдствіи оно было воспрещено, какъ вредно дѣйствующее на грудь пѣвцовъ.

Возвращаясь къ разсказу о всенощной наканунѣ Покрова, долженъ сознаться, что я по молодости лѣтъ, какъ ни былъ восхищенъ пѣснопѣніемъ, все же не могъ отрѣшиться отъ земного и былъ завороженъ парой большихъ сѣрыхъ глазъ, упорно смотрѣвшихъ на меня съ хоръ. Я забылъ черныя глаза примадонны, монашеская скромно - величавая поступь, чер-

ная наметка послушницы, эти большіе, сѣрые, чистые глаза съ длинными рѣсницами, довольно шаловливо смотрѣвшіе и не соотвѣтствовавшіе скромному черному монашескому наряду, меня совершенно плѣнили, я ими бредилъ и рѣшилъ во что бы то ни стало познакомиться съ новой властительницей моихъ горячихъ юныхъ и необузданныхъ чувствъ.

Взялъ изъ Петербурга стараго лепорелло, моего пріятеля Полянкова, послалъ его на развѣдки въ монастырь. Онъ завелъ знакомство съ какой-то пожилой монахиней и вскорѣ у нея въ келіи состоялась первая встрѣча; я млѣлъ отъ неизвѣданнаго счастья и блаженствовалъ, что судьба мнѣ улыбнулась, она же, хотя и конфузилась, но имѣла тоже счастливый видъ и держалась очень мило, оказалась разговорчивой и для монахини довольно развитой и начитанной.

Въ монастырѣ съ 5-лѣтняго возраста, жизни совсѣмъ не знала, но жаждала ее познать, свѣтъ ее манилъ, эту несчастную монахиню не по призванію, а почти по рожденію.

Познакомила меня со своей теткой, тоже монахиней и тамъ въ чистой, уютной, довольно просторной келіи, разгороженной шкапами на двѣ половины, передъ клѣткой съ чижикомъ, предъ старинными большими образами съ зажженными лампадами, на жесткой клеенчатой мебели, за самоваромъ и чаемъ съ прос-

виркми, малиновымъ и земляничнымъ вареньемъ, происходили наши бесѣды и мнѣ казалось, что никогда я не былъ такъ влюбленъ и жадными глазами впивался въ слегка курносое, нѣжно - блѣдное личико, озаренное этими милыми сѣрыми глазами. И отлично помню, была пятница первой недѣли поста, раздавался унылый велико - постный звонъ, призывавшій черницъ къ вечернѣ. Тетушка съ низкими поклонами удалилась сдавать свои несложные грѣхи, оставивъ благодѣтеля (по монастырскому выраженію) съ племянницей, а милая Ѳеня, горячо прижимаясь, млѣя отъ неизвѣданной страсти, дала мнѣ свой первый поцѣлуй... И я былъ вполнѣ упоенъ и ея нѣжной красотой и очарованъ новизной впечатлѣній, своеобразностью и безъискуственностью всей обстановки, неподдѣльностью ея молодого чистаго чувства — и ея жаждой любви.

Помню ея тонкія прелестныя руки, помню ея пепельные волосы, помню ея тихій говоръ, ея стремленія къ невиннымъ удовольствіямъ (какъ ей хотѣлось прокатиться на тройкѣ), ея невольное влеченіе къ мірскому грѣху, помню, какъ ее угнетала, давила монастырская жизнь, къ которой ни склонности, ни призванія не имѣла, имѣя лишь жажду къ знанію и нѣжное сердце, мечтая о любви, о другой жизни, для нея даже не запрещенной, ибо она была только послушницей. Отъѣздъ мой въ Харьковъ

прекратилъ мой поэтическій и незаурядный романъ.

Прошло года два или три, я былъ женатъ, возвращаюсь какъ-то изъ служебной поѣздки домой и вдругъ вижу у себя на письменномъ столѣ разставленную въ рядъ цѣлую галлерею хорошенькихъ головокъ: вотъ Renée d'Anjou, французская шансонетка, задорная, хорошенькая полная брюнетка; вотъ и Раисова въ костюмѣ Мефистофеля изъ «Маленькаго Фауста» и цыганкой, и въ «Продавцѣ птицъ», и въ «Гаспаронѣ», и просто въ бальномъ платьѣ; вотъ бѣдовая Кетти Акерсотремъ, шведская пѣвичка, а рядомъ еще нѣсколько женскихъ лицъ, и тутъ же скромный ликъ черницы, задумчиво - шаловливые, но манящіе глаза прелестной Ѳени.

Я изумленъ и сконфуженъ, а жена добродушно смѣется: она въ старомъ комодѣ нашла эту портретную галлерею и захотѣла надо мной пошутить, разставила ихъ передо мной, какъ бы укоряя меня за прежнюю богатую любовными впечатлѣніями жизнь. Тогда мнѣ стало стыдно своихъ грѣховъ и было непріятно смотрѣть на жену. Но вопросовъ и распросовъ не было, ласка во взорѣ, милая и всепрощающая улыбка мнѣ лучше всякихъ словъ говорила, что я прощенъ, что прошлое забыто и что на немъ поставленъ крестъ.

И впослѣдствіи только изрѣдка и очень

добродушно подсмѣивалась надъ разносторонностью моего вкуса, надъ разнообразіемъ увлеченій моей холостой жизни. Да, доброта, снисходительность къ близкимъ, умѣнье не только прощать, но и забывать чужіе грѣшки, великая вещь въ семейной жизни и только способствуетъ семейному счастью и укрѣпляетъ взаимное довѣріе и супружескую любовь.

Да, всѣ эти юные грѣшки, всѣ эти необходимыя глупости, заблужденія и увлеченія молодости и, наконецъ, самыя ничтожныя воспоминанія, картинки семейной жизни теперь такъ согрѣваютъ мое старое сердце, мое одиночество; такъ уныло на душѣ, а передъ глазами неприглядное, сѣрое февральское кишиневское небо, этотъ безвкусный зимой соборный скверъ, со стаями каркающихъ и шумливыхъ черныхъ воронъ, летающихъ по голымъ деревьямъ и невольно думается о другихъ стаяхъ черныхъ зловѣщихъ воронъ, слетѣвшихся въ Москвѣ и безжалостно раздирающихъ могучее русское тѣло, превративъ его въ жалкій и безпомощный трупъ.

Да, повторяю, именно теперь, когда кромѣ соборныхъ колоколовъ и малороссійскаго борща ничто уже не напоминаетъ вамъ Матушку Россію, когда, кромѣ жениного портрета, ни одна карточка, ни одна вещица изъ прежняго довольства, ни отъ прежняго барства и благополучія не уцѣлѣла, когда не только напѣвы любви, но и дружескія, задушевныя

бесѣды—въ далекомъ прошломъ, какъ бы радостно посмотрѣлъ на женскія личики утѣхи юныхъ дней и напомнили бы мнѣ всѣ эти грѣшныя и милыя изображенія о тѣхъ и радостныхъ и горестныхъ минутахъ, о тѣхъ переживаніяхъ и тѣхъ волненіяхъ, которыя они когда-то причиняли, играя нашимъ воображеніемъ, рисуя передъ нами волшебные замки, и я, утопая въ любовномъ блаженствѣ, конечно, не предвидѣлъ возможности столь безотрадной старости, когда день прошелъ и только благодаришь Создателя, что еще хоть немного, но укоротился мой жизненный путь, вдали отъ обездоленной и обезславленной, очень близкой, и въ то же время очень далекой родины.

Господи, что бы я далъ, если бы мнѣ вернули мои разныя мелочи, цѣнныя по воспоминаніямъ, хоть бы фотографіи моихъ родныхъ и я бы увидалъ хоть изображеніе дорогихъ мнѣ лицъ; если бы нашелъ хоть одно изъ завѣтныхъ дѣдушкиныхъ креселъ, которое бы убаюкивало мои старыя кости и навѣвало мнѣ думы о счастливой и безпечной молодости.

Но, увы, не только ничего этого нѣтъ, но никого не суждено и увидѣть, и только сердце хранитъ дорогіе мнѣ образы моихъ горячо любимыхъ родныхъ.

Никто заграницей, ни въ Германіи, ни даже въ разоренной Австріи и ни въ другихъ мѣ-

стахъ не понимаетъ всей глубины нашего горя, всей безотрадности нашего положенія. Заграницей много разоренныхъ и войной и революціей лицъ, но они сохранили дома, обстановку, сохранили родовые гнѣзда, — у нихъ никто не замученъ, не обездоленъ и не разстрѣлянъ.

Мы же всѣ — нищіе, скитальцы, и чѣмъ мы будемъ жить, и какъ мы будемъ жить, и гдѣ вообще суждено намъ окончить наши бурные дни, лишь Господу Богу извѣстно!

Вотъ потому, даже каждый грѣхъ, каждое увлеченіе молодости вспомнить отрадно и смѣяться надъ этимъ грѣшно, и стыдно за это осуждать.

Вспоминая прошлое, забываешь грустную и безотрадную дѣйствительность и какъ въ чудной сказкѣ переносишься на холодный сѣверъ, гдѣ сердце билось горячо, гдѣ васъ любили и гдѣ жизнь когда то била ключемъ и жилось привольно, къ сожалѣнію можетъ быть, не очень задумываясь надъ будущимъ.

Кишиневъ, февраль 1924 г.

«БЛАЖЕННЫ КРОТКІЕ».

"Неправедный пусть еще дѣлаетъ неправду: нечистый пусть еще сквернится; праведный да творитъ правду еще, и святый да освящается еще.

Се, гряду скоро, и возмездіе Мое со Мною, чтобы воздать каждому по дѣламъ его".

(Апокалипсисъ гл.22 ст.11 и 12).

"Мудреными путями Богъ ведетъ Тебя, многострадальная Россія!"

Некрасовъ.

Сегодня, бродя по кишиневскому кладбищу, набрелъ на могилу очень молодой женщины, гдѣ послѣ имени, отчества, фамиліи, года и числа кончины, прочелъ слѣдующее произведеніе ея мужа: «Прости, прости меня, прости, Люсечка, моя дорогая, неоцѣненная, жена моя незабвенная».

Оставивъ въ сторонѣ двѣ послѣднія строчки, я пользуюсь первой, чтобы съ тѣмъ же «прости» обратиться къ моей милой страдалицѣ - родственницѣ, перешедшей большевист-

скую границу и излившей мнѣ свою душу въ нижепечатаемыхъ письмахъ.

Не знаю, въ чемъ неутѣшный мужъ просилъ у рано погибшей и, судя по изображенію, красивой жены прощенія, въ чемъ именно онъ виноватъ передъ ней, но я, каюсь, злоупотребилъ довѣріемъ моей корреспондентки и позволилъ себѣ напечатать ея письма, считая, что каждое правдивое слово, всякое искреннее и безпристрастное освѣщеніе свершаемыхъ въ Россіи ужасовъ подлежитъ оглашенію и запечатлѣнію для назиданія потомства.

Въ разсказѣ нѣтъ художественныхъ красотъ, но не въ нихъ сила, слова излишни, но правдивость несомнѣнна и трогательны ея кротость и смиреніе, и потому то эта исповѣдь уже пожилой, но глубоко вѣрующей женщины заслуживаетъ вниманія.

Уважая ея скромность, я соблюду ея тайну и ея не назову.

«14 февраля 1920 г. останется для меня на всю жизнь знаменательнымъ числомъ: ровно въ 12 часовъ пополудни я была арестована въ Петроградскомъ Ч. К., куда была приглашена для дачи показаній, какъ свидѣтельница по дѣлу о бѣлогвардейскомъ заговорѣ: Ч. К., т. е. чрезвычайная комиссія, помѣщалась на Гороховой улицѣ, на углу Адмиралтейской пло-

щади, въ зданіи бывшаго градоначальства Получивъ 13-го февраля вечеромъ повѣстку отъ судебнаго слѣдователя съ приглашеніемъ явиться на слѣдующее утро къ нему въ 11 часовъ, какъ свидѣтельница, я уже предчувствовала свое заточеніе, потому что была у него 27 декабря предыдущаго года. Повѣстка, посланная въ первый разъ по почтѣ, пришла только на третій день и, вмѣсто означеннаго на ней 25-го декабря, я могла явиться только 27 декабря въ 11 часовъ утра, за что и получила грубый выговоръ отъ слѣдователя,) встрѣтившаго меня словами:

— А я уже хотѣлъ посылать за вами; отчего вы не пришли во-время?

Я ему объяснила причину своей невольной неакуратности и онъ приступилъ къ допросу, усадивъ меня предварительно въ чудное сафьяновое кресло. Весь кабинетъ состоялъ изъ такихъ же креселъ и дивана, а по серединѣ были два великолѣпныхъ письменныхъ стола.

Допросъ, очень запутанный и хитроумный, начался со взятія съ меня честнаго слова говорить одну правду. «Присяги мы не требуемъ, какъ было это раньше, — прибавилъ ядовито слѣдователь, — мы довольствуемся однимъ честнымъ словомъ».

Пришлось дать ему честное слово, что буду говорить одну только правду, хотя сдержать его все-таки не пришлось. Я, лично, ни

въ какихъ бѣлогвардейскихъ заговорахъ, какъ ихъ называли (т. е. контръ-революціонный монархическій заговоръ противъ правительства большевиковъ), не состояла, никакого участія въ нихъ никогда не принимала, такъ какъ была увѣрена въ ихъ плохой организаціи и недостаткѣ денегъ; большевики же обладали громадными суммами и шпіонство было у нихъ организовано замѣчательно. Все мое несчастье заключалось въ томъ, что я дѣйствительно знала кое-что объ одномъ изъ нихъ отъ двухъ моихъ пріятельницъ, принимавшихъ въ нихъ дѣятельное участіе. Съ одной изъ нихъ я даже жила въ одной квартирѣ и знала, что обѣ онѣ были уже арестованы еще съ половины ноября 1919 года. Не имѣя никакихъ свѣдѣній объ ихъ дальнѣйшей участи и не желая никого подводить своими разоблаченіями, я рѣшила скрыть все, что я знала, свѣдѣній ни о комъ не давать. Впослѣдствіи я осталась этимъ очень довольна, такъ какъ одна изъ нихъ была вскорѣ со многими другими разстрѣляна и моя совѣсть по отношенію къ ней чиста.

Но возвращаюсь къ допросу.

Послѣ обычныхъ вопросовъ, кто и что я, гдѣ служу и проч., слѣдователь спросилъ меня о моемъ званіи до революціи:

— Дворянка, конечно? — съ презритель-

ной усмѣшкой, посмотрѣвъ на меня, добавилъ онъ.

Я отвѣтила утвердительно, хотя въ эту минуту мнѣ было бы гораздо пріятнѣе считать себя простой крестьянкой. Затѣмъ онъ началъ спрашивать, что я знаю о заговорѣ, и послѣ моихъ отрицательныхъ отвѣтовъ началъ грозить, что посадитъ меня за рѣшетку, «такъ какъ это удивительно языки развязываетъ», а то и «къ стѣнкѣ» поставитъ, но и это не помогло. Тогда онъ началъ разспрашивать, кто у меня остался изъ родныхъ и знакомыхъ въ Петроградѣ. Я отвѣтила, что родные всѣ уѣхали, а нѣкоторые перемерли, друзей никого нѣтъ, кромѣ старушки тети, которой было уже за 70 лѣтъ. Я надѣялась, что она не подвергнется участи моей бѣдной матери, попавшей ко мнѣ въ засаду въ половинѣ ноября и просидѣвшей потомъ въ Ч. К. цѣлыхъ три недѣли.

Подобныя засады или ловушки устраивались въ то время во многихъ домахъ въ Петроградѣ, въ особенности послѣ ареста подозрѣваемыхъ въ заговорахъ. Двое солдатъ оставлялись въ квартирѣ, всѣ живущіе въ ней подвергались домашнему аресту, а приходящіе извнѣ подвергались немедленному допросу и отправлялись съ однимъ изъ конвоировъ въ Ч. К.

Бѣдная моя мать не могла долго пережить

такое незаслуженное оскорбленіе, сердце ея не выдержало такой обиды и 25 декабря 1919 года (нов. ст.) она скончалась въ Маріинской больницѣ, куда мнѣ пришлось ее перевезти. Можно себѣ представить, въ какомъ я находилась состояніи, сидя на этомъ ужасномъ допросѣ черезъ два дня послѣ кончины горячо любимой мною матери, тѣло которой, еще не одѣтое, было брошено, какъ дрова, на груду такихъ же голыхъ тѣлъ въ ожиданіи заготовки гроба. Должна прибавить, что покойниковъ разрѣшали одѣть и ставить въ часовню при больницѣ только въ гробахъ, а на послѣдніе надо было записываться въ Совѣтскомъ учрежденіи и ждать очереди, а такъ какъ покойниковъ было въ то время много, а рабочихъ рукъ мало, то и ждать приходилось иногда по нѣсколько дней. Такимъ образомъ, и тѣло моей матери провалялось въ покойницкой 5 сутокъ, пока дошла наконецъ и очередь до нея. Гробовъ на домъ не присылали, каждый долженъ былъ тащить его самъ на головѣ или на салазкахъ. Будучи на службѣ и не имѣя салазокъ, я была въ отчаяніи, какъ мнѣ поступить, но одинъ изъ сторожей при больницѣ сжалился надо мной и взялся принести его и даже обить внутри бѣлымъ коленкоромъ, который я нашла у себя. Взялъ онъ съ меня за это 150 рублей, самый же гробъ стоилъ 250 рублей.

Однако, возвращаюсь къ допросу. Оказывается, что нѣкоторыя мои показанія разошлись съ показаніями моей матери, которую допрашивалъ тотъ же слѣдователь, но мать моя внушила слѣдователю болѣе довѣрія, вѣроятно потому, что по характеру я была гораздо нервнѣе и конфузливѣе ея. Затѣмъ, какъ я послѣ узнала отъ одной изъ пріятельницъ оставшейся въ живыхъ, слѣдователю было многое извѣстно о моихъ познаніяхъ въ заговорѣ и онъ считалъ меня его соучастницей, т. к. я не донесла о немъ въ Ч.К. Я же, сидя у него въ кабинетѣ, все время возносила мысленно молитву къ Господу, чтобы Онъ вразумилъ меня и научилъ, что говорить. Дѣйствительно, Господь и тутъ не оставилъ меня. Когда слѣдователь, теряя терпѣніе при видѣ моего упорства, хотѣлъ меня арестовать, то нервы мои не выдержали, я разрыдалась и начала умолять его отпустить меня на похороны моей матери. Меня не столько испугала мысль объ арестѣ и даже о разстрѣлѣ, такъ какъ жизнью я въ то время совсѣмъ не дорожила,— она и такъ на волѣ была ужасна,—но сознаніе, что моя мать останется безъ похоронъ и что тѣло ея будетъ брошено куда-нибудь въ общую могилу для меня было столь невыносимо, что я начала умолять слѣдователя не отказать мнѣ въ этомъ, обѣщая никуда не отлучаться, прося доказать, что и у большевиковъ

есть сердце и предлагая ему поставить себя на мое мѣсто. И тутъ дѣйствительно совершилось чудо, такъ какъ Господь услышалъ мою молитву, смягчивъ сердце этого грубаго человѣка, который оказался не совсѣмъ безсердечнымъ и согласился на этотъ разъ выпустить меня, прибавивъ на прощанье:

— Не удивляйтесь, если я въ другой разъ пришлю за вами не въ качествѣ свидѣтельницы, а въ качествѣ обвиняемой.

— Ну и обвините невинную, — торжествующе отвѣтила я, — совѣсть моя чиста передъ большевиками, такъ какъ ни въ какихъ заговорахъ я никогда не участвовала, политикой не занималась и даже ею мало интересовалась.

Забыла прибавить, что записалась я, конечно, безпартійной.

Довольная, съ облегченнымъ сердцемъ вылетѣла я изъ этого омута и отправилась на службу, манкировать которую безъ разрѣшенія на то совѣтскаго врача строго воспрещалось. Въ случаѣ трехдневнаго отсутствія, безъ представленія на то врачебнаго свидѣтельства, прогоняли со службы. При опаздываніи на 15 минутъ вычитали за цѣлый день. Вообще строгости были большія и выговорами тоже не стѣснялись, тѣмъ не менѣе необходимость заставляла тянуть эту лямку, такъ какъ все имущество было отнято и частью раз-

граблено, а оставшееся понемногу обмѣнивалось на крупу и муку, которыя и составляли наше главное питаніе. Первые дни послѣ допроса я была въ очень нервномъ состояніи, чему похороны моей матери тоже немало способствовали, говорятъ даже, что я сильно кричала по ночамъ, но затѣмъ впечатлѣніе это сгладилось, тѣмъ болѣе, что всѣ мои знакомые увѣряли, что разъ меня отпустили, значитъ больше и не возьмутъ, но радость моя продолжалась всего только семь недѣль и когда я получила вторичное приглашеніе явиться на допросъ, то сердце мое больно екнуло и сжалось отъ дурныхъ предчувствій, которыя на этотъ разъ меня и не обманули. За позднимъ временемъ я не успѣла сама сходить къ своимъ роднымъ и друзьямъ и написала имъ нѣсколько словъ, прося не забыть меня въ случаѣ моего ареста и помочь мнѣ присылкой продуктовъ. Живущая со мной въ одной квартирѣ телефонистка обѣщала доставить эти письма и нѣкоторыя вещицы, что она и исполнила.

Прежде, чѣмъ продолжать разсказъ объ арестѣ, прибавлю нѣсколько словъ о похоронахъ моей матери.

Покойниковъ отвозили зимою на кладбище на простыхъ дровняхъ въ одну лошадь, на которыя тоже шла запись въ Совѣтскомъ Учрежденіи. Могилы на кладбищахъ разда-

вались безплатно, но платили зато могильщикамъ за рытье могилы, а такъ какъ по случаю большой смертности работы было много, то желающіе похоронить внѣ очереди должны были истратить тысячъ 15-20 на похороны. Притомъ всюду надо было бѣгать пѣшкомъ, такъ какъ трамы ходили только по окраинамъ города. Благодаря любезному содѣйствію моихъ двухъ милыхъ родственниковъ мнѣ удалось похоронить мою мать на седьмой день послѣ ея кончины, что въ то время считалось очень быстро и всѣ похоронные расходы не превысили и пяти тысячъ рублей. Какъ я была счастлива, что благодаря добротѣ моего слѣдователя мнѣ удалось самой отдать послѣдній долгъ моей дорогой матери и какъ горько я сожалѣла объ отсутствіи своего единственнаго брата, безъ вѣсти пропавшаго изъ Одессы за годъ до этого. Прислуга моихъ квартирохозяевъ сжалилась надо мной и вмѣстѣ съ своей подругой проводила мою мать до послѣдняго мѣста ея упокоенія. Въ церкви былъ конечно ужасный холодъ, такъ какъ онѣ всю зиму не отапливались, но къ холоду этому мы уже всѣ привыкли, такъ какъ дровъ былъ всюду большой недостатокъ и квартиры большей частью превратились въ ледники. У меня по крайней мѣрѣ вода ночью замерзала, электричество почти не горѣло, водопроводы всѣ замерзли, телефоны и лифты

не дѣйствовали, швейцары и дворники были уничтожены, какъ буржуйскія замашки, и замѣнены они были самими жильцами, по очереди дежурившими на дворѣ и на улицѣ. Спать мнѣ приходилось въ байковомъ капотѣ и покрываться тремя одѣялами, а днемъ сидѣть въ шубѣ и въ теплыхъ галошахъ, но самое трудное это было утреннее вставаніе съ постели. Дровъ у меня совсѣмъ не было и получить ихъ даже по билету я не имѣла возможности, такъ какъ для этого надо было простаивать сутки въ очереди, чего я изъ-за службы дѣлать не могла. Довольно было и того, что ходить на службу приходилось конечно пѣшкомъ, а она находилась отъ меня въ часовомъ разстояніи, и такъ какъ служба моя была съ перемѣнными часами и восьмичасовая, что давало мнѣ лишній паекъ продуктовъ, — то и возвращаться домой приходилось два раза въ недѣлю въ 12 часовъ ночи и итти по совершенно пустыннымъ и неосвѣщеннымъ улицамъ. Петроградъ въ тѣ времена былъ вѣчно въ осадномъ положеніи и позднѣе 9-ти часовъ вечера никому не разрѣшалось, безъ особыхъ на то свидѣтельствъ, ходить по улицамъ. Помню, какъ жутко было мнѣ шествовать одной по пустыннымъ, совершенно неосвѣщеннымъ улицамъ, нашей прежде столь красивой, столицы, въ особенности непріятно было проходить по Садовой мимо

Сѣнной, гдѣ я всегда старалась итти по серединѣ улицы; мнѣ казалось это не столь страшнымъ, и какъ я радовалась при видѣ приближающагося фонаря автомобиля или извощика. Изрѣдка окликали меня милиціонеры, замѣнившіе прежнихъ городовыхъ, и требовали предъявленія свидѣтельства, которое по счастью у меня всегда оказывалось на лицо, но одинъ мой сослуживецъ, забывшій взять свое разрѣшеніе на право хожденія ночью, попалъ такимъ образомъ въ участокъ, гдѣ его продержали до утра, пока не выяснили его личность и служебное положеніе.

Однако, я удалилась отъ темы своего разсказа, т. е. о моемъ второмъ арестѣ. Второй допросъ былъ точной копіей перваго и держала я себя на немъ одинаково. Къ концу допроса пришелъ еще второй слѣдователь, которому первый, показавъ на меня, безцеремонно замѣтилъ: «И вотъ поцеремонился я съ ней тогда; надо было ее еще въ тотъ разъ (т. е. 27 декабря)арестовать и она давно бы была уже разстрѣляна». «Слава Богу!» — мысленно подумала я, вспомнивъ, что Ленинъ, недовольный громаднымъ количествомъ разстрѣловъ, бывшихъ въ Петроградѣ, издалъ 15 января 1920 года приказъ Зиновьеву прекратить разстрѣлы до новаго разрѣшенія, а вмѣсто этого отправлять арестованныхъ по раз-

нымъ губерніямъ въ концентраціонные лагеря.

«Зачѣмъ же меня разстрѣливать, если я въ заговорѣ не участвовала?» — резонно замѣтила я. — «Если сами и не участвовали, то все же вы о немъ знали; это намъ доподлинно извѣстно». — «А если бы и знала, что же по вашему я должна была сдѣлать?». — «Придти и заявить намъ объ этомъ». — «Ну, ужъ это извините; въ роли шпіонки и доносчицы я никогда не была и не буду», — отвѣтила я. — «Тѣмъ хуже для васъ, потому что вы своимъ молчаніемъ выказываете сочувствіе заговорщикамъ, что равносильно соучастію съ ними. Этимъ вы только усиливаете свое наказаніе, которое вы понесете не только за себя, но и за всѣхъ тѣхъ, имена которыхъ вы скрываете». — «Это мнѣ безразлично, дѣлайте со мной, что хотите, но я ничего не прибавлю къ тому, что говорила раньше», — твердо отвѣтила я, сама удивляясь, какъ стойко я выдержала весь допросъ.

— На этотъ разъ я уже васъ не выпущу, — сказалъ слѣдователь, — и посажу за рѣшетку.

При этомъ онъ позвонилъ и велѣлъ вошедшему солдату отвести меня на обыскъ, а затѣмъ посадить подъ арестъ.

— Куда же вы намѣрены меня отправить? — полюбопытствовала я на прощанье.

— Въ Архангельскую или въ Вологодскую

губернію, въ одинъ изъ лагерей, гдѣ вамъ придется поработать на большевиковъ. Да, да, поработаете, поработаете, бѣлье постираете, — злорадно прибавилъ онъ.

— Я и такъ работаю на большевиковъ, такъ какъ я служу въ одномъ изъ комиссаріатовъ, что же касается черныхъ работъ, то я на нихъ плохая работница, такъ какъ къ нимъ не привыкла, да и годы мои уже немолодые.

На этомъ мы и разстались со слѣдователемъ, съ которымъ больше и не видѣлись, потому что къ допросу меня болѣе не требовали.

Солдатъ повелъ меня по корридорамъ въ отдѣльную комнату и сдалъ на руки какой-то женщинѣ, приказавъ обыскать меня, что та и исполнила добросовѣстно съ ногъ до головы, даже волосы распустила, чтобы убѣдиться, не спрятано ли тамъ чего-нибудь, но при этомъ, конечно, отобрала все, что могла, т. е. часы на золотой цѣпочкѣ, деньги, не оставивъ мнѣ даже немного мелочи, карандаши, ножницы, перья, открытки и даже маленькое зеркальце. Единственное, что оставила она мнѣ — это мои образки на золотой цѣпочкѣ и десертную, старинную серебряную ложку, какъ то завалившуюся въ моемъ ручномъ мѣшечкѣ, но, впрочемъ, на другой же день украденную въ тюрьмѣ. На часы и деньги мнѣ выдали квитанціи съ

обѣщаніемъ вернуть ихъ при моемъ освобожденіи, но, конечно, ни того ни другого я больше никогда не видѣла. На меня въ ту минуту напала такая апатія и равнодушіе ко всему, что если бы мнѣ объявили смертный приговоръ, то я даже обрадовалась бы ему, до такой степени не сладка была моя жизнь и на волѣ, вѣчно впроголодь и въ холоду, вдали отъ близкихъ, родныхъ и друзей. Немногіе оставшіеся изъ нихъ были тоже всѣ поглощены заботами о хлѣбѣ насущномъ, другихъ интересовъ ни у кого не было. Если кому-нибудь удавалось достать лишній фунтъ хлѣба или бутылку молока или еще лучше, получить 1/4 фунта рису, 1/2 фунта керосину или 3/4 фунта мелкаго сахару, то это уже было такое счастье, которымъ каждый старался подѣлиться со своими знакомыми.

Послѣ окончанія обыска меня отвели въ другую маленькую комнату, гдѣ кромѣ стола и деревянныхъ скамеекъ ничего не было и велѣли ждать. Не прошло и десяти минутъ, какъ вошелъ опять солдатъ съ большой деревянной миской въ рукахъ и, поставивъ ее на столъ и разложивъ три ложки, велѣлъ мнѣ подождать ѣсть, такъ какъ еще двое должны придти. Несмотря на всѣ перенесенныя мною въ то знаменательное утро волненія, голодъ давалъ себя чувствовать и я жадно смотрѣла на мутную бурду, находящуюся въ мискѣ и

съ нетерпѣніемъ ждала прихода своихъ товарищей по несчастью. Видя, что они не идутъ, я рѣшилась сѣсть къ столу и попробовать такъ аппетитно кипѣвшей тюремной пищи. Она оказалась лучше той, которую мы получали въ совѣтскихъ столовыхъ, и состояла изъ густого супа съ кусочками мяса и тертаго мороженаго картофеля. Теперь я, конечно, и въ ротъ не взяла бы подобной гадости, но голодъ не свой братъ, и супъ этотъ показался мнѣ великолѣпнымъ, тѣмъ болѣе, что мяса мы на волѣ никогда не получали, и я съ жадностью уничтожила полъ чашки.

Черезъ нѣсколько времени окошечко въ двери раскрылось и раздался голосъ солдата:

— Можете кушать, они не придутъ.

Увидавъ меня уже за работой, онъ привѣтливо мнѣ улыбнулся и, пожелавъ хорошаго аппетита, снова исчезъ. Кстати прибавлю, что многіе изъ солдатъ, меня впослѣдствіи сторожившихъ, оказались очень сердечными и жалостливыми и старались, чѣмъ могли, облегчить заключеннымъ ихъ тяжелое положеніе. Справедливость требуетъ замѣтить, что у русскаго народа сердце очень доброе и отзывчивое, но вся эта революція, жажда свободы и своеобразное ея пониманіе, отсутствіе дисциплины и полное безправіе превратили ихъ въ какихъ-то дикихъ звѣрей. Просидѣла я въ той комнатѣ часа три, если не больше, никто не заходилъ ко мнѣ, кромѣ одной бабы, при-

шедшей за миской и очень удивившейся, найдя ее не пустой. Такія миски намъ давались въ Ч. К. на шесть человѣкъ.

Наконецъ появился солдатъ и пригласилъ меня слѣдовать за нимъ. Повелъ онъ меня по длиннымъ корридорамъ и по лѣстницѣ наверхъ, гдѣ въ какомъ-то чердакѣ были устроены женскія камеры. Грустно было проходить мимо парадныхъ комнатъ, превращенныхъ теперь въ канцеляріи, гдѣ я прежде бывала въ гостяхъ у одного изъ градоначальниковъ на обѣдахъ, вечерахъ и встрѣчахъ Новаго Года, а теперь пришлось сидѣть тамъ, гдѣ и прислугъ не помѣщали. Комнатъ было всего четыре, изъ нихъ три проходныхъ, но всѣ онѣ были подъ однимъ номеромъ. Всѣ онѣ имѣли очень чистый видъ, стѣны были выкрашены бѣлой клеевой краской, желѣзныя постели съ бѣлыми какъ снѣгъ соломенными тюфяками, окна съ крошечными стеклами, но безъ желѣзныхъ рѣшетокъ. Все это не производило впечатлѣнія тюрьмы. Ни подушекъ, ни одѣялъ на постеляхъ не было, покрывались мы своими пальто или шубами, а подъ голову клали, что попало. Мнѣ подушкой служила моя муфта. Насѣкомыхъ по счастью не было и горѣло электричество. Народу было тамъ немного и каждая изъ насъ могла пользоваться отдѣльной кроватью. Когда же мнѣ пришлось вторично попасть въ эту камеру черезъ

мѣсяцъ, то она до того была переполнена, что спать приходилось поперекъ двухъ постелей впятеромъ.

Тотчасъ по приходѣ въ камеру, солдатъ вызвалъ женщину - старосту и передалъ ей меня съ рукъ на руки. Во всѣхъ тюрьмахъ имѣлись тогда такія старосты, избираемыя самими заключенными изъ своей среды. На обязанности ихъ было записывать вновь пришедшихъ, устроить ихъ, заботиться о чистотѣ и порядкѣ въ камерахъ, соблюдать тишину и раздавать пищу, а по вечерамъ, во время провѣрки заключенныхъ и обхода камеръ начальствующими лицами, онѣ должны были давать отчетъ о количествѣ заключенныхъ.

Уборка камеръ лежала на обязанности заключенныхъ, при чемъ строго соблюдалась очередь, а два раза въ недѣлю мылись полы, но не запрещалось и нанимать вмѣсто себя другую, если это было кому-нибудь трудно.

Вновь пришедшихъ сейчасъ же обступали со всѣхъ сторонъ другія заключенныя, разспрашивая подробности о причинахъ ареста, о прежней жизни, положеніи и проч. Это появленіе новыхъ служило большимъ развлеченіемъ заключенныхъ. У каждой являлась потребность подѣлиться своими впечатлѣніями, горемъ, невзгодами и всѣмъ пережитымъ, тѣмъ болѣе, что въ тюрьмѣ сходятся очень быстро, всѣхъ соединяетъ общее желаніе и

жажда свободы и почти всѣ переходятъ сейчасъ же на «ты». Нѣкоторыя изъ заключенныхъ переносили свой арестъ довольно спокойно, нѣкоторыя даже совсѣмъ апатично; другія же ужасно убивались, въ особенности матери, пойманныя въ какой-нибудь засадѣ и дѣти которыхъ оставались дома безъ всякаго присмотра.

Пребываніе въ Ч. К. было обыкновенно временнымъ этапомъ, откуда отправляли арестованныхъ черезъ нѣсколько дней по разнымъ тюрьмамъ Петрограда, а затѣмъ, уже по полученіи приговора, распредѣляли несчастныхъ по разнымъ губерніямъ и городамъ въ тюрьмы или въ концентраціонные лагеря, если до этого не отправляли на тотъ свѣтъ. По утрамъ староста намъ раздавала по 1/4 фунта чернаго хлѣба, затѣмъ дежурныя приносили кувшины съ чаемъ, котораго пили безъ сахару, сколько хотѣли. Въ часъ дня былъ обѣдъ, состоящій всегда изъ того же супа, о которомъ я писала выше, съ тою разницей, что деревянныя миски давались на шесть человѣкъ и всѣ мы должны были ѣсть изъ общей миски, причемъ каждая старалась проглотить какъ можно скорѣе, чтобы хватить лишнюю ложку. Ѣда напоминала мнѣ кормленіе дикихъ звѣрей: всѣ толкались поближе къ мискѣ, всѣ голодныя и жадныя, готовыя съѣсть тройную порцію, чтобы хоть чѣмъ-нибудь наполнить

опустѣвшіе желудки. Не проходило и пяти минутъ, какъ чашки оказывались пустыми, а голодъ нашъ еще далеко не былъ утоленъ. Были и такія счастливицы, которыя три раза въ недѣлю получали отъ родныхъ передачи, какъ у насъ назывались съѣстныя посылки, но такъ какъ изъ Ч. К. ни писать, ни получать писемъ не разрѣшалось, то никто изъ моихъ друзей не зналъ о моемъ мѣстопребываніи и мнѣ пришлось остаться безъ бѣлья и продуктовъ цѣлыхъ двѣ недѣли. Въ 4 часа дежурныя заключенныя ходили подъ конвоемъ внизъ въ кухню за чаемъ, а въ 6 часовъ вечера староста раздавала еще по 1/4 фунта отвратительнаго, чернаго, всегда сухого хлѣба, послѣ чего приносили ужинъ, состоящій большею частью изъ того же супа, иногда изъ маленькой сушеной воблы. Забыла прибавить, что при полученіи посылокъ онѣ тщательно осматривались старостой и отдавались заключеннымъ полностью, отбирались только карандаши, перья, бумага и открытки.

Въ мужскихъ же камерахъ все шло въ общую передачу. Конечно каждая заключенная старалась подѣлиться съ другими, чѣмъ могла; это были наши праздники въ тюрьмѣ, когда получались передачи, въ особенности были рады черному хлѣбу, который составлялъ самое сытное питаніе на наши голодные желудки.

Караулило насъ постоянно двое солдатъ, которые сидѣли съ винтовками въ маленькой передней при камерѣ днемъ и ночью и на обязанности которыхъ лежало также сопровождать насъ до уборной, находящейся въ среднемъ этажѣ; причемъ набиралась всегда партія въ пять человѣкъ. Съ одной заключенной они никогда не ходили, даже и ночью приходилось всѣхъ будить криками: «Въ уборную, въ уборную», чтобы набрать требуемое число лицъ.

Я удивлялась способности человѣческой натуры быстро осваиваться со всякимъ положеніемъ. Казалось бы, такъ ужасно сидѣть въ тюрьмѣ, да еще невинно, какъ большинство изъ насъ, въ полной неизвѣстности объ ожидаемой участи, а тѣмъ не менѣе нѣкоторыя были очень веселы, распѣвали романсы и даже устраивали импровизированные концерты.

Во время моего трехдневнаго пребыванія въ Ч. К. вспомнились мнѣ разсказы моей покойной матери, просидѣвшей тамъ, какъ я выше сказала, три недѣли, объ ея шестидневномъ пребываніи въ общей камерѣ съ мужчинами, которые курили ужасно и гдѣ кромѣ деревянныхъ скамеекъ со спинками никакой мебели не было. Въ тюрьмѣ вообще очень распространено куреніе, не только среди мужчинъ, но даже и среди женщинъ, а такъ какъ за неимѣніемъ хорошихъ папиросъ курили

большей частью простую махорку, то можно себѣ представить, какой воздухъ былъ въ камерахъ. Моя мать, никогда не выносившая запаха даже и хорошаго табаку, умоляла перевести ее въ женскую камеру, что и было исполнено только на седьмой день послѣ ея прихода и попала она въ ту же камеру, гдѣ я сидѣла ровно черезъ четыре мѣсяца послѣ нея. По странной случайности судьбы встрѣтилась она тамъ съ той барышней, съ которой я жила въ одной квартирѣ. Она была выбрана тамъ старостой и старалась, чѣмъ могла, улучшить положеніе моей матери, отлично ухаживая за ней. Къ сожалѣнію, черезъ нѣсколько дней старосту эту вмѣстѣ съ другими отправили въ тюрьму на Шпалерную, куда также хотѣли отправить мою мать, несмотря на ея протесты, больныя ноги и нервное трясеніе головы. Ее почти насильно вывели на дворъ и поставили въ ряды отправляемыхъ и только тутъ, убѣдившись наконецъ въ ея дѣйствительно полной невозможности пройти пѣшкомъ такое разстояніе, начальство разрѣшило ей остаться въ Ч. К. на Гороховой. Къ допросу за все время ее потребовали всего только одинъ разъ. Всѣ эти подробности я узнала, конечно, гораздо позднѣе, въ декабрѣ, уже послѣ ея освобожденія. Сама же въ то время очень мучилась полной неизвѣстностью объ ея участи и невозможностью ей помочь по-

сылкой продуктовъ, такъ какъ тоже была арестована домашнимъ арестомъ. Когда ее увели отъ меня 13 ноября 1919 года, то солдаты увѣряли, что сейчасъ сдѣлаютъ ей допросъ, а затѣмъ отпустятъ, такъ какъ такихъ старыхъ у нихъ не держатъ. Моей матери шелъ уже 75-ый годъ и я надѣялась, что, изъ уваженія къ ея почтеннымъ годамъ и полной непричастности къ заговорамъ, ее не арестуютъ, но какъ видно всего этого было недостаточно и ей, бѣднижкѣ, пришлось отдать дань большевикамъ только потому, что въ засадахъ никого не щадили. Стоило кому-нибудь быть въ чемъ нибудь заподозрѣннымъ, какъ сейчасъ же устраивались тщательные обыски, арестовывали намѣченныхъ жертвъ и уводили ихъ въ Ч. К., остальныхъ живущихъ въ квартирѣ оставили подъ домашнимъ арестомъ безъ права выхода и командировали двухъ солдатъ, конечно съ винтовками и револьверами, обязанныхъ сидѣть при входныхъ дверяхъ и ловить при первомъ звонкѣ всѣхъ входящихъ, не разбирая, кто и что онъ. Такимъ образомъ, попадалась масса невинныхъ людей, которыхъ потомъ держали по нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмахъ, а нѣкоторыхъ даже разстрѣливали. Справедливость требуетъ отмѣтить доброту нѣкоторыхъ солдатъ, которые, сжалившись на усиленныя просьбы невинно пойманныхъ, отпускали ихъ на свободу за свой страхъ,

такъ какъ сами они рисковали за это не только арестомъ, но даже и жизнью. Къ сожалѣнію, мать моя попала какъ разъ въ руки совершенно противоположныя, такъ какъ оба солдата, дежурившіе въ эти сутки, были очень молодые, ужасно нахальные, грубые, старавшіеся передъ своимъ начальствомъ. Караулили они насъ по-смѣнно ровно сутки, считая съ 12 часовъ дня, и приносили намъ ежедневно по 1/2 фунта черного хлѣба, по куску сахара и по 1/8 фунта кофе - суррогата на насъ пятерыхъ. Такъ какъ выходить намъ всѣмъ было запрещено, то дворничихѣ нашего дома разрѣшено было приносить намъ обѣдъ изъ совѣтской столовой, выдаваемый по карточкамъ, а также покупать намъ необходимые продукты, состоящіе большею частью изъ ржи, овса и пшеной крупы, изъ которыхъ мы варили себѣ кашу и дѣлали лепешки. Конвоиры наши, кромѣ 2 фунтовъ хлѣба на сутки, ничего себѣ не приносили и приходилось еще дѣлиться съ ними тѣмъ немногимъ, что мы имѣли, чтобы расположить ихъ въ нашу пользу. Три раза въ день затапливалась плита и всѣ мы, въ томъ числѣ и солдаты, водворялись въ кухню, чтобы хоть немного отогрѣть закоченѣлыя руки и ноги и побесѣдовать объ ожидающей насъ участи. Это были самыя пріятныя минуты дня, потому что въ комнатахъ нашихъ былъ холодъ ужасный, а

вдобавокъ по вечерамъ электричество горѣло очень рѣдко да и то не болѣе 2-хъ часовъ и въ большинствѣ случаевъ приходилось довольствоваться крошечными керосиновыми ночниками, при которыхъ не только нельзя было работать или читать, но еле-еле можно было видѣть то, что кладешь въ ротъ. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ я въ это время страдала ужасными нарывами на пальцахъ, вслѣдствіе развивашагося худосочія отъ дурного питанія. Нарывы эти мѣшали мнѣ заняться какимъ бы то ни было дѣломъ и причинили мнѣ ужасныя страданія, въ особенности одинъ изъ нихъ, нарывавшій у самаго ногтя. Видя, что онъ никакъ не можетъ прорваться и опасаясь зараженія крови, я рѣшила написать начальнику Ч. К., прося его разрѣшить мнѣ сходить къ доктору, хотя бы подъ конвоемъ, чтобы показать свой палецъ, но просьба моя такъ и осталась безъ отвѣта. Тогда я рѣшилась сама произвести себѣ операцію и проколоть этотъ злосчастный нарывъ иголкой, предварительно прожженой черезъ огонь. Не взирая на страшную боль, которую я себѣ причинила, я совершила эту операцію столь удачно, что избѣжала зараженія крови, хотя ноготь все-таки и сошелъ.

Видя, что мы всѣ люди тихіе и никакихъ поползновеній къ бѣгству не дѣлаемъ, намъ скоро начали присылать только по одному

солдату, вмѣсто двухъ. Спали они въ комнатѣ и на постелѣ моей арестованной знакомой и нѣкоторые изъ нихъ вмѣсто того, чтобы охранять ея вещи, половину изъ нихъ раскрали. За все время нашего домашняго ареста, т. е. за три недѣли, у насъ было схвачено 17 человѣкъ, которые сейчасъ же по снятiи солдатами краткаго допроса препровождались въ Ч. К., для каковой цѣли по телефону вытребовывался другой солдатъ, немедленно уводившiй несчастную жертву. Хотя никакихъ сообщенiй съ внѣшнимъ мiромъ у насъ и не было, но все же знакомые какъ-то всѣ узнали о нашей засадѣ и перестали къ намъ ходить. Наконецъ, послѣ томительнаго ожиданiя насталъ счастливый день нашего освобожденiя. Боже, какая это была радость и общее ликованiе, когда, 1-аго Декабря вечеромъ, пришелъ спецiально посланный изъ Ч. К. солдатъ и объявилъ намъ, что засада у насъ снята и что мы всѣ свободны. Какъ далека я была тогда отъ мысли, что это только цвѣточки моей грустной эпопеи, ея прологъ, а ягодки предстоятъ всѣ въ будущемъ. Сидѣть у себя дома все же несравненно прiятнѣе, чѣмъ въ тюрьмѣ, хотя неизвѣстность объ участи моей матери очень отравляла мнѣ мое существованiе, а потому, немедленно по моемъ освобожденiи, я поторопилась узнать о ней. Оказалось, что ее освободили въ одинъ день съ нами утромъ и она отправилась въ

ту больницу для неизлѣчимыхъ, куда мнѣ удалось ее устроить за два мѣсяца до этого. Къ сожалѣнію больницу эту почему-то уничтожили и всѣхъ въ ней находящихся распредѣлили по городскимъ больницамъ, гдѣ условія были столь отвратительны, что мнѣ пришлось черезъ недѣлю взять мою мать къ себѣ въ комнату, но, какъ я выше писала, прожила она послѣ всего этого только 25 дней. Должна еще прибавить, что за годъ до этого моя мать, отлично устроенная во Вдовьемъ Домѣ*) и имѣя тамъ прекрасную комнату съ полнымъ пансіономъ, была вмѣстѣ съ другими старушками выгнана оттуда большевиками въ трехдневный срокъ безъ права даже взять съ собой принадлежавшую ей комнатную обстановку. Единственно, что позволили увезти — это сундуки съ платьемъ и съ бѣльемъ. Правительство находило, вѣроятно, что Вдовій Домъ это буржуйское учрежденіе, что старушкамъ такой роскоши не нужно и что чѣмъ скорѣе онѣ перемрутъ, тѣмъ лучше. И дѣйствительно оно достигло своей цѣли, такъ какъ отъ отвратительныхъ условій, въ которыхъ потомъ находились бѣдныя старушки, онѣ умирали какъ мухи.**)

---

*) Она внесла неприкосновенный капиталъ въ Опекунскій Совѣтъ и тѣмъ пріобрѣла себѣ комнату въ собственность.

**) Вдовій Домъ помѣщался въ одномъ изъ красивѣйшихъ и старинныхъ зданій Петербурга, постройки

Однако возвращаюсь къ разсказу о моемъ пребыванiи въ Ч. К. На 4-ый день, т. е. 17 февраля, мнѣ объявили о моей отправкѣ въ тюрьму. Сердце мое больно сжалось отъ полной неизвѣстности своей будущей судьбы и продолжительности заключенiя. Разстрѣла я пока не боялась, зная, что они временно запрещены, но на долго ли...? Въ три часа пополудни всѣхъ отправляемыхъ отвели подъ конвоемъ во дворъ, гдѣ уже были собраны и другiе заключенные, какъ мужчины, такъ и женщины. Сдѣлали перекличку, провѣривъ всѣхъ по списку и поставивъ въ ряды какъ солдатъ, отправили подъ усиленнымъ конвоемъ на Шпалерную въ тюрьму, бывшую прежде Домомъ Предварительнаго Заключенiя и отстоящую въ часовомъ разстоянiи ходьбы отъ Ч.К. Шли конечно очень быстро и по серединѣ улицы и, хотя у меня въ то время никакой ноши съ собой не было, но я еле поспѣвала за другими и умоляла конвоировъ уменьшить немного ходъ впереди идущихъ. Солдаты вначалѣ усиленно покрикивали и подгоняли меня, но, видя, что я дѣйствительно не въ силахъ бѣжать такъ быстро, сдались на мои просьбы и пошли тише.

извѣстнаго Растрелли, и огибалъ чудный Смольный соборъ, построенный тѣмъ же Растрелли.

Кромѣ того, онъ примыкалъ къ знаменитому Смольному (т. е. институту), гдѣ съ лѣта 1917 года Совѣтъ рабочихъ, иначе говоря большевики, устроили свою главную квартиру.

Помню, какъ дико было итти по улицѣ при такой обстановкѣ въ роли преступницы, какъ жалостливо смотрѣли на насъ прохожіе, громко выражая свое соболѣзнованіе и какъ грубо прогоняли ихъ солдаты, грозясь въ случаѣ неповиновенія выстрѣлить изъ винтовки. Партія наша состояла изъ сотни человѣкъ, изъ которыхъ большая часть была людьми интеллигентными. Прежде мы привыкли видѣть въ арестованныхъ настоящихъ мошенниковъ и преступниковъ, теперь же наоборотъ: всѣ преступники были выпущены изъ тюремъ, а на ихъ мѣсто посажены большей частью честные, ни въ чемъ неповинные люди, вся вина которыхъ состояла въ томъ, что они имѣли несчастіе родиться дворянами. Наконецъ въ 5 часовъ мы дошли до мѣста нашего заключенія и, когда насъ впустили въ ворота тюрьмы, то я почувствовала, какъ ноги и руки мои похолодѣли и какъ холодный потъ выступилъ у меня на лбу. Долго насъ держали еще на дворѣ, гдѣ опять всѣхъ провѣрили и перекликали, затѣмъ ввели во внутрь зданія, еще разъ тщательно обыскали и отняли, что могли. У меня взяли оставшіеся отъ прежняго обыска 80 рублей, на которые я опять получила квитанцію, но конечно эти деньги, какъ и предыдущіе, канули въ вѣчность. Передъ распредѣленіемъ по камерамъ насъ отправили въ баню, чтобы мы не занесли въ тюрьму какой-нибудь заразы.

Въ баню разрѣшалось ходить часто и хотя

она была крошечная и паръ въ ней стоялъ такой, что ни зги не было видно, тѣмъ не менѣе вымыться было пріятно. Въ раздѣвальной же такъ текло съ потолка, что бѣлье и платье приходилось надѣвать совершенно мокрыми.

Послѣ бани насъ распредѣлили по камерамъ, причемъ я попала въ третій этажъ и къ счастью въ общую камеру. Говорю «къ счастью», потому что въ одиночкѣ, мнѣ кажется, я съ ума бы сошла; туда сажали скорѣе большихъ преступницъ (а слѣдовательно меня за таковую не считали), которыя просиживали тамъ по нѣсколько мѣсяцевъ въ ожиданіи своего приговора, большей частью состоявшаго изъ разстрѣла. Камера была со сводами, довольно большая на 13 кроватей, но при мнѣ насъ было 19 заключенныхъ. Въ каждомъ этажѣ было по три такихъ камеръ, и каждая изъ нихъ выходила на общую галлерею, причемъ во второмъ этажѣ эта галлерея была чрезвычайно широка, у насъ же состояла изъ узкаго балкончика, на которомъ еле можно было пройти вдвоемъ. Камера моя произвела на меня удручающее впечатлѣніе, какъ своими толстыми желѣзными рѣшетками на дверяхъ и на окнахъ, такъ и массою желтыхъ таракановъ, милліардами висѣвшихъ съ потолка. Одно было утѣшеніе,это чувствовать себя въ теплотѣ и видѣть электрическое освѣщеніе, чего я совершенно была лишена на свободѣ, какъ я о томъ и упоминала выше. По странной случайности

староста моей камеры оказалась женою моего бывшаго товарища дѣтства, съ которымъ мы часто танцовали на вечерахъ. Она сразу взяла меня подъ свое покровительство и старалась, чѣмъ могла, усладить мое пребываніе въ тюрьмѣ. Получая сама чудныя съѣстныя посылки изъ дому, она удѣляла изъ нихъ кое-что и на мою долю и кромѣ того отдавала мнѣ свои порціи обѣда и ужина, которыми она не пользовалась. Обѣды эти и ужины состояли изъ совершенно водяной жидкости, въ которой изрѣдка плавала кожа гнилого картофеля или листокъ капусты, но мяса никогда въ ней не находилось. Отъ голода я наполняла желудокъ этими жидкостями; по утрамъ давали чай очень невкусный съ плавающимъ сверху жиромъ, такъ какъ деревянныя кадки, въ которыхъ его приносили, были тѣ же, какъ и для обѣда и видимо никто не заботился объ ихъ чистотѣ.

Спать мнѣ пришлось на асфальтовомъ полу, на грязномъ тюфякѣ, около входныхъ дверей вмѣстѣ съ другими пятью заключенными, на которыхъ постелей не хватило. Тюфяковъ же всего было пять на шесть человѣкъ. Постели получались по очереди, по мѣрѣ ухода заключенныхъ пользующихся ими, но мнѣ такъ и не пришлось ее дождаться, такъ какъ были еще прежнія кандидатки. Кровати были желѣзныя, прикрѣпленныя прямо къ стѣнѣ и

подвимающіяся кверху; вмѣсто тюфяка была натянута толстая парусина, на которой спать было все же несравненно лучше, нежели на отвратительномъ грязномъ тюфякѣ на полу, но уступить мнѣ постели никто не согласился, не смотря на просьбы и уговоры нашей старосты, а такъ какъ составъ моей камеры былъ большей частью не интеллигентный, то простымъ бабамъ было очень лестно лежать на постеляхъ, въ то время, какъ «барыня» (какъ онѣ меня называли) валялась на полу. Передачи онѣ получали громадныя, такъ какъ большая часть изъ нихъ состояла изъ спекулянтокъ, т. е. занимались тайной продажей продуктовъ, что въ то время было самымъ выгоднымъ занятіемъ. Были также, какъ и я, нѣсколько политическихъ, ни въ чемъ не повинныхъ страдалицъ, посаженныхъ за исчезнувшихъ мужей, братьевъ или сыновей.

Самое отвратительное воспоминаніе за все время моего 18-ти мѣсячнаго заключенія я сохранила именно отъ Шпалерной. Такой грязи, массы разныхъ насѣкомыхъ и омерзительной ѣды мнѣ не пришлось видѣть и испытать въ другихъ мѣстахъ. Правда, позднѣе въ лагерѣ меня заѣдали клопы, но зато ѣда и жизненныя условія тамъ были несравненно лучше. Здѣсь же кромѣ таракановъ, такъ и падавшихъ на насъ ночью и больно кусавшихъ, была еще бездна вшей, до того меня заѣвшихъ,

что у меня сдѣлалась чесотка на всемъ тѣлѣ, своимъ ужаснымъ зудомъ не дававшая мнѣ покою ни днемъ ни ночью. Кромѣ того, къ довершенію всѣхъ бѣдъ, у меня сдѣлался фурункулъ на лѣвомъ боку, изъ-за котораго я была лишена возможности посѣщать баню, что очень помогало другимъ отъ зуда. Въ камерѣ нашей былъ водопроводъ для мытья съ большой раковиной и тутъ же за занавѣской помѣщалась уборная, тоже съ водопроводомъ, и хотя окно мы открывали часто, тѣмъ не менѣе временами въ камерѣ воздухъ былъ ужасный. Мнѣ разсказывали, что зимою въ этой камерѣ количество заключенныхъ доходило до 43 человѣкъ и тогда приходилось спать не только на полу, но и на столахъ, которые стояли по серединѣ комнаты, окруженные простыми деревянными скамейками, безъ спинокъ. Утромъ я должна была вставать въ 6 съ половиной часовъ утра, чтобы убирать тюфяки, такъ какъ нельзя было открыть дверей, а всѣ старосты должны были итти по звонку въ 7 часовъ утра за полученіемъ нашихъ дневныхъ продуктовъ, состоявшихъ изъ полъ фунта отвратительнаго черстваго хлѣба и одной чайной ложки мелкаго сахара. По моему болѣе трехъ восьмыхъ фун. въ нашихъ кускахъ не было, очень ужъ они были маленькіе. Нѣкоторые съѣдали сразу весь кусокъ и затѣмъ весь день сидѣли на одной жидкой пищѣ, я же старалась всегда

раздѣлить его на части, чтобы хватило понемногу на весь день. Чай приносили въ 7 съ пол. часовъ утра, обѣдъ былъ очень неаккуратенъ, когда въ 12 часовъ, а когда и до половины второго морили голодомъ, ужинъ былъ въ 6 часовъ вечера, днемъ чаю не полагалось и даже кипятку рѣдко можно было достать, чтобы заварить самимъ чай или кофе, у кого они были. Никакихъ продуктовъ покупать мы не имѣли возможности и надо было ждать дней передачъ, т. е. понедѣльника и пятницы, — наши журфиксы, какъ я ихъ называла. Въ эти дни настроеніе у всѣхъ было приподнятое, ввиду ожиданія получки чего-нибудь съѣстного и какое это было горькое разочарованіе, если ничего не получалось.

Передачи принимались съ 10 до 4 часовъ. Всюду была суматоха, такъ какъ приносились онѣ въ средній этажъ, гдѣ дежурныя старосты ихъ принимали, пересматривали и одну треть получаемаго отбирали въ общую передачу, т. е. для тѣхъ заключенныхъ, которыя ни откуда посылокъ не получали. Помню, какъ и мнѣ первое время, пока я ничего не получала, перепадало кое-что изъ этихъ посылокъ, но лучшія вещи шли на надзирателей, надзирательницъ и на нашихъ прачекъ. Съ какой завистью я смотрѣла въ началѣ на тѣхъ, которыя получали вкусную ѣду, и даже уходила изъ камеры, чтобы не видѣть, какъ другія

ѣдять и тутъ только я поняла, что значитъ чувство настоящаго голода. Пришлось мнѣ ждать этихъ посылокъ цѣлыхъ двѣ недѣли послѣ моего ареста, потому что въ тюрьмѣ разрѣшилось писать два раза въ недѣлю и то только по одной открыткѣ сразу, а такъ какъ письма всѣ шли черезъ цензуру, которая видимо не торопилась ихъ читать, то и ждать приходилось долго. Съ отправляемой два раза въ недѣлю пустой посудой мы имѣли право написать нѣсколько словъ съ просьбой о присылкѣ необходимыхъ вещей и бѣлья, а также получать списки присылаемаго намъ съ припиской: «Жива и здорова». Длинныхъ списковъ и писемъ ни получать ни посылать не разрѣшалось; ихъ просто рвали. Помню, съ какимъ нервнымъ нетерпѣнiемъ я въ дни передачъ стояла на своей галлереѣ и ожидала вызова меня внизъ. Въ эти дни и прогулки по двору отмѣнялись, въ остальные же дни намъ разрѣшалась въ извѣстные часы прогулка на 20 минутъ по двору, гдѣ мы, какъ въ циркѣ, вертѣлись на кругу, но и это было уже нѣкоторымъ развлеченiемъ, котораго мы ждали съ большимъ нетерпѣнiемъ, тѣмъ болѣе,что намъ разрѣшалось разговаривать съ заключенными изъ другихъ камеръ, но конечно только съ женщинами, такъ какъ мужчины и одиночные гуляли въ другiе часы. На дворѣ я встрѣтилась съ нѣкоторыми моими знакомыми, между про-

чимъ съ моей большой прiятельницей, которая и разсказала мнѣ подробности ареста ея матери и всей ихъ семьи. Иногда насъ заставляли носить внизъ наши тюфяки, чтобы ихъ хорошенько выколотить и вывѣтрить на снѣгу, послѣ чего надо было ихъ тащить обратно въ 3-iй этажъ, что для меня, очень въ то время изнуренной, было дѣломъ далеко не легкимъ. Въ остальное время дня мы могли гулять по нашей узенькой галлереѣ и заниматься чѣмъ хотѣли, (т.е. чтенiемъ или работой, но на меня напала такая апатiя и я чувствовала такую страшную усталость и слабость, что дѣлать буквально ничего не могла. Раннее вставанiе и безконечное сидѣнiе около стола на скамейкѣ было очень утомительно, но свѣтъ не безъ добрыхъ людей и въ тюрьмѣ они тоже имѣлись и даже въ большемъ количествѣ.

Надо мною сжалилась одна изъ заключенныхъ моей камеры — молоденькая, хорошенькая эстонка, которая днемъ уступала мнѣ для отдыха свою постель, что было для меня большимъ подспорьемъ. Впослѣдствiи мнѣ еще пришлось съ ней встрѣтиться въ Москвѣ, въ лагерѣ, и отношенiя наши продолжали быть прекрасными, пока она черезъ годъ не была отправлена на свою родину.

Задолго передъ обѣдомъ и ужиномъ мы выстраивались вереницами въ корридорѣ для полученiя своей порцiи, причемъ всѣ три ка-

меры строго соблюдали свои очереди и та камера, которая получала обѣдъ первой, на другой день подходила послѣдней. Дежурная по камерѣ получала двойную порцію. Дежурили всѣ по очереди по одному дню; на обязанности дежурной лежало мести камеру и открывать окна, а два раза въ недѣлю мылись полы, но по счастью на мою долю такого дня не выпало, зато мела я камеру тщательно разъ шесть. Спала я конечно не раздѣваясь (полъ былъ холодный), безъ подушки и безъ простыни, такъ какъ кромѣ одѣяла намъ ничего не давалось. Спина у меня болѣла ужасно отъ жесткаго ложа и просыпалась я ежеминутно отъ массы заѣдавшихъ меня насѣкомыхъ. Лежавшія же на постеляхъ имѣли то преимущество, что спать могли цѣлый день, да и вставать имъ къ утреннему чаю было необязательно. При тюрьмѣ находился и лазаретъ, куда въ опредѣленные часы староста насъ отводила и гдѣ и мнѣ пришлось бывать нѣсколько разъ для перевязокъ моего фурункула.

Около 9-ти часовъ вечера всѣ заключенныя должны были находиться на своихъ мѣстахъ, такъ какъ въ это время происходила провѣрка всѣхъ арестованныхъ самимъ начальникомъ тюрьмы въ сопровожденіи нѣсколькихъ конвоировъ. Въ 9 часовъ вечера двери камеръ закрывались на замокъ на всю ночь, а въ 11 часовъ всѣ огни въ камерахъ

должны были быть потушенными. Въ каждомъ этажѣ днемъ и ночью дежурили посмѣнно тюремныя надзирательницы, на обязанности которыхъ лежало слѣдить за порядкомъ, чистотой и тишиной въ камерахъ. Прибавлю кстати, что при полученіи передачъ всѣ старались ими дѣлиться съ надзирательницами, не взирая на то, что онѣ уже получали лакомые кусочки изъ общей передачи, надѣясь этимъ расположить ихъ въ свою пользу.

Во время моего трехнедѣльнаго пребыванія въ тюрьмѣ была однажды произведена капитальная чистка всѣхъ камеръ для уничтоженія таракановъ, которые дѣйствительно при мнѣ больше не появлялись, но вшей, къ сожалѣнію, уничтожить не удалось. Насъ со всѣмъ нашимъ скарбомъ переселили на цѣлый день въ какую-то проходную комнату, находившуюся около одиночныхъ камеръ.

Въ тюремную церковь насъ не водили, такъ какъ службы тамъ не было, исключая одинъ разъ на Рождествѣ, но староста наша, какъ женщина религіозная, читала намъ утромъ и вечеромъ молитвы и Евангеліе, что служило большимъ утѣшеніемъ для вѣрующихъ. Нежелающія присутствовать на молитвѣ могли уходить въ другія камеры, изъ которыхъ многія тоже приходили къ намъ. До этого мы съ своей галлереи смотрѣли на широкую нижнюю, гдѣ по вечерамъ происходила ловля

такъ насъ заѣдавшихъ насѣкомыхъ, причемъ многія не стѣсняясь снимали съ себя всю одежду.

Помню, какъ я была счастлива, когда послѣ двухъ недѣль ужасной голодовки я получила наконецъ первую передачу, состоявшую изъ ѣды и бѣлья. Вѣдь за все время я не имѣла возможности смѣнить бѣлья и одна женщина предложила мнѣ однажды выстирать въ банѣ мою единственную рубашку, которую тутъ же въ камерѣ и высушила. Конечно, о глаженіи не могло быть и рѣчи, платки же носовые мы стирали часто и затѣмъ мокрыми приклеивали ихъ къ стѣнѣ, выкрашенной масляной краской, послѣ чего они высыхали и имѣли совершенно видъ глаженныхъ. Для чтенія мы получали книги изъ тюремной библіотеки, но у меня какъ-то ничего въ голову не лѣзло, и я даже не помню, что именно я тамъ читала, такое подавленное и удрученное настроеніе у меня было тогда изъ-за неизвѣстности объ ожидающей меня участи.

Между тѣмъ, въ тюрьмѣ, какъ и всюду, жизнь текла своимъ чередомъ: ссорились, сплетничали другъ на друга, завидовали тѣмъ, кто больше получалъ изъ дому, разсказывали по утрамъ видѣнные сны, гадали потихоньку на картахъ (послѣднія были строго запрещены), сочиняли стихотворенія и даже цѣлыя поэмы. До меня даже устраивали концертъ. Но

главнымъ образомъ, всѣ жаждали своего освобожденія и заранѣе высчитывали дни революціонныхъ праздниковъ, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ надѣясь на амнистію, но при мнѣ ни разу такой амнистіи не было. Зато какое было ликованіе, если кого-нибудь вызывали «на свободу». Радость освобождаемой была неописуема, а зависть и горе остальныхъ ужасныя. При выходѣ освобождаемой изъ камеры ее вымѣтали метлой, чтобы и другія ушли поскорѣе. На сборы уходящихъ полагалось не болѣе 10-15 минутъ, и тутъ каждая заключенная старалась принести свою посильную помощь для укладки вещей; не обходилось иногда и безъ присвоенія себѣ чужой собственности. Но уходъ изъ тюрьмы прямо «на волю» былъ дѣломъ рѣдкимъ, чаще посылали въ Ч. К. для отправки въ Москву или въ другіе города, прямо на Николаевскій вокзалъ, въ разныя губерніи, большей частью въ Вологодскую. Если заключенные имѣли возможность во-время предупредить родныхъ или знакомыхъ, то послѣднимъ разрѣшалось проводить отправляемыхъ по улицѣ отъ тюрьмы до вокзала, но, конечно, вмѣстѣ съ конвоирами.

Я попала въ тюрьму еще счастливо, въ то время, когда разстрѣлы были отмѣнены, а до меня происходили, по словамъ очевидцевъ, душу раздирающія сцены прощаній, когда

приговоренныхъ уводили изъ камеръ «безъ вещей» и заставляли предварительно подписать свой смертный приговоръ. Судъ надъ заключенными происходитъ всегда заочный. Несчастныхъ жертвъ увозили обыкновенно ночью цѣлыми партіями на грузовикахъ, въ которые ихъ бросали какъ дрова, не позволяя дорогой даже поднимать головы, за что били ихъ прикладами. Возили куда-то на Пороховые заводы, раздѣвали до-гола и заставляли бѣжать по морозу съ версту къ приготовленной заранѣе могилѣ, при приближеніи къ которой ихъ разстрѣливали въ спину, и бросали прямо въ яму, не давая себѣ даже труда посмотрѣть всѣ ли были убиты. Говорятъ, что нѣкоторые замерзали по дорогѣ, не добѣжавъ до могилы, а другихъ закапывали полуживыми. При мнѣ одинъ только разъ увели партію приговоренныхъ къ разстрѣлу, но это были не политическіе, а фальшивомонетчики. Хотя начальство и старалось всегда тщательно скрыть подобныя вещи отъ заключенныхъ, но, неизвѣстно какимъ образомъ, слухи о разстрѣлахъ проникали во всѣ тайники тюрьмы и мы всю ночь не могли сомкнуть глазъ, карауля у окна, чтобы видѣть или слышать, когда ихъ увезутъ. Окна было строжайше запрещено открывать, но мы все же ихъ пріоткрывали, такъ какъ изъ-за темноты ничего видно не было. Огня, конечно, не зажигали и притаивъ дыха-

ніе ожидали минуты, когда выведутъ приговоренныхъ. Наконецъ, въ часа три утра, послышался шумъ въѣхавшаго грузовика и громкій голосъ надзирателя, распоряжавшагося привести заключенныхъ. Затѣмъ мы услышали звонъ цѣпей, ругань конвойныхъ, брань, суматоху и громкіе голоса приговоренныхъ, кричавшихъ намъ: «Прощайте, товарищи!» при чемъ особенно выдѣлялся одинъ женскій визгливый голосъ. И дѣйствительно, какъ мы позднѣе узнали, среди нихъ была одна женщина и всѣ они въ ту же ночь были разстрѣляны. Всю ночь я тряслась какъ въ лихорадкѣ, морозъ пробѣгалъ по тѣлу, зубъ на зубъ не попадалъ и долго я не могла еще заснуть и успокоиться, представляя себѣ, что и меня можетъ постичь та же участь.

Черезъ двѣ недѣли по моемъ прибытіи въ тюрьму меня позвала надзирательница моего этажа и вручила мнѣ мой приговоръ, по которому я обвинялась въ участіи и въ организаціи бѣлогвардейскаго заговора и приговаривалась къ заточенію въ концентраціонный лагерь до окончанія гражданской войны.

Такъ какъ суды были заочные, то произволъ тамъ царилъ ужасный и судьи дѣлали, что хотѣли. Защиты и помощи ждать было неоткуда. Чувствуя всю несправедливость взводимыхъ на меня обвиненій, я, обливаясь слезами, росписалась въ книгѣ о полученіи

своего приговора и съ трепетомъ сердечнымъ начала ожидать дальнѣйшихъ распоряженій на счетъ своей отправки. Пользуясь разрѣшеніемъ видѣть своихъ родныхъ, я, по полученіи приговора, поторопилась написать своей единственной родственницѣ, старушкѣ теткѣ, прося ее придти ко мнѣ и принести немного денегъ на дорогу, такъ какъ намъ разрѣшалось брать съ собой до одной тысячи рублей. Свиданія эти происходили внизу въ канцеляріи и, конечно, въ присутствіи должностныхъ лицъ. Къ сожалѣнію, тетя моя не успѣла вовремя получить моего письма и мнѣ такъ и не удалось повидаться съ ней передъ своимъ отъѣздомъ и получить отъ нея денегъ, потому что черезъ три дня послѣ полученія приговора я была уже отправлена въ Ч. К. За день до этого я была помѣщена въ списокъ отправляемыхъ въ Вологду, но потомъ, почему-то, меня изъ него вычеркнули. Когда мнѣ объявили собираться съ вещами въ Ч. К., то это меня такъ испугало, что у меня сдѣлался нервный припадокъ, отъ котораго я долго не могла успокоиться. Мнѣ почему-то представлялось, что меня требуютъ для разстрѣла, но такъ какъ время терять было нельзя, то нѣсколько моихъ товарокъ наскоро приступили къ укладкѣ моихъ вещей, утѣшая меня тѣмъ,

что бояться мнѣ нечего, такъ какъ въ Ч. К. изъ тюрьмы посылаютъ обыкновенно болѣе опасныхъ контръ-революціонеровъ, назначенныхъ къ отправкѣ въ Москву. Повидимому, и меня причислили къ ихъ числу. И дѣйствительно, какъ я потомъ узнала въ лагерѣ, я была отправлена въ числѣ заложницъ за буржуазію и, въ случаѣ разстрѣла большевиковъ бѣлогвардейцами и буржуями, мы отвѣчали своими головами. Въ то время гражданская война была въ полномъ разгарѣ, съ Деникинымъ, Врангелемъ и др. во главѣ, и конца ей не предвидѣлось.

Вся моя камера трогательно простилась со мной и я поскорѣе вышла. Послѣ обычныхъ процедуръ обысковъ, переписей и пр. формальностей, мы направились въ Ч. К. Партія наша состояла на этотъ разъ изъ 12 человѣкъ мужчинъ и женщинъ, но итти было несравненно труднѣе, потому что снѣгъ началъ таять, ноги то проваливались, то скользили. Кромѣ того, прибавились вещи, которыхъ у меня набралось цѣлыхъ три, изъ нихъ двѣ, связавъ полотенцемъ вмѣстѣ, я несла черезъ плечо, а третью въ рукѣ. Не имѣя привычки носить не только мѣшка, но и какія бы то ни было тяжести, у меня невыносимо ломило плечо и спину, колѣни такъ и подкашивались и слезы неудержимо текли изъ глазъ. Тутъ я вспомнила нашего Христа Спасителя, Самаго несшаго

Свой Крестъ на Голгоөу и никогда не роптавшаго, и мнѣ стало стыдно за свое малодушіе и недостатокъ терпѣнія. «Какое же право», — думала я, — «имѣю я, грѣшная, жаловаться на свою судьбу, если Онъ, нашъ Господь, Безгрѣшный, шелъ безропотно на Свои страданія. Значитъ, такъ Богу угодно послать мнѣ подобное испытаніе во искупленіе моихъ грѣховъ и я должна перенести все съ терпѣніемъ, смиреніемъ и кротостью, надѣясь на великое милосердіе Божіе». Отъ всѣхъ этихъ мыслей мнѣ сразу стало легче на душѣ, и ноша моя показалась мнѣ уже не столь тяжелой. Должна прибавить, что моя непоколебимая вѣра въ Бога очень помогала мнѣ во все время моего заключенія, такъ какъ давала мнѣ силу легче переносить его.

Въ Ч. К. я попала опять въ прежнюю камеру, которая на этотъ разъ такъ была переполнена, что въ ней еле можно было дышать. Тамъ я узнала, что буду отправлена въ Москву въ одинъ изъ концентраціонныхъ лагерей. Всѣ они были устроены въ бывшихъ монастыряхъ, и содержали отъ 300 до 500 заключенныхъ мужчинъ и женщинъ, но я буду писать о нихъ подробнѣе ниже.

Черезъ три дня по приходѣ въ Ч. К., т. е. 11 марта утромъ, насъ отправили на Николаевскій вокзалъ, снабдивъ предварительно каж-

даго изъ насъ на дорогу 1 фунтомъ черниаго хлѣба и 1/2 фунта селедки, что, конечно, было очень мало. Наканунѣ мнѣ посчастливилось получить нѣкоторые необходимые вещи и продукты, но моихъ денегъ и часовъ мнѣ въ Ч. К. такъ и не отдали, пообѣщавъ прислать по мѣсту моего назначенія, что никогда исполнено не было и мнѣ пришлось уѣхать безъ гроша въ карманѣ. Изъ Ч. К. итти было легко, такъ какъ намъ разрѣшили нанять салазки для вещей, на что у нѣкоторыхъ заключенныхъ по счастью оказались деньги, которыми они и уплатили за неимущихъ. Погода въ тотъ день была дивная, солнечная, точно дразнившая насъ. Повели насъ по прямому пути, т. е. по главной нашей улицѣ — Невскому проспекту, переименованной послѣ революціи въ улицу 25-го Октября. По приходѣ на вокзалъ всѣхъ насъ оставили подъ присмотромъ конвоировъ ожидать на дворѣ, пока справятъ всѣ необходимыя передъ отправкой формальности. Пока мы сидѣли на бревнахъ въ ожиданіи нашей отправки, къ намъ подходило много народа, выражавшаго свое сочувствіе и соболѣзнованіе; нашлись даже такіе благодѣтели, которые снабдили насъ хлѣбомъ и лепешками и, къ удивленію моему, конвоиры наши этому не препятствовали.

Всѣхъ отправляемыхъ было всего 12 человѣкъ, изъ нихъ 4 женщины (всѣ интеллигент-

ныя и всѣ арестованныя по одному и тому же дѣлу). Мужчины были разныхъ категорій, но двое изъ нихъ, молодой морякъ и племянникъ бывшаго министра, были, какъ и я, причислены къ контръ-революціонному заговору.

Всѣхъ солдатъ насъ конвоирующихъ до Москвы было 14 человѣкъ и всѣ они, надо имъ отдать справедливость, относились къ намъ всю дорогу очень хорошо и внимательно. Вообще за все время моего ареста я, лично, не могла жаловаться на грубое со мною обращеніе, ни со стороны начальствующихъ лицъ, ни со стороны сторожившихъ насъ солдатъ. Всѣ они относились ко мнѣ скорѣе даже съ извѣстнымъ уваженіемъ, что не мѣшало, впрочемъ, говорить солдатамъ со мною всегда на «ты». Слухи доходили, что многихъ заключенныхъ по тюрьмамъ даже пытали и подвергали разнымъ наказаніямъ, но я, слава Богу, этого никогда не испытала и даже въ карцерѣ ни разу не сидѣла.

Наконецъ, по окончаніи всѣхъ формальностей, насъ повели на вокзалъ для посадки въ почтовый поѣздъ, уходившій въ 1 часъ дня, и тутъ я была пріятно поражена, увидя, что насъ сажаютъ не въ арестантскій вагонъ, какъ я предполагала, а въ новый, совершенно чистый вагонъ III-го класса. Помѣстили насъ всѣхъ вмѣстѣ въ среднее проходное отдѣленіе громаднаго пульмановскаго вагона, очень по-

койнаго и просторнаго, съ длинными скамейками въ три этажа. Конвоиры наши расположились, конечно, съ нами, а въ двухъ боковыхъ, тоже проходныхъ отдѣленіяхъ, сидѣла посторонняя публика, съ любопытствомъ и жадностью на насъ поглядывающая, когда мы, въ сопровожденіи конвоира проходили въ уборную. По счастью, туда онъ съ нами не заходилъ, а ждалъ нашего выхода въ коррилорчикѣ. На станціяхъ выходить намъ не разрѣшалось, но солдаты очень охотно приносили намъ въ чайникѣ кипятокъ, съ которымъ мы и заваривали имѣвшійся у насъ чай и кофе. Послѣдній былъ, конечно, изъ разныхъ суррогатовъ, такъ какъ настоящаго нигдѣ не имѣлось и мы давно и вкусъ его забыли. Отсутствіе у меня денегъ очень давало себя чувствовать дорогой, такъ какъ на станціяхъ продавали молоко и хлѣбъ, но, благодаря любезности и добротѣ одной изъ моихъ спутницъ, давшей мнѣ въ долгъ, мнѣ удалось позднѣе купить себѣ того и другого. Ѣхали мы до Москвы цѣлыя сутки и, конечно, на такой срокъ продуктовъ, данныхъ намъ изъ Ч. К., было далеко недостаточно. Перемѣна обстановки, новыя впечатлѣнія, чудная погода, пріятная компанія и надежда на скорое улучшеніе нашего положенія привели насъ всѣхъ въ хорошее расположеніе духа и мы не замѣтили, какъ день клонится къ вечеру и надо

было подумать о ночномъ отдыхѣ. Каждому изъ насъ хватило по длинной скамейкѣ, на которой мы съ грѣхомъ пополамъ и проспали до утра.

Въ Москву мы пріѣхали 12 марта въ 1 часъ дня и попали какъ разъ въ праздникъ революціи, въ честь котораго весь городъ былъ разукрашенъ красными флагами. Намъ опять позволили нанять салазки для вещей и повели по Мясницкой на Лубянку въ В.Ч.К., т. е. всероссійское Ч. К., главное надъ всѣми остальными. На Лубянкѣ же находились многія другія отдѣленія Ч.К. Помню, какое грустное впечатлѣніе произвела на меня тогда Москва, въ которой я неоднократно бывала раньше и всегда находила ее столь оживленной и гостепріимной. Снѣгъ нигдѣ не былъ сколотъ, всѣ линіи трамваевъ были завалены грудами снѣга, котораго въ ту зиму было видимо очень много; итти приходилось все время по буграмъ и ухабамъ, такъ какъ въ Москвѣ онъ еще не таялъ. Трамы опять не ходили, магазины всѣ были заколочены, даже людей на улицахъ встрѣчалось очень мало и все казалось такимъ вымершимъ, пустыннымъ и неуютнымъ. Позднѣе, весною, начали ходить трамы, но ѣзда въ нихъ разрѣшалась только даромъ однимъ товарищамъ - солдатамъ, посторонняя же публика должна была довольствоваться пѣшимъ хожденіемъ, или платить

безумныя деньги извозчикамъ, изнуренныя лошади которыхъ производили чрезвычайно жалкое впечатлѣніе».

Въ дополненіе къ разсказу моей родственницы скажу, что отзывъ ея о Москвѣ относится къ 1920 и 1921 годамъ; по позднѣйшимъ же свѣдѣніямъ торговля тамъ возобновилась, магазины открыты, все можно достать, правда за баснословныя цѣны, рестораны существуютъ и даже очень дорогіе, театры переполнены, на улицахъ публика имѣетъ нарядный видъ, въ особенности весной и лѣтомъ, много новыхъ скверовъ и много цвѣтовъ и всюду порядокъ. Но совсѣмъ не то въ остальной Россіи, гдѣ жизнь замерла, напримѣръ въ Одессѣ. Тамъ въ 1922 году по недѣлямъ валялись на улицахъ трупы людей, умершихъ отъ голода, никѣмъ не убранные, не похороненные, такъ какъ гробовъ было невозможно достать и собаки понемногу обгладывали эти трупы... Мнѣ называли въ Одессѣ почтеннаго старика, распродававшаго постепенно свои вещи для поддержанія своего существованія; и старикъ этотъ указывалъ на одинъ шкапъ, который онъ ни за что не продастъ, ибо изъ этого шкапа сдѣлаютъ ему гробъ послѣ его кончины. Теперь въ богатѣйшей Одессѣ не насчитываютъ и 200 тысячъ жителей. Въ Москвѣ же и въ Петербургѣ жизнь постепенно возстанавливается, для обмана легковѣрныхъ иностран-

цевъ и въ ущербъ остальной Россіи, гдѣ голодъ и жизненныя условія ужасны. Недавно мой знакомый встрѣтился въ Берлинѣ со старикомъ нѣмцемъ, долгіе годы управлявшимъ крупнымъ имѣніемъ въ Подоліи. Нѣмецъ все сидѣлъ, терпѣлъ и ждалъ возвращенія къ обычнымъ условіямъ жизни. Но выносливый старикъ не выдержалъ и черезъ Польшу весной этого года, полуголый, пробрался на родину, потерявъ надежду на скорое возстановленіе порядка, изстрадавшись въ концѣ концовъ совѣтскимъ благополучіемъ.

Но вернусь къ разсказу несчастной бѣженки.

«Сдавъ насъ всѣхъ присланныхъ съ рукъ на руки въ канцелярію В. Ч. К., конвоиры наши разстались съ нами и поѣхали въ обратный путь. Насъ же всѣхъ помѣстили временно въ маленькую клѣтушку около канцеляріи, куда послѣ долгаго ожиданія намъ принесли большую деревянную миску очень вкуснаго и горячаго гороховаго супа и по 1 фунту отличнаго чернаго хлѣба. Наголодавшись дорогой, мы моментально уничтожили и то и другое и начали просить повторенія. По счастью, просьба наша была уважена и намъ принесли еще миску супу, но хлѣба уже больше не дали.

До распредѣленія по лагерямъ надо было сидѣть въ В. Ч. К., гдѣ насъ разлучили съ нашими спутниками и повели въ женскую ка-

меру, находящуюся въ подвальномъ этажѣ. Помню мой ужасъ и отвращеніе, когда я увидѣла это помѣщеніе. Камера наша состояла изъ трехъ маленькихъ комнатъ, безъ дверей и безъ кроватей. Вмѣсто нихъ вдоль одной изъ стѣнъ были устроены сплошныя деревянныя нары, на которыя влѣзть было довольно высоко и куда клали грязные тюфяки, полные разныхъ насѣкомыхъ. По пріѣздѣ насъ отвели въ баню, расположенную недалеко отъ В. Ч. К. и посѣщеніе которой доставляло намъ всегда большое наслажденіе. Я была очень довольна, что меня не разлучили съ моими милыми спутницами, съ которыми я успѣла сойтись дорогой и которыя всѣ три были женщинами интеллигентными и хорошаго воспитанія. Кромѣ той дамы вдовы, о которой я упомянула выше, женщины изъ лучшаго общества, очень симпатичной, доброй и чуднаго характера, были еще двѣ француженки, обѣ разлученныя со своими семьями. Одна изъ нихъ — француженка по происхожденію, другая только по мужу, и обѣ очень сокрушались объ участи своихъ мужей и дочерей, которые всѣ были арестованы. Какъ потомъ оказалось, дочерей, молоденькихъ 14-15-ти лѣтнихъ дѣвочекъ, отправили изъ тюрьмы на лѣто въ дѣтскую колонію около Луги, откуда онѣ черезъ годъ вмѣстѣ съ матерями были препровождены на свою родину во Францію, кромѣ мужа одной

изъ нихъ, разстрѣляннаго въ январѣ 1920 года. Подвалъ нашъ былъ переполненъ другими заключенными, изъ которыхъ нѣсколько было интеллигентныхъ С. Р., т. е. соціалъ - революціонеровъ, большая же часть состояла изъ женщинъ простого званія, сидѣвшихъ за спекуляцію, которой всѣ занимались въ то время. Нѣкоторыя изъ нихъ привозили тайно изъ деревни муку для продажи, что было строжайше запрещено. Другія продавали горячіе пирожки и ржаныя лепешки, раскупавшіеся на расхватъ голодными обывателями. Третьи занимались варкой мыла, что считалось дѣломъ очень выгоднымъ, а четвертыя торговали разными крупами. Все это тащилось на разные рынки и несмотря на всѣ запрещенія продавалось въ одинъ мигъ. Правительство устраивало на нихъ частыя облавы, конфисковало всѣ продукты и отправляло злосчастныхъ продавцевъ по разнымъ тюрьмамъ и лагерямъ. Несмотря на всѣ эти строгія мѣры, спекулянты продолжали снова заниматься своимъ ремесломъ немедленно по своемъ освобожденіи. Нѣкоторыя арестованныя сидѣли за воровство, но онѣ всегда тщательно скрывали причину своего ареста и продолжали въ тюрьмѣ заниматься своимъ ремесломъ, обкрадывая и безъ того небогатыхъ заключенныхъ. Несмотря на очень тяжелыя условія и обстановку, въ которй мы находились въ Московскомъ

В.Ч.К., все же оно было несравненно лучше петроградскаго, потому что ѣда была обильнѣе и вкуснѣе. Хлѣба чернаго, всегда свѣжаго и очень хорошаго качества, мы получали по 1 фунту ежедневно, кромѣ того мелкаго сахару давалось по 6 золотниковъ, что равнялось 2 чайнымъ ложкамъ, и одну чайную ложку кофе, конечно суррогата. Послѣдній заваривался обыкновенно въ одномъ общемъ чайникѣ. Обѣды и ужины были гораздо обильнѣе и сытнѣе, потому что состояли всегда изъ очень густого супа съ разной сушеной зеленью; порціи были обильныя, а дежурныя по камерамъ получали утромъ и вечеромъ двойныя порціи. Дежурныхъ на всѣ камеры было ежедневно по двѣ. На обязанности ихъ лежало мытье всѣхъ половъ и всѣхъ наръ, что для непривычныхъ къ такой физической работѣ было дѣломъ очень труднымъ. Помню, какъ у меня послѣ моего дежурства невыносимо ломило спину въ продолженіи нѣсколькихъ дней, но отказаться я не хотѣла, изъ страха потерять обѣщанную прибавку. Иногда насъ посылали по желанію мыть полы въ канцелярію и въ казармы къ солдатамъ, и каждая старалась на перебой получить это почетное назначеніе, такъ какъ за мытье половъ давались лишніе полфунта хлѣба. Боже, сколько при этомъ происходило ссоръ, пререканій и руготни среди заключенныхъ. Тѣ, которыя

сидѣли въ В.Ч.К. уже давно, знали всѣ лучшія мѣста, т.е. гдѣ принимали съ угощеніемъ и, конечно, отправлялись туда; мы же, вновь пришедшія, должны были довольствоваться худшими мѣстами. Мнѣ также «посчастливилось» получить двѣ такія командировки, одну въ казарму, а другую въ канцелярію, послѣ которыхъ у меня до того разболѣлась спина, что я нѣсколько дней ходила согнутая и пришлось, къ сожалѣнію, отказаться и отъ этого удовольствія. Помню, какъ я, прійдя въ первый разъ въ казарму, наполненную солдатами, была поражена ея грязью и отвратительнымъ воздухомъ. Одинъ изъ солдатъ взялъ большую лѣстницу, поставилъ ее около громадной угловой кафельной бѣлой печки и, заставивъ меня влѣзть на лѣстницу, велѣлъ мнѣ вымыть печь. Съ непривычки къ такой работѣ я ее дѣлала, конечно, очень скверно и неумѣло, и солдатъ, за мною наблюдавшій, грубо сказалъ:

— Ну, ты, видно, что барыня и печки даже хорошенько вымыть не умѣешь. Зачѣмъ намъ такихъ присылаютъ. Слѣзай, я покажу тебѣ, какъ моютъ.

При этомъ онъ самъ влѣзъ на лѣстницу и вымылъ всю печку, а меня послалъ въ другую камеру мыть полъ. По счастью, тамъ занималась этимъ дѣломъ одна изъ француженокъ, болѣе въ этомъ опытная, чѣмъ я, такъ

что мнѣ пришлось вытирать за ней насухо полъ и свои лишніе полъ фунта хлѣба я все же заработала. Другимъ заключеннымъ приходилось мыть солдатскія уборныя, гдѣ грязь была ужасная, но все это переносилось изъ-за постоянно мучившаго насъ голода, чтобы заработать лишній кусокъ хлѣба или порцію супа. Кромѣ дежурствъ по камерамъ было еще дежурство за кипяткомъ: утромъ въ 7 1/2 часовъ и днемъ въ 4 часа. Ходили по улицѣ черезъ нѣсколько домовъ, въ спеціально устроенныя для этой цѣли кипятильни и приносили его въ ведрахъ сами дежурныя, въ сопровожденіи, конечно, конвоировъ, причемъ ведро несли на протянутой палкѣ вдвоемъ. Обѣдъ же и ужинъ намъ приносили въ кадкѣ конвоиры. Днемъ насъ выпускали гулять на маленькій дворъ всего на полчаса времени. Эти прогулки, хожденіе за кипяткомъ и въ баню служили единственными развлеченіями нашего безотраднаго существованія. Съ нетерпѣніемъ всѣ ожидали отправки по лагерямъ и приставали съ вопросами къ солдатамъ и къ самому начальнику нашей тюрьмы, очень приличному, всегда вѣжливому и симпатичному латышу, который постоянно утѣшалъ насъ, что продержитъ насъ недѣлю, но почему-то отправка все оттягивалась. Караулило насъ по одному солдату, сидѣвшему въ нашей камерѣ безсмѣнно цѣлыя сутки, что

было иногда очень стѣснительно. Я ихъ называла нашей классной дамой. Черезъ недѣлю ихъ замѣнили двумя надзирательницами, дежурившими по очереди цѣлыя сутки, причемъ ночью спать онѣ не имѣли права. Конечно, для насъ надзирательницы были гораздо пріятнѣе, чѣмъ солдаты, въ особенности по ночамъ, когда насъ такъ же, какъ и въ Петроградѣ, заѣдали ужасныя насѣкомыя. Писать изъ В.Ч.К. намъ тоже не разрѣшалось, но получать передачи мы имѣли право, даже чуть ли не ежедневно и такъ какъ въ Москвѣ у меня были друзья и даже родственники, то я, воспользовавшись любезностью одной освобожденной заключенной, послала черезъ нее тайную записку съ просьбой позаботиться обо мнѣ. И дѣйствительно, въ скоромъ времени я получила съ двухъ сторонъ очень нужныя вещи, весьма подкрѣпившія мои ослабѣвающія силы.

«Не имѣй сто рублей, а имѣй сто друзей» — пословица эта какъ нельзя лучше подходила ко мнѣ за все время моего заключенія. Тѣ немногіе друзья, родные и знакомые, оставшіеся у меня послѣ революціоннаго погрома, съ трогательною заботливостью и любовью относились ко мнѣ, какъ въ Петроградѣ, такъ и въ Москвѣ, постоянно балуя меня всѣмъ чѣмъ могли и тѣмъ очень облегчали мнѣ мое существованіе, какъ въ моральномъ, такъ и въ

физическомъ отношеніи. Господь и тутъ не оставлялъ меня.

Несмотря на тяжелыя безотрадныя жизненныя условія, въ которыхъ я находилась въ то время, настроеніе мое въ Москвѣ значительно улучшилось и временами былъ какой-то радостный нервный подъемъ духа. Видно человѣкъ такъ созданъ, что способенъ примѣняться ко всякой обстановкѣ и переносить всевозможныя жизненныя невзгоды. Мы развлекались въ своемъ подвалѣ, какъ могли: играли въ разныя игры, пѣли хоромъ и даже устраивали импровизированные спектакли, въ которыхъ каждая изъ насъ экспромтомъ сочиняла свою роль. Этому много способствовала наша староста, не помню за что сидѣвшая, молодая, очень бойкая и разбитная дѣвица, обладавшая прекраснымъ голосомъ. Она вмѣстѣ съ другой заключенной, простой деревенской женщиной, отлично пѣла русскія пѣсни.

Узнавъ, что въ числѣ заключенныхъ въ мужской камерѣ сидитъ одинъ изъ нашихъ архіереевъ, мы обратились съ просьбой къ нашему коменданту разрѣшить ему отслужить у насъ всенощную. Къ великому нашему удовольствію просьба наша была уважена и однажды къ намъ въ 5 часовъ дня былъ приведенъ очень симпатичный, высокаго роста церковный пастырь, который въ одномъ только подрясникѣ, безъ всякихъ облаченій, пре-

красно отслужилъ всенощную, прибавивъ при этомъ нѣсколько утѣшительныхъ словъ по нашему адресу. Мы же составили импровизированный хоръ. Эта служба въ подвалѣ была очень трогательна и у многихъ изъ насъ слезы умиленія неудержимо текли изъ глазъ, а нѣкоторыя изъ насъ даже плакали навзрыдъ.

Наконецъ, послѣ 17-ти дней томительнаго ожиданія, намъ 28 марта объявили объ отправкѣ насъ на слѣдующій день по лагерямъ, но въ какіе именно намъ не сказали. Всѣ находящіеся въ спискѣ начали еще съ вечера съ лихорадочной поспѣшностью дѣлать свои приготовленія. На слѣдующій день послѣ обѣда насъ, всѣхъ отправляемыхъ, вывели на дворъ, гдѣ уже стояли заключенные въ мужскихъ камерахъ, въ числѣ которыхъ мы узнали нашихъ жизнерадостныхъ прежнихъ спутниковъ. Долго продолжалась процедура распредѣленія насъ по лагерямъ и, наконецъ, каждая партія отправилась въ свое мѣсто назначенія. Насъ шестерыхъ, присланныхъ по одному и тому же дѣлу изъ Петрограда, отправили съ нѣкоторыми другими заключенными въ одинъ изъ лучшихъ лагерей, отстоявшій очень далеко отъ Лубянки, на противоположномъ концѣ города. Шли мы безъ конца, думаю, что часа два, такъ какъ итти было чрезвычайно трудно изъ-за массы таявшаго снѣга и ужасной распутицы. Кромѣ того са-

лазокъ на этотъ разъ намъ взять не разрѣшили и всѣ вещи пришлось опять тащить самимъ. Такого длиннаго и труднаго перехода, какъ этотъ, мнѣ ни разу еще совершать не пришлось. Конвоиры сжалились надъ нами и уменьшили ходъ и несмотря на то, что мы ползли буквально какъ черепахи, мы постоянно падали подъ тяжестью своей ноши, проваливаясь до колѣнъ въ рыхлый снѣгъ. Наконецъ, на горѣ показались высокія стѣны бывшаго монастыря, имѣвшаго видъ крѣпости. Монаховъ въ немъ больше не было; всѣ они были разогнаны, а церкви закрыты, нѣкоторыя даже совсѣмъ уничтожены, кресты сняты и онѣ обращены въ камеры для заключенныхъ или въ мастерскія.

Лагерь этотъ оказался интернаціональнымъ, такъ какъ въ немъ содержали большей частью иностранцевъ, и состоялъ онъ главнымъ образомъ изъ мужского элемента (человѣкъ 300), женщинъ же было всего отъ 30 до 40, и на обязанности ихъ лежало, главнымъ образомъ, стирка бѣлья на весь лагерь и мытье половъ во всѣхъ камерахъ. Пожилыя же были избавлены въ первый годъ моего пребыванія въ лагерѣ отъ какихъ-бы то ни было работъ и могли заниматься, чѣмъ хотѣли, т. е. шитьемъ, чтеніемъ, или ничего не дѣлать. Такъ какъ я принадлежала ко второй категоріи, то я дѣйствительно въ лагерѣ первое

время отдохнула гораздо больше, чѣмъ живя на волѣ, гдѣ, какъ я и писала, жизнь въ последнее время была невыносимо тяжелой. Здѣсь же я не должна была, по крайней мѣрѣ, заботиться о пищѣ, дровахъ, освѣщеніи, стиркѣ бѣлья и проч. хозяйственныхъ заботахъ, и не нужно было простаивать часами въ очередяхъ для полученія хлѣбнаго пайка.

По приходѣ въ лагерь насъ отвели прежде всего въ канцелярію, откуда послѣ всѣхъ формальностей насъ, женщинъ, отправили въ отдѣльный двухъ-этажный флигель, гдѣ, кромѣ женскихъ камеръ внизу, находился на верху лазаретъ и карантинная камера для вновь прибывающихъ. Весь лагерь состоялъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ домиковъ, расположенныхъ въ нѣкоторомъ отдаленіи другъ отъ друга, въ которыхъ и были устроены камеры для заключенныхъ, а нѣкоторые изъ нихъ были превращены на слѣдующій годъ въ мастерскія для разныхъ работъ, какъ то шитье рубашекъ для арміи, сапожная, переплетная; былъ также и гаражъ для ремонта автомобилей. Была у насъ и библіотека съ читальней, гдѣ, кромѣ большевистскихъ газетъ и журналовъ, находились произведенія и нашихъ классиковъ, а также и иностранныя книги, пожертвованныя самими заключенными. Большую часть лагеря занимало кладбище, въ которомъ мы часто прогуливались и, хотя это было оф-

фиціально запрещено, но начальство смотрѣло на это сквозь пальцы. Три четверти заключенныхъ женщинъ принадлежали къ простому званію, но начальство всегда старалось помѣстить интеллигентныхъ вмѣстѣ съ простыми, но это плохо удавалось и выходило всегда такъ, что интеллигентныя устраивались всегда вмѣстѣ. Къ сожалѣнію, первые два мѣсяца моего пребыванія въ лагерѣ мнѣ все же, за неимѣніемъ свободнаго мѣста, пришлось прожить съ восемью простыми женщинами и должна сказать, что я очень отъ этого страдала. Сколько я тамъ наслушалась всякой ругани, брани и ссоръ, и передать невозможно. Въ камерѣ грязь была ужасная и воздухъ отвратительный, такъ какъ всѣ онѣ боялись открывать окна и вдобавокъ курили отвратительную махорку. Всюду въ тюрьмѣ было вообще очень распространено куреніе и женщины не отставали въ этомъ отношеніи отъ мужчинъ и были всѣ готовы отказать себѣ въ послѣднемъ кускѣ хлѣба, лишь бы пососать папироску. Я, хотя прежде и курила, но незадолго до своего ареста отказалась отъ этого удовольствія, чтобы промѣнивать получаемыя иногда папиросы на керосинъ или какіенибудь съѣдобные продукты. Первое время мнѣ постоянно приходилось бороться со своими товарками изъ-за воздуха и грязи. Общей столовой у насъ не было; всѣ обѣдали въ

своихъ камерахъ и такъ какъ столовъ было очень мало, то каждая изъ насъ ѣла, большею частью, сидя на своей кровати. Другой мебели въ камерахъ не полагалось. Въ числѣ моихъ первыхъ товарокъ по несчастью помню одну молодую еврейку, страшно грубую, дерзкую и ужасно грязную, сидѣвшую въ заключеніи за контрабандную торговлю кожами, которыя она привозила изъ Германіи. Она никакъ не могла помириться съ тѣмъ, что я была избавлена отъ стирки бѣлья.

— Ну это мы еще посмотримъ, какъ вы не будете стирать, — со злобой шипѣла она, — здѣсь барыню разыгрывать нельзя и мы этого не допустимъ. — Это совершенно до васъ не касается, — спокойно отвѣчала я ей. — Это дѣло начальства, а не ваше.

Но, несмотря на всѣ свои угрозы, ей ничего не удалось со мной сдѣлать и кончилось дѣло тѣмъ, что она за паекъ хлѣба стирала мнѣ мое бѣлье. Вообще въ лагерѣ паекъ хлѣба или «пайка», какъ мы его называли, имѣлъ магическое дѣйствіе. За хлѣбъ у насъ готовы были сдѣлать все. За хлѣбъ стирали, гладили, шили, чинили и мыли полы. Все сводилось къ одному знаменателю, къ «пайкѣ хлѣба», которая въ лагерѣ равнялась 3/4 фунта хлѣба въ день. За работы въ мастерскихъ полагалось еще 1/2 фунта.

Другая товарка - заключенная была поль-

ка, страшно лѣнивая, цѣлыми днями лежавшая на кровати съ папиросой въ зубахъ, всегда растрепанная, неумытая и грязная, посылала всѣхъ и вся къ черту, въ особенности если кто осмѣливался открыть окно, и мнѣ, любившей свѣжій воздухъ, частенько доставалось отъ нея. Помню еще одну женщину, сидѣвшую за спекуляцію и страдавшую сомнамбулизмомъ. Однажды, во время полнолунія, она, несмотря на всѣ принятыя мѣры предосторожности, съ необыкновенной силой отталкивая всѣхъ къ ней приближающихся, убѣжала ночью въ одномъ бѣльѣ на кладбище. Пришлось позвать конвоировъ, которые съ большимъ трудомъ приволокли ее обратно. Послѣ этого она пролежала два дня въ кровати, а когда окончательно пришла въ себя, то ничего не помнила о случившемся. Самая чистенькая и симпатичная изъ моихъ товарокъ перваго времени была одна латышка, чрезвычайно трудолюбивая женщина, которая работала цѣлыми днями. Шила она парусиновыя туфли, подошвами которыхъ служила березовая кора. У ней было громадное количество заказчиковъ, не только среди женщинъ, но и среди мужчинъ, такъ какъ эти туфли были у насъ въ большой модѣ, за невозможностью достать себѣ другой обуви, цѣны которой были умопомрачительны.

Кромѣ 3/4 фунта черпаго хлѣба мы въ ла-

герѣ еще получали по одной чайной ложкѣ кофе (конечно суррогата) и по 9 золотниковъ сахара, что въ то время считалось большой роскошью, такъ какъ на волѣ сахару почти не имѣлось. Продукты эти мы получали въ лагерѣ въ 7 часовъ вечера, а не утромъ, какъ было въ другихъ мѣстахъ заключенія. Въ 8 часовъ утра былъ звонокъ для кипятка, за которымъ всѣ бѣжали въ кухню со своими чайниками, гдѣ находился отдѣльный кубъ съ кипяткомъ. Каждая камера имѣла свой отдѣльный чайникъ, въ которомъ заваривался общій кофе на всю камеру. Желающія могли заваривать себѣ отдѣльно въ собственномъ чайникѣ, что я всегда и дѣлала, такъ какъ получала отъ родныхъ кофе и чай, а казеннымъ почти не пользовалась. Въ 12 часовъ дня колоколъ созывалъ опять всѣхъ заключенныхъ въ кухню для полученія обѣда, состоявшаго изъ супа, очень жидкаго, иногда мясного, а большей частью селедочнаго. Въ первомъ случаѣ мясо давали отдѣльно, кусочками вѣсомъ не болѣе 12 золотниковъ. За обѣдомъ ходили дежурныя по камерамъ, съ большими мисками, а желающія получать отдѣльно должны были имѣть свою посуду, состоявшую большей частью изъ маленькихъ ведеръ, которыя заказывали тутъ же въ лагерѣ. Начальство наше и конвоиры получали порціи первыми изъ общаго котла, а изъ камеръ всегда

имѣла первенство женская. Для больныхъ приготавливалось отдѣльно и обѣдъ ихъ былъ значительно лучше нашего. Больнымъ иногда давался куриный супъ, но, правда, очень микроскопическими порціями. Въ 6 часовъ вечера колоколъ возвѣщалъ объ ужинѣ, который состоялъ почти всегда изъ пшенной каши на водѣ; жировъ давалось такъ мало, что они не чувствовались въ ней, но первое время каша все же была густой и хорошаго качества. Позднѣе ее стали давать болѣе жидкой и худшаго качества. Порціи наши равнялись двумъ глубокимъ тарелкамъ. Въ 2 часа дня и въ 7 часовъ вечера можно было опять получать кипятокъ. Кромѣ того зимою мы могли варить, что хотѣли изъ имѣющихся у насъ собственныхъ продуктовъ на маленькихъ желѣзныхъ печкахъ (чугунокъ), находящихся въ каждой камерѣ; лѣтомъ же намъ дѣлали это сами повара въ кухнѣ. Послѣднее время нашими поварами состояли венгерскіе офицеры, которые были, по моему, самыми трудолюбивыми изъ всѣхъ заключенныхъ. Другіе добровольно обрабатывали огородъ, находущійся тутъ же въ лагерѣ. По вечерамъ они переодѣвались въ свои офицерскіе френчи и франтовато расхаживали по двору, ухаживая за дамами и за дѣвицами. Жизнь наша въ лагерѣ была уже гораздо свободнѣе, чѣмъ въ тюрьмѣ, въ томъ отношеніи, что мы могли,

когда были свободны отъ занятій, находиться на воздухѣ, на дворѣ, или на кладбищѣ, бѣгать въ кухню за обѣдами, не имѣя за собою конвоира, какъ это было въ тюрьмахъ. Правда, что конвоиры тщательно оберегали насъ, какъ внутри лагеря, такъ и снаружи его, но по пятамъ насъ не преслѣдовали. Несмотря на эту тщательную охрану, при мнѣ было нѣсколько случаевъ побѣговъ заключенныхъ изъ лагеря. Обыкновенно побѣги происходили ночью и совершались черезъ стѣну, которая окружала нашъ лагерь, а иногда заключенные убѣгали съ работъ, на которыя одно время насъ водили. Предполагаю, что въ томъ и другомъ случаѣ совершались эти побѣги не безъ вѣдома конвоировъ. Если удавалось поймать убѣжавшаго, то его въ наказаніе сажали въ карцеръ или препровождали въ тюрьму. Бывали и такіе счастливцы, которымъ удавалось скрыться безслѣдно.

Начальство наше состояло изъ коменданта и его помощника, помѣщавшихся, конечно, тутъ же въ лагерѣ, во флигелѣ, гдѣ находилась и канцелярія. Ихъ помѣщеніе было чрезвычайно скромное и состояло всего только изъ одной маленькой комнаты. Первымъ комендантомъ при мнѣ былъ бывшій дамскій портной, человѣкъ справедливый и довольно сердечный, хотя по виду очень угрюмый, непривѣтливый и ужасно не любившій интелли-

генціи. Онъ былъ ярый большевикъ и большой атеистъ. Онъ увѣрялъ, что Богъ и чертъ одно и тоже, и что каждый можетъ молиться у себя, если хочетъ, а потому церковной службы при немъ ни одной не было, несмотря на усиленныя просьбы большинства заключенныхъ совершить службу, хотя бы въ Свѣтлую ночь. Своимъ отказомъ онъ лишилъ многихъ изъ насъ единственнаго утѣшенія встрѣтить Великій Праздникъ Пасхи въ храмѣ Божіемъ. Эту радость мы имѣли только на слѣдующій годъ, когда былъ назначенъ другой комендантъ, рѣзко отличавшійся отъ перваго, какъ своимъ образованіемъ, такъ и своимъ воспитаніемъ. Къ интеллигенціи онъ относился такъ же очень хорошо, всегда стараясь итти навстрѣчу нашимъ желаніямъ, насколько это было въ его власти. Благодаря его доброму содѣйствію, мы имѣли счастье встрѣтить праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія въ церкви при чудномъ хорѣ пѣвчихъ и прекрасной службѣ вольнаго священника, пришедшаго заблаговременно до начала, чтобы дать возоможность желающимъ изъ насъ приготовиться къ Причащенію Святыхъ Таинствъ во время Пасхальной обѣдни. И какое это было дѣйствительно утѣшеніе для истинно вѣрующихъ и какой горячей благодарностью Всевышнему были преисполнены наши сердца, когда мы, простоявъ въ эту знамена-

тельную ночь заутреню и обѣдню, сподобились причаститься Святыхъ Таинствъ. Послѣ службы мы получили отъ церковнаго старосты нѣсколько куличей и яицъ, къ которымъ, прибавивъ полученное нами отъ родныхъ и знакомыхъ, мы разгавливались у себя въ камерахъ.

Помощниковъ коменданта при мнѣ было также два. Первый изъ нихъ, немолодой мужикъ, ужасный пьяница и грубіянъ, исполнявшій прежде обязанности старшаго дворника, пробылъ при мнѣ недолго; его вскорѣ смѣнилъ молодой, очень добрый, но чрезвычайно глупый и не интеллигентный человѣкъ, ужасно любившій принимать участіе въ нашихъ любительскихъ спектакляхъ и играть въ нихъ самымъ бездарнымъ образомъ главныя роли. Иногда онъ даже рисковалъ выступать въ роли танцора, выдѣлывая съ грѣхомъ пополамъ разныя незамысловатыя па, заученныя съ большимъ трудомъ у одной изъ заключенныхъ, которая и танцевала вмѣстѣ съ нимъ. Вообще спектакли были однимъ изъ нашихъ главныхъ развлеченій. Спектакли давались разъ въ недѣлю по субботамъ и состояли, главнымъ образомъ, изъ комедій и фарсовъ, но иногда мы даже ставили пьесы Островскаго и Гоголя. Артистовъ набирали среди заключенныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые выказывали настоящій талантъ. Режис-

серами были также заключенные, которые раньше имѣли уже опытъ въ этомъ дѣлѣ. Костюмы и гримъ доставали мы изъ города, куда посылали въ день спектакля нѣкоторыхъ заключенныхъ подъ предводительствомъ конвоира. Эти спектакли были безплатными и посторонняя публика, разумѣется, не допускалась, даже родственники заключенныхъ не могли ихъ посѣщать. Добровольныя пожертвованія на устройство спектаклей собирались среди заключенныхъ. Первый годъ спектакли происходили въ лѣтнемъ открытомъ театрѣ, построенномъ во дворѣ лагеря, а зимою устраивали театръ въ каретномъ сараѣ, который остался на слѣдующее лѣто, такъ какъ первый театръ былъ уничтоженъ. Начальство непремѣнно хотѣло устроить театръ въ одной изъ бывшихъ церквей, но такъ какъ большинство артистовъ отказалось принимать въ нихъ тогда участіе, то эту мысль пришлось оставить. Много помогли въ устройствѣ зимняго театра англичане, которыхъ было въ лагерѣ довольно много. Имъ, главнымъ образомъ, мы и были обязаны устройствомъ этого театра, который они устраивали подъ руководствомъ опытнаго режиссера одного изъ лондонскихъ театровъ. Режиссеръ этотъ даже написалъ нѣсколько маленькихъ пьесъ, которыя были переведены общими силами на русскій языкъ и съ большимъ успѣхомъ разы-

грывались заключенными подъ личнымъ режиссерствомъ самого автора. Вскорѣ по прибытіи моемъ въ лагерь, я также рѣшилась попробовать свои силы на театральномъ поприщѣ и хотя въ молодости играла всего разъ пять въ любительскихъ спектакляхъ, но всегда была большой театралкой и часто посѣщала драматическіе театры.

Такъ какъ женскаго персонала у насъ было вообще очень мало, то играть мнѣ приходилось почти безпрерывно и въ самыхъ разнообразныхъ роляхъ. Насколько удачно я исполняла свои роли, судить не берусь, но у нашей снисходительной публики я всегда пользовалась большимъ успѣхомъ, въ особенности въ комическихъ роляхъ, которыя больше въ моемъ духѣ, и почти ни одинъ спектакль не обходился безъ моего участія. Передъ отъѣздомъ изъ лагеря мнѣ былъ даже устроенъ бенефисъ и поднесенъ благодарственный адресъ отъ К. П. К., т. е. отъ комитета просвѣтительнаго кружка, которые имѣлись во всѣхъ лагеряхъ. Въ день своего бенефиса я исполняла роль свахи въ безсмертномъ твореніи Гоголя «Женитьба». Кромѣ «Женитьбы» мы первое лѣто играли «Ревизора», костюмы для котораго намъ удалось достать изъ знаменитаго московскаго Малаго театра. Спектакли наши очень скрашивали мнѣ жизнь въ лагерѣ и я съ большимъ рвеніемъ занялась этимъ дѣ-

ломъ, аккуратно посѣщая репетиціи и усердно разучивая свои роли. Участіе въ спектакляхъ не помѣшало мнѣ, однако, на второй годъ моего пребыванія въ лагерѣ поступить въ лазаретъ сестрой милосердія. Кромѣ ухода за больными я завѣдывала хозяйственной и бѣльевой частью. Въ лазаретѣ нашемъ были двѣ палаты: мужская и женская для лежачихъ больныхъ и амбулаторный пріемъ для приходящихъ больныхъ, конечно, только для заключенныхъ. Лазаретъ помѣщался во флигелѣ нашей женской камеры, причемъ амбулаторный пріемъ былъ въ нижнемъ этажѣ, а лазаретъ во второмъ этажѣ. Завѣдывалъ лазаретомъ очень симпатичный докторъ «съ воли», приходившій въ лагерь раза два, три въ недѣлю, а кромѣ того было еще два доктора изъ заключенныхъ. Сестеръ было тоже двѣ и обѣ помѣщались въ женской палатѣ; одна изъ нихъ была спеціально перевязочная и завѣдывала амбулаторнымъ пріемомъ. Обѣ онѣ получали по три тысячи рублей въ мѣсяцъ, изъ которыхъ на руки выдавалась только четвертая часть, а три четверти шли на лагерь. Изъ нашего жалованія мы могли съ сестрой купить одну бутылку молока въ мѣсяцъ, которая уже въ то время стоила 1.600 рублей и была очень маленькой. Коллега моя, несмотря на свой юный возрастъ (ей было всего 21 годъ), сидѣла въ заключеніи уже три года и какимъ то чудомъ

избѣгла разстрѣла, къ которому она была приговорена. Она получила амнистію въ послѣднюю минуту, стоя уже около могилы и ожидая команды стрѣлять. Все это, конечно, не могло не повліять на ея нервную систему, и она стала истеричкой. Однако, это не мѣшало ей быть очень милой и симпатичной особой и пользоваться большимъ успѣхомъ у мужчинъ. Каждая изъ насъ получала добавочныхъ 1/4 фунта хлѣба въ день, а также и лишнюю порцію за обѣдомъ и ужиномъ, кромѣ того черезъ день каждая изъ насъ получала больничную порцію. Помѣщались мы въ женской палатѣ, которая была довольно большая, хотя кроватей для больныхъ было всего пять. Постели тамъ были значительно лучше, чѣмъ внизу. Кровати были съ сѣткой, что не мѣшало, впрочемъ, клопамъ насъ и тутъ одолѣвать.

На обязанности моей, какъ сестры милосердія, лежалъ уходъ за больными и завѣдываніе хозяйственной и бѣльевой частью, т. е. каждый вечеръ я должна была ходить въ кладовую вмѣстѣ съ санитаромъ, находившимся при мужской палатѣ. Продукты выдавались цѣликомъ, какъ на лазаретный персоналъ, такъ и на всѣхъ лежачихъ больныхъ. Мы сами развѣшивали и распредѣляли ихъ по порціямъ. Порціи сахара понемногу все уменьшались и послѣднее время моего пребыванія въ лагерѣ достигли трехъ золотниковъ, что по количеству было равно одному куску пилена-

го сахара. Кромѣ хозяйственной части я завѣдывала лазаретнымъ бѣльемъ и имѣла въ своемъ распоряженіи цѣлый шкапъ бѣлья. Это завѣдываніе было довольно непріятно, потому что бѣлье постоянно раскрадывалось самими заключенными во время стирки или прямо изъ ящика съ грязнымъ бѣльемъ, гдѣ почему то замка не было. Услѣдить за этимъ было невозможно. Бѣлье было очень хорошаго качества: простыни всѣ полотняныя и даже довольно тонкія. Не мудрено, что желающихъ на нихъ было много. Въ воровкахъ у насъ недостатка не было и онѣ пользовались большей свободой, чѣмъ мы, политическія. Ихъ, напримѣръ, отпускали по воскресеньямъ на цѣлый день по очереди на свободу и даже безъ конвоировъ, но къ 8 1/2 часамъ вечера онѣ всѣ должны были находиться на своихъ мѣстахъ, такъ какъ въ это время происходила провѣрка заключенныхъ по камерамъ.

Разрѣшеніе на выходъ изъ лагеря давалось самимъ комендантомъ и за его личной подписью. Мнѣ это разрѣшеніе удалось получить только черезъ годъ моего пребыванія въ лагерѣ, да и то первые выходы были съ конвоиромъ, который, имѣя ко мнѣ довѣріе, не бралъ съ собою винтовки. Отпущена я была въ первый разъ къ дантисту, но такъ какъ я его дома не застала, то и упросила конвоира

проводить меня къ моему родственнику, жившему очень далеко отъ лагеря, за что я подарила конвоиру 25 штукъ папиросъ. Помню, какъ пріятно было посидѣть въ хорошей обстановкѣ и вкусно пообѣдать съ приличной сервировкой. Конвоира, конечно, тоже накормили и затѣмъ спать уложили. Такія прогулки съ заключенными конвоиры вообще очень любили и относились снисходительно къ заключеннымъ. Позднѣе мнѣ удалось добиться у коменданта разрѣшенія выходить одной, безъ солдатъ, и въ большіе праздники посѣщать храмъ Божій, что онъ мнѣ изрѣдка и позволялъ «за примѣрное мое поведеніе и трудолюбіе», какъ выражался комендантъ. Не могу выразить словами того радостнаго чувства, которое охватило меня въ первый разъ, когда я очутилась одна на улицѣ послѣ пятнадцатимѣсячнаго заключенія. Я готова была обнимать всѣхъ прохожихъ и отъ радости не чувствовала подъ собою ногъ, но мысли о бѣгствѣ у меня не было ни разу, такъ какъ я знала, что въ случаѣ моего исчезновенія будутъ арестованы мои родственники и знакомые, имена и адреса которыхъ были точно записаны въ нашей канцеляріи.

Въ первый же годъ моего пребыванія въ лагерѣ моими единственными выходами внѣ лагеря были хожденія въ баню, куда насъ водили аккуратно два раза въ мѣсяцъ по суб-

ботамъ. Въ эти дни въ 9 часовъ утра насъ по звонку выстраивали у входныхъ воротъ: женщинъ впереди, мужчинъ сзади. Помощникъ коменданта или старшій надзиратель насъ провѣрялъ и отдавалъ приказаніе открыть ворота, и мы, въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ, вооруженныхъ винтовками, шумно выползали на улицу и направлялись къ большому банному заведенію, расположенному въ 10 минутахъ ходьбы отъ нашего лагеря. Хотя прогулка подъ конвоемъ была не изъ пріятныхъ, все же было пріятно выбраться изъ нашихъ клѣтушекъ и подышать другимъ воздухомъ; даже встрѣча съ случайными прохожими была для насъ уже развлеченіемъ. Въ банѣ каждый заключенный получалъ по кусочку мыла, послѣ чего насъ, женщинъ, отправляли въ большую общую баню, куда въ это время посторонней публики не пускали. Бани эти были очень просторныя, скамейки въ мыльной были всѣ бѣлаго мрамора, но зато раздѣвальня представляла весьма жалкій видъ: обивка съ дивановъ была содрана и замѣнена чехлами сомнительной чистоты; занавѣси и зеркала были сняты, а мѣдные тазы раскрадены. Здѣсь, какъ и всюду, виднѣлись слѣды разрушенія и грабежа. На мытье намъ полагалось часъ времени, послѣ чего насъ всѣхъ вновь выстраивали на улицѣ для возвращенія въ лагерь, куда мы шли однѣ, такъ

какъ были готовы первыми. Помню, какое грустное и тяжелое чувство охватывало меня, когда закрывались за нами ворота. Я невольно тогда задавала себѣ вопросъ: «Скоро ли настанетъ то счастливое время, когда они не будутъ закрываться за мной?»

Самыми пріятными и счастливыми днями въ лагерѣ были воскресенья, когда разрѣшался отъ 2 до 4 часовъ дня пріемъ родныхъ. Знакомымъ, собственно говоря, свиданія съ заключенными не разрѣшались, но начальство относилось вообще къ этому вопросу довольно снисходительно и подъ видомъ родныхъ приходили часто просто знакомые. Въ лагерѣ были и такіе несчастные, къ которымъ никто никогда не приходилъ, но я, слава Богу, къ ихъ числу не принадлежала. Задолго до назначеннаго часа мы всѣ собирались у воротъ, чтобы издали увидать нашихъ родныхъ, но эти сборища намъ не разрѣшались и конвоиры насъ разгоняли по камерамъ, но тамъ намъ въ эти дни не сидѣлось и насъ такъ и тянуло къ этимъ заманчивымъ воротамъ. Наконецъ, въ 2 часа, самъ комендантъ или его помощникъ направлялись къ воротамъ и провѣряли документы всѣхъ пришедшихъ, причемъ каждому давалось по контромаркѣ, которая при уходѣ отбиралась. Всѣ приносимые продукты и вещи пересматривались дежурными конвоирами. Письма приносить было стро-

го запрещено и если таковыя находились, то заключенный лишался права получить передачу. При первомъ комендантѣ свиданія разрѣшались всего только на 20 минутъ, которыя пролетали, конечно, съ быстротой молніи. Какая это была радость и счастье эти, хотя и кратковременныя свиданія, и какъ было обидно сознавать, что люди, пришедшіе къ намъ пѣшкомъ такую даль, побезпокоились на такой короткій срокъ. Иногда за эти два часа у меня бывалъ пріемъ нѣсколькихъ посѣтителей въ разное время, но если они имѣли несчастье притти одновременно, то я не успѣвала сказать съ каждымъ изъ нихъ и двухъ словъ. При второмъ комендантѣ свиданія разрѣшались въ продолженіи двухъ часовъ и тогда можно было наговориться всласть. Лѣтомъ свиданія происходили на воздухѣ, а зимою въ канцеляріи. Конвоиры, конечно, присутствовали тутъ же и прислушивались къ нашимъ разговорамъ. На дворѣ у насъ былъ отгороженный кругъ, гдѣ находилось нѣсколько деревьевъ и куда мы приносили заблаговременно скамейки и стулья для нашихъ дорогихъ гостей. Нѣкоторые устраивали чай или приготавливали какое-нибудь скромное угощенье. На второе лѣто приносить сырого по случаю холеры не разрѣшалось и я помню, какъ я горевала, узнавъ, что у моей родственницы отобрали принесенныя мнѣ вишни, до

которыхъ я была большая любительница. Съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ мы ожидали по праздникамъ открытія воротъ, стараясь проникнуть глазами черезъ ихъ рѣшетки и какая радость обуяла нашу душу при видѣ близкаго лица, — могутъ понять только тѣ, которые испытали это на себѣ. Зато какое наступало разочарованіе, когда никто не приходилъ, и нужно было ждать еще недѣлю до слѣдующаго пріема и той счастливой минуты, когда можно будетъ перекинуться словечкомъ съ близкими и дорогими людьми, и подѣлиться съ ними своими душевными переживаніями.

Кромѣ воскресныхъ дней свиданія съ родственниками разрѣшались только въ экстренныхъ случаяхъ и по личной запискѣ коменданта, какъ-то при неожиданномъ пріѣздѣ въ Москву близкаго родственника или при отправкѣ заключеннаго въ другой городъ. Такія отправки случались особенно часто при приближеніи деникинской арміи къ Москвѣ, когда всѣхъ бывшихъ офицеровъ отправляли въ Архангельскую или Пермскую губерніи. Получки съѣстныхъ продуктовъ разрѣшались и въ другіе дни. Письма наши проходили всѣ черезъ лагерную цензуру и ихъ запечатывать мы права не имѣли. Присылаемыя намъ письма доходили всѣ до насъ тоже черезъ цензуру и вскрытыми.

Иногда по вечерамъ по всему лагерю происходили неожиданные обыски, при которыхъ отбирались у насъ всѣ письма, разные адреса и даже нѣкоторыя вещи. Эти обыски происходили обыкновенно передъ отправкой иностранцевъ на ихъ родину.

Мужчинъ заставляли исполнять разныя работы по лагерю и кромѣ того ихъ водили на разгрузку дровъ изъ вагоновъ, которыя они потомъ и распиливали. Первое время многіе подъ присмотромъ конвоировъ ходили на разныя работы внѣ лагеря, но такъ какъ это способствовало частымъ побѣгамъ, то вскорѣ эти работы были запрещены. Нѣкоторые мужчины пользовались особыми льготами и ходили работать на заводы безъ конвоировъ, получая на это ежедневно письменныя разрѣшенія отъ коменданта, но при выходѣ и возвращеніи въ лагерь ихъ тщательно обыскивали. Принуждать работать иностранцевъ большевики права не имѣли, но многіе изъ нихъ шли на работы добровольно, чтобы не сидѣть сложа руки. На обязанности женщинъ, кромѣ стирки бѣлья и мытья половъ, лежало убирать помѣщеніе канцеляріи, комнату коменданта, его помощника и конвоировъ. Эти дежурства были однодневными и назначались мы на нихъ по очереди и, хотя я и была освобождена отъ стирки бѣлья и мытья половъ, я, до моего назначенія въ лазаретъ, ак-

куратно въ очередь мела два раза въ недѣлю всѣ вышеозначенныя помѣщенія и вытирала тамъ пыль. Дежурства по камерамъ были у насъ недѣльныя и по субботамъ въ камерѣ и въ корридорахъ мытье половъ было обязательно, но этого я въ лагерѣ никогда не дѣлала, такъ какъ всегда за «пайку» хлѣба находила кого-нибудь. На обязанности дежурной по камерѣ лежала и топка печей, которыя у насъ были маленькія желѣзныя. Тепло онѣ держали плохо, но на дрова не скупились, топить ихъ мы могли часто. На лѣто эти печки снимались, а зимою мы могли наготовить на нихъ наши незатейливыя кушанья. Самое ужасное въ лагерѣ было обиліе клоповъ, отъ которыхъ мы, при всемъ стараніи, не могли избавиться. Ими были полны всѣ стѣны и наши деревянныя кровати, которыя мы еженедѣльно выносили на дворъ и тщательно ошпаривали кипяткомъ, отъ чего наши враги, конечно, пропадали, но въ скоромъ времени опять появлялись. Первое время намъ разносили газеты по камерамъ, но, конечно, только большевистскія, какъ «Правда», «Извѣстія» и «Бѣднота»; да другихъ и не было, такъ какъ несмотря на хваленую «свободу», свободы слова никакой не было и всѣ другія изданія были запрещены. Впослѣдствіи, изъ-за бумажнаго кризиса, газеты стали выходить въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что единич-

ные экземпляры приклеивались къ большой доскѣ и вывѣшивались во дворѣ на общее пользованіе.

Всѣ мужчины могли по желанію получить даровую одежду, которая состояла изъ рубашки и брюкъ защитнаго цвѣта, причемъ мѣнялась она два раза въ годъ; зимою давались бумазейныя рубашки.

Чтобы ускорить свое освобожденіе многіе иностранные подданные объявляли смертельную голодовку. Они отказывались тогда отъ принятія какой-бы то ни было пищи и только по три раза въ день пили немного чернаго кофе. Одинъ изъ латышей проголодалъ 9 дней даже безъ этой поддержки. Всѣхъ объявившихъ голодовку запирали въ отдѣльную камеру и получаемыя на ихъ имя передачи имъ не передавались. Начальство очень не любило и ужасно даже боялось этихъ голодовокъ, такъ какъ за жизнь иностранцевъ отвѣчало правительство. Начальство уговаривало ихъ прекратить голодовку и обѣщало имъ свое содѣйствіе для скорѣйшаго освобожденія. Пріѣзжали изъ Москвы представители державъ и тоже уговаривали прекратить голодовку, подавая массу надеждъ на скорое освобожденіе. Въ концѣ концовъ голодающіе сдавались на всѣ эти уговоры и обыкновенно на 6-ой день голодовка прекращалась и большая часть голодающихъ попадала въ лазаретъ для

подкрѣпленія своихъ ослабѣвшихъ силъ. Во время голодовки медицинскій персоналъ дѣлалъ по три раза въ день обходы всѣхъ голодающихъ и доктора слушали пульсъ и сердце, прописывая подкрѣпляющія средства ослабѣвающимъ. Эти голодовки иногда дѣйствительно приносили желаемую пользу и ускоряли освобожденіе заключенныхъ. Если доктора замѣчали у голодающаго сильный упадокъ силъ и ослабленіе дѣятельности сердца, то больного немедленно переносили въ лазаретъ и отъ голодовки онъ избавлялся, но не иначе, какъ съ согласія всѣхъ остальныхъ голодающихъ, такъ какъ голодающіе строго соблюдали круговую поруку. Только пожилые люди или очень слабые были избавлены отъ голодовки. Кромѣ начальствующихъ лицъ и медицинскаго персонала никто къ голодающимъ не допускался. Голодающіе проводили большей частью время въ постели и рѣдко кто изъ нихъ могъ въ эти дни чѣмъ-нибудь заниматься.

Нѣкоторые голодающіе не ограничивались однимъ только объявленіемъ голодовки, но проявляли еще буйныя наклонности, начинали ломать и бить все, что попадало имъ подъ руку. Такихъ запирали въ одиночныя камеры, т. е. карцера, гдѣ они въ холоду просиживали до своего отрезвленія. Въ карцеръ попадали вообще тоже и въ чемъ-нибудь прови-

нившіеся заключенные, какъ мужчины, такъ и женщины. Къ этимъ никого не впускали и только конвоиры приносили имъ три раза въ день пищу. Мнѣ, слава Богу, ни разу не пришлось подвергнуться никакому наказанію, но одна изъ моихъ коллегъ по заключенію, бывшая ранѣе моею старостою въ петроградской тюрьмѣ, высидѣла въ карцерѣ трое сутокъ за то, что поговорила по телефону съ заключеннымъ другого лагеря безъ разрѣшенія на то начальства.

Заключенные иностранцы получали передачи отъ своихъ правительствъ черезъ своихъ консуловъ или лицъ ихъ замѣняющихъ. Лучшія передачи получали англичане и французы, и обыкновенно два раза въ недѣлю; и имъ часто приносили цѣлые ящики съ одеждой, на которые съ завистью смотрѣли остальные заключенные. Благодаря изобилію получаемыхъ продуктовъ, ни англичане, ни французы не пользовались общимъ котломъ, а варили себѣ пищу сами. Французы устраивали даже свой table d'hôte, которымъ завѣдывалъ одинъ полковникъ, выказавшій недюжинный талантъ въ кулинарномъ искусствѣ.

Нѣкоторые заключенные испрашивали у начальства разрѣшеніе устроить танцовальный вечеръ или обѣдъ, что обыкновенно и разрѣшалось. При мнѣ большой обѣдъ устроили наканунѣ своего Рождества поляки, ко-

торыхъ у насъ было болѣе ста человѣкъ. Дамы тоже приглашались по особому разрѣшенію начальства и каждая получала пригласительный билетъ. Одна изъ мастерскихъ была превращена для этого торжества въ столовую и вся была разукрашена польскими національными флагами. Столы, покрытые бѣлыми простынями вмѣсто скатертей, стояли покоемъ и на одномъ изъ нихъ красовалась маленькая разукрашенная елочка. У каждаго прибора лежала маленькая бумажная салфеточка. Дамамъ, кромѣ того, были положены цвѣты. Всѣ начальствующія лица, конечно, принимали участіе въ этомъ торжествѣ, причемъ коменданта посадили на самое почетное мѣсто, т. е. на середину стола. Вино не разрѣшалось и его замѣнили настоящимъ кофе съ молокомъ и съ сахаромъ, который такъ вкусно умѣютъ приготовлять поляки и который въ то время считался большой рѣдкостью. Меню обѣда теперь въ точности не помню, но знаю, что онъ состоялъ изъ трехъ блюдъ, очень, конечно, незамысловатыхъ, но показавшихся намъ лукуловскимъ пиромъ. Помню только, что для дамъ былъ сервированъ сладкій пирогъ. Танцевъ въ этотъ вечеръ не было, такъ какъ у католиковъ наканунѣ Рождества танцовать не полагается, но всѣмъ намъ было очень весело и всѣмъ казалось, что уже близокъ день освобожденія. Всѣ тосты, конечно, и всѣ

пожеланія сводились къ скорѣйшему освобожденію изъ лагеря.

Чтобы отплатить полякамъ за ихъ гостепріимство, женская камера устроила въ своихъ конурахъ встрѣчу Новаго Года, по новому стилю, но такъ какъ мѣста у насъ было очень мало, то мы могли пригласить весьма ограниченное число поляковъ , тѣмъ болѣе, что начальствующихъ лицъ обойти приглашеніемъ было невозможно. Нашъ ужинъ оставлялъ желать много лучшаго противъ польскаго обѣда, потому что ни передачами, ни деньгами мы богаты не были, но зато послѣ ужина молодежь танцовала подъ звуки рояля или вѣрнѣе піанино, которое для этого высокоторжественнаго случая разрѣшили перенести изъ канцеляріи. Въ лагерѣ у насъ всего было только два піанино, оба правда очень неважныхъ, но служившихъ намъ во время нашихъ спектаклей и рѣдкихъ концертовъ. Послѣдніе иногда устраивали съ участіемъ настоящихъ артистовъ, любезно соглашавшихся побаловать насъ своими посѣщеніями, доставлявшими намъ всегда огромное удовольствіе. Концерты эти состояли изъ пѣнія, танцевъ и комическихъ разсказовъ которые заставляли насъ, хоть временно, забывать наше тяжелое положеніе.

При первомъ комендантѣ разговоры и прогулки мужчинъ съ женщинами были строго

запрещены, а также посѣщенія мужчинами женскихъ камеръ или наоборотъ. Второй же комендантъ, хотя офиціально и не разрѣшилъ всего этого, но смотрѣлъ на эти посѣщенія сквозь пальцы, а потому при немъ женскія камеры были всегда полны гостями, въ особенности по вечерамъ, когда всѣ были свободны отъ дневныхъ работъ. Въ случаѣ же неожиданнаго обхода комендантомъ всѣхъ камеръ, услужливые конвоиры торопились заблаговременно предупредить нашихъ гостей о приближеніи начальства, и камеры моментально пустѣли. Конечно конвоиры въ большинствѣ случаевъ были подкуплены заключенными. Въ 8 съ пол. часовъ вечера всѣ должны были находиться въ своихъ камерахъ, такъ какъ въ этотъ часъ происходила общая провѣрка и обходъ начальствующихъ лицъ по всему лагерю, причемъ староста каждой камеры долженъ былъ представить списокъ находящихся у него заключенныхъ. Въ лѣтніе мѣсяцы провѣрка происходила на дворѣ, гдѣ заключенныхъ выстраивали по камерамъ, послѣ чего имъ разрѣшалось оставаться на воздухѣ до 11-ти часовъ вечера. Участвовавшіе въ спектакляхъ устраивали обыкновенно въ это время репетиціи, затягивавшіяся иногда до позднихъ часовъ.

Въ случаѣ надобности, заключенныхъ отправляли къ докторамъ спеціалистамъ, при-

нимавшимъ по другимъ лагерямъ, отстоявшимъ отъ нашего въ часѣ ходьбы. Прогулки эти совершались обыкновенно большими партіями въ сопровожденіи конвоировъ съ винтовками,но тѣмъ не менѣе для насъ онѣ служили развлеченіями, такъ какъ выйти за стѣны лагеря и видѣть другія лица было уже пріятно. Я же получила разрѣшеніе показать свои глаза окулисту только черезъ годъ послѣ моего прибытія въ лагерь. Помню, какъ было пріятно очутиться въ первый разъ за стѣнами лагеря и какъ сильно у меня болѣли на другой день ноги, отвыкшія за годъ отъ большихъ прогулокъ.

Выйти же одной изъ лагеря я получила разрѣшеніе только въ праздникъ Вознесенія послѣ 16-ти мѣсячнаго пребыванія въ лагерѣ, чтобы сходить въ церковь, находящуюся за стѣной монастыря и куда меня до этого ни разу не хотѣли пускать, не смотря на мои усиленныя просьбы. Не могу описать словами то радостное чувство, которое охватило меня, когда я въ первый разъ вышла одна за ворота своей тюрьмы и мнѣ все не вѣрилось, что я могу сдѣлать самостоятельно нѣсколько шаговъ. Хотя отпускъ мнѣ былъ данъ всего только на два часа, но для перваго раза и это уже было большимъ блаженствомъ, потому что это дало мнѣ возможность отстоять чудную обѣдню въ храмѣ Божіемъ и насладиться пре-

восходнымъ пѣніемъ большого хора. Но зато, какъ грустно было возвращаться къ назначенному времени въ лагерь и вновь быть въ полной зависимости и какъ заключенная, и не знать продолжительности своего заключенія. Мысль о бѣгствѣ мнѣ тѣмъ не менѣе не приходила въ голову, такъ какъ я прекрасно знала, что имена и адреса всѣхъ меня посѣщающихъ были записаны въ канцеляріи лагеря и что въ случаѣ моего бѣгства всѣ они были бы немедленно арестованы и привлечены къ отвѣтственности. Послѣ этого перваго отпуска мнѣ еще посчастливилось выходить нѣсколько разъ изъ лагеря и даже на болѣе продолжительное время, потому что я получила разрѣшеніе отъ высшаго начальства ходить одной за лѣкарствами. Часы моего возвращенія въ лагерь были всегда точно обозначены и за аккуратностью ихъ выполненія строго слѣдили впускавшіе насъ дежурные конвоиры.

Мои воспоминанія о пребываніи моемъ въ лагерѣ были бы неполными, если въ заключеніе я не прибавлю нѣсколько словъ о совершавшихся между заключенными бракахъ. Для полученія разрѣшенія на бракъ надо было подать прошеніе въ В. Ч. К. черезъ коменданта лагеря, который давалъ при этомъ свой отзывъ о желающихъ вступить въ бракъ, чѣмъ многимъ помогъ въ этомъ дѣлѣ. Приблизи-

тельно черезъ мѣсяцъ со дня подачи прошенія получался отвѣтъ и, если онъ выражалъ согласіе В. Ч. К., то женихъ и невѣста отправлялись на другой же день, въ сопровожденіи конвоира, въ ближайшій комиссаріатъ, гдѣ заключали гражданскій ихъ бракъ. Конвоиръ представлялъ бумаги, удостовѣряющія личность вступающихъ въ бракъ и, послѣ обычныхъ вопросовъ объ имени, національности, мѣстѣ рожденія, годахъ и пр. имъ выдавалось брачное свидѣтельство, съ которымъ они и возвращались въ лагерь. На церковный бракъ разрѣшенія не выдавалось и желающіе обвѣнчаться въ церкви должны были ждать своего освобожденія.

При возвращеніи новобрачныхъ въ лагерь ихъ встрѣчали шумными поздравленіями и ихъ товарищи по камерѣ приготавливали имъ завтракъ, во время котораго вмѣсто вина поздравляли чаемъ или кофе, что однако не мѣшало усиленно кричать «горько», чтобы дать молодымъ возможность поцѣловаться. Послѣ этого жизнь входила въ прежнюю колею, съ той только разницей, что новобрачная носила уже фамилію своего мужа, съ которымъ она впрочемъ жила врозь въ ожиданіи своего освобожденія, такъ какъ отдѣльныхъ камеръ новобрачнымъ не давалось. Иногда совершались браки, въ которыхъ одна сторона была вольная. Въ такихъ случаяхъ женихъ или не-

вѣста приходили къ назначенному часу къ воротамъ лагеря и шли въ комиссаріатъ и затѣмъ разлучались до своего освобожденія, но тотъ, который жилъ на свободѣ, имѣлъ уже законное право навѣщать своего мужа или жену въ пріемные дни. Кромѣ законныхъ браковъ въ лагерѣ царствовалъ флиртъ, оканчивающійся часто настоящимъ романомъ. Мѣстомъ свиданій служило обыкновенно кладбище, гдѣ, не смотря на бдительный надзоръ нашихъ конвоировъ, влюбленные все же ухитрялись встрѣчаться. Впрочемъ и конвоиры сами показывали въ этомъ примѣръ и, пользуясь своимъ правомъ слѣдить за заключенными, приходили по ночамъ въ женскія камеры съ совсѣмъ другими цѣлями.

Мои друзья усиленно хлопотали въ Красномъ Крестѣ о моемъ освобожденіи, ссылаясь на мои немолодые годы и на мое разстроенное здоровье и, быть можетъ, благодаря ихъ содѣйствію и подошедшей Октябрьской амнистіи срокъ моего заключенія былъ ограниченъ двумя годами. Будучи же по мужу иностранной подданной мнѣ посчастливилось попасть во вторую партію по обмѣну арестованныхъ и такимъ образомъ быть освобожденной на 6 мѣс. ранѣе назначеннаго срока, т. е. ровно черезъ 18 мѣсяцевъ послѣ моего ареста. Много также способствовалъ это-

му нашъ милый комендантъ, давшій обо мнѣ отличный отзывъ высшему начальству.

Наконецъ насталъ счастливый и такъ давно жданный день, когда намъ объявили, чтобы мы собирались въ дорогу, такъ какъ на слѣдующее утро, 9-го Августа, была назначена наша отправка на вокзалъ для слѣдованія черезъ Польшу. Боже! Какая это была незабвенная минута и какая волна неописуемаго счастья обуяла насъ, когда мы услышали эту радостную вѣсть. Всѣ мы, освобождаемые, моментально забыли всѣ невзгоды перенесенныя нами, начали прыгать, плясать, цѣловать другъ друга и долго не могли прійти въ себя отъ обуявшаго насъ счастья. Минута эта никогда не изгладится изъ моей памяти. Мысль о скорой свободѣ не покидала меня; мнѣ казалось, что у меня выросли крылья, на которыхъ я готова была летѣть въ пространство, а между тѣмъ до освобожденія дѣла у меня было много, такъ какъ мнѣ надо было сдать все бѣлье и весь инвентарь лазарета, что заняло порядочно времени.Затѣмъ надо было проститься со всѣми въ лагерѣ и уложить свои вещи, такъ какъ на слѣдующій день въ 11 часовъ утра былъ назначенъ нашъ выходъ изъ лагеря. Отъ чрезмѣрнаго волненія я не могла сомкнуть всю ночь глазъ и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждала наступленія слѣдующаго дня. Ночь казалась мнѣ безконечной и вре-

мя тянулось невѣроятно медленно; но, такъ какъ всему бываетъ конецъ, то прошла и ночь и наступило наконецъ долгожданное утро, на общую радость всѣхъ насъ освобождаемыхъ.

Съ комендантомъ намъ такъ и не удалось проститься, потому что онъ вообще не любилъ и избѣгалъ церемоній прощанья и всегда заблаговременно исчезалъ изъ лагеря. Конвоиры назначенные насъ сопровождать были на этотъ разъ безъ винтовокъ и въ очень ограниченномъ количествѣ. Нашъ багажъ повезли на возу, а насъ повели пѣшкомъ,но такъ какъ разстояніе до Александровскаго вокзала было громадное, верстъ 10-12, то мнѣ и другой пожилой заключенной разрѣшили взять извощика и ѣхать на вокзалъ одимъ безъ конвоировъ. Мы, по выходѣ изъ воротъ лагеря, уже считались свободными. Извощикъ содралъ съ насъ до вокзала 35 тысячъ рублей, что въ то время считалось еще очень дешево. Лошаденка его была такая худая и изморенная, что просто жалко было на нее смотрѣть. Городъ имѣлъ все тотъ же пустынный и нежилой видъ, какъ и въ прошломъ году, хотя народу въ немъ жило много, но всѣ магазины продолжали быть закрытыми. Какое необъяснимое блаженство обуяло мою душу при мысли, что я свободна и что скоро буду заграницею. Хотя до поль-

ской границы мнѣ пришлось ѣхать какъ арестованной и переносить много еще лишеній и мытарствъ дорогой, надежда на скорое освобожденіе отъ моихъ мытарствъ меня ни на минуту не покидала и помогала переносить всѣ невзгоды нашего утомительнаго путешествія до Барановичей, длившагося цѣлую недѣлю. Въ Москвѣ на вокзалѣ насъ продержали въ вагонахъ трое сутокъ, во время которыхъ происходила провѣрка нашихъ документовъ и посадка въ вагоны арестованныхъ изъ другихъ лагерей. Нашъ поѣздъ состоялъ изъ 55 товарныхъ вагоновъ, большая часть которыхъ была наполнена вольными поляками. Весь поѣздъ состоялъ изъ однихъ поляковъ, изъ которыхъ нѣкоторые, по провѣркѣ документовъ, были оставлены въ Москвѣ. Вѣроятно Польша не желала ихъ принять. Если такіе оставленные были изъ бывшихъ заключенныхъ, то они уже въ лагерь не возвращались, а оставались на волѣ.

Наконецъ 12-аго Августа въ 6 часовъ вечера всѣ наши волненія окончились и мы двинулись въ дальній путь. Въ нашемъ вагонѣ было 19 заключенныхъ изъ нашего лагеря мужчинъ и женщинъ. Деревянныя нары были расположены вдоль вагона и шли въ два этажа. На этихъ нарахъ мы проспали на голыхъ доскахъ 10 ночей. Дорогой намъ выдавался черный хлѣбъ, консервированное молоко, кофе и

сахаръ, а иногда варилась горячая пища, что бывало на остановкахъ, которыя длились цѣлыя сутки. По дорогѣ можно было покупать у крестьянъ разные продукты или получать ихъ въ обмѣнъ на разныя вещи. На послѣднія крестьяне давали охотнѣе, такъ какъ деньги никакой цѣны не имѣли. Особенный спросъ былъ на ситецъ и сапоги. Каждый изъ насъ старался воспользоваться продолжительной остановкой, чтобы сварить себѣ что-нибудь горячее. Какъ только дѣлалось извѣстно, что остановка будетъ продолжительной, т. е. въ нѣсколько часовъ, то сейчасъ же изъ вагоновъ выкидывали лѣстницы и всѣ бѣжали за хворостомъ, если былъ по близости лѣсъ. Моментально зажигались костры и устанавливались ведерки, чайники, кто чѣмъ располагалъ, и всѣ приступали къ варкѣ импровизированнаго обѣда или ужина. Если дѣло было къ вечеру, то всѣ эти многочисленные костры представляли собою очень красивую и живописную картину и напоминали собой большой цыганскій таборъ. Одна изъ самыхъ пріятныхъ остановокъ была около Смоленска, гдѣ мѣстность чрезвычайно красивая и гдѣ мы даже могли совершить нѣсколько коротенькихъ прогулокъ. Въ самомъ Смоленскѣ поѣздъ стоялъ такъ мало, что я съ нѣкоторыми другими пассажирками осталась на вокзалѣ, куда мы пошли для покупки себѣ нѣкоторыхъ

продуктовъ. Звонковъ никакихъ не было, поѣздовъ стояло много и каковъ былъ нашъ ужасъ, когда мы, прійдя на то мѣсто, гдѣ стоялъ нашъ поѣздъ, увидѣли, что его тамъ уже нѣтъ. Благодаря любезности начальника станціи, любезно согласившагося прійти намъ на помощь, мы получили даровые билеты 3 класса на пассажирскій поѣздъ, шедшій на 7 часовъ позднѣе, на которомъ намъ и удалось догнать нашъ товарный. По счастью мы помнили номеръ нашего поѣзда, въ который была послана телеграмма для удостовѣренія нашихъ личностей, иначе мы рисковали быть отправленными обратно въ Москву. За этотъ день мы конечно пережили не мало волненій и послѣ всего этого я была такъ напугана, что почти не выходила на остановкахъ, что впрочемъ не помѣшало мнѣ вторично пережить большое волненіе на самой границѣ, когда я съ двумя другими заключенными пошли пройтись по лѣсу и по незнанію перешли черезъ пограничную дорогу и слѣдовательно очутились опять въ Россіи, но уже незаконнымъ путемъ и, будучи замѣченными пограничной стражей, чуть было опять не подверглись аресту. Солдатъ погналъ насъ къ пограничному начальнику, грозясь въ случаѣ неповиновенія выстрѣлить изъ винтовки. Начальникъ на наше счастье оказался человѣкомъ добрымъ и сердечнымъ и согласился

послѣ нашихъ усиленныхъ просьбъ отпустить насъ, повѣривъ намъ на слово, что мы перешли границу безъ всякаго злого умысла. Въ противномъ случаѣ мы должны были бы быть вновь арестованы какъ шпіонки и отправлены въ Минскую тюрьму. Забыла еще прибавить, что на предыдущей станціи находилась таможня, гдѣ насъ и нашъ багажъ тщательно обыскали. У меня по счастью ничего не отняли, такъ какъ у меня было самое ограниченное количество вещей, но у другихъ я видѣла, что отнимали многое изъ мебели, посуды и домашнихъ вещей. На границѣ мы были встрѣчены польской делегаціею съ музыкою, знаменами и флагами. Насъ всѣхъ пересадили въ санитарные вагоны и повезли черезъ границу въ Барановичи, куда мы прибыли на 7-ой день по выѣздѣ изъ Москвы и гдѣ въ то время находился польскій карантинный пунктъ и гдѣ производился осмотръ всѣхъ прибывающихъ изъ Россіи.

Тутъ ужъ я почувствовала себя окончательно свободной. Все пережитое казалось мнѣ такимъ далекимъ сномъ. Впереди предстояла новая жизнь въ новой обстановкѣ и среди другихъ людей. Сердце мое было преисполнено благодарностью къ Всевышнему, помогшему мнѣ выбраться на свободу и я вся горѣла желаніемъ отыскать заграницею находящихся тамъ родныхъ и друзей. Не смотря

на всю мою радость предстоящей мнѣ новой, свободной жизни при переѣздѣ черезъ границу, сердце мое больно сжалось, глядя на родную землю и я не могла удержаться отъ слезъ при мысли о полной неизвѣстности, когда то я опять попаду на дорогую мою родину, да и вообще попаду ли я въ нее когда-нибудь въ моей жизни»...

На этомъ кончается скорбная повѣсть моей родственницы, ея правдивое и безхитростное описаніе ленинскаго рая, но то, чѣмъ она ужасается, т. е. тюрьмами и ихъ порядками, меня не такъ ужасаетъ и удивляетъ, ибо тюрьмы, за немногими исключеніями, были и прежде у насъ отвратительны и переполнены. Но печально и ужасно то, что хотя число ихъ значительно увеличилось превращеніемъ многочисленныхъ и московскихъ и провинціальныхъ монастырей въ тюрьмы или концентраціонные лагери (въ сущности разницы очень мало), онѣ все же переполнены; но главный ужасъ и позоръ современной совѣтской Россіи, что на волѣ живется хуже, чѣмъ въ тюрьмахъ и люди прежде зажиточные и избалованные, попадая въ тюрьму, радуются теплому углу, радуются обезпеченному куску хлѣба. Кромѣ того въ былое время возмущались произволомъ, котораго въ сущности и не было, а въ совѣтской Россіи отдѣльные и провинціальные комиссары совершенно не

подчинены центральной власти и, при весьма пониженномъ образовательномъ и особенно нравственномъ ихъ уровнѣ, произволъ царитъ вовсю, и просвѣта пока не видно.

Несчастье будущей Россіи еще въ томъ, что среди бѣженцевъ-буржуевъ, чиновниковъ и сановниковъ просвѣтленія пока не замѣчается, а лишь стремленіе къ власти и прежнимъ положеніямъ и мѣстамъ, томленіе отъ бездѣлья и безденежья, но не сознаніе собственныхъ ошибокъ и заблужденій. Вотъ, когда бѣженцы выдохнутся, когда потеряютъ всякую надежду на возвращеніе къ власти и появятся наконецъ новые люди или даже нѣкоторые изъ старыхъ, страданіями въ Россіи обновленные, очищенные и прозрѣвшіе, тогда наша Матушка Россія воскреснетъ и гадкій, семилѣтній, тяжелый, кровавый и смрадный сонъ исчезнетъ, появится, дастъ Богъ, свѣжая, сильная власть въ новой возрожденной и омытой потоками крови Россіи.

Возвращаясь къ своей милой и обиженной судьбой родственницѣ, позволю себѣ еще сказать, что она, никогда съ молоду не трудившаяся, а жившая всегда въ свое удовольствіе, съ пятидесятилѣтняго возраста начала трудиться и продолжаетъ трудиться и теперь въ пріютившей ее чужой странѣ, безропотно неся ниспосланный ей Господомъ Крестъ.

Но, гдѣ бы она ни была, помыслы и серд-

це ея въ Россіи, какъ и каждаго бѣженца, считающаго свое пребываніе за рубежемъ лишь томленіемъ, доколѣ Всевышній не сжалится и не возвратитъ насъ къ роднымъ мѣстамъ, хотя въ разоренныя и опустошенныя, но дорогія по воспоминаніямъ, насиженныя старыя гнѣзда.

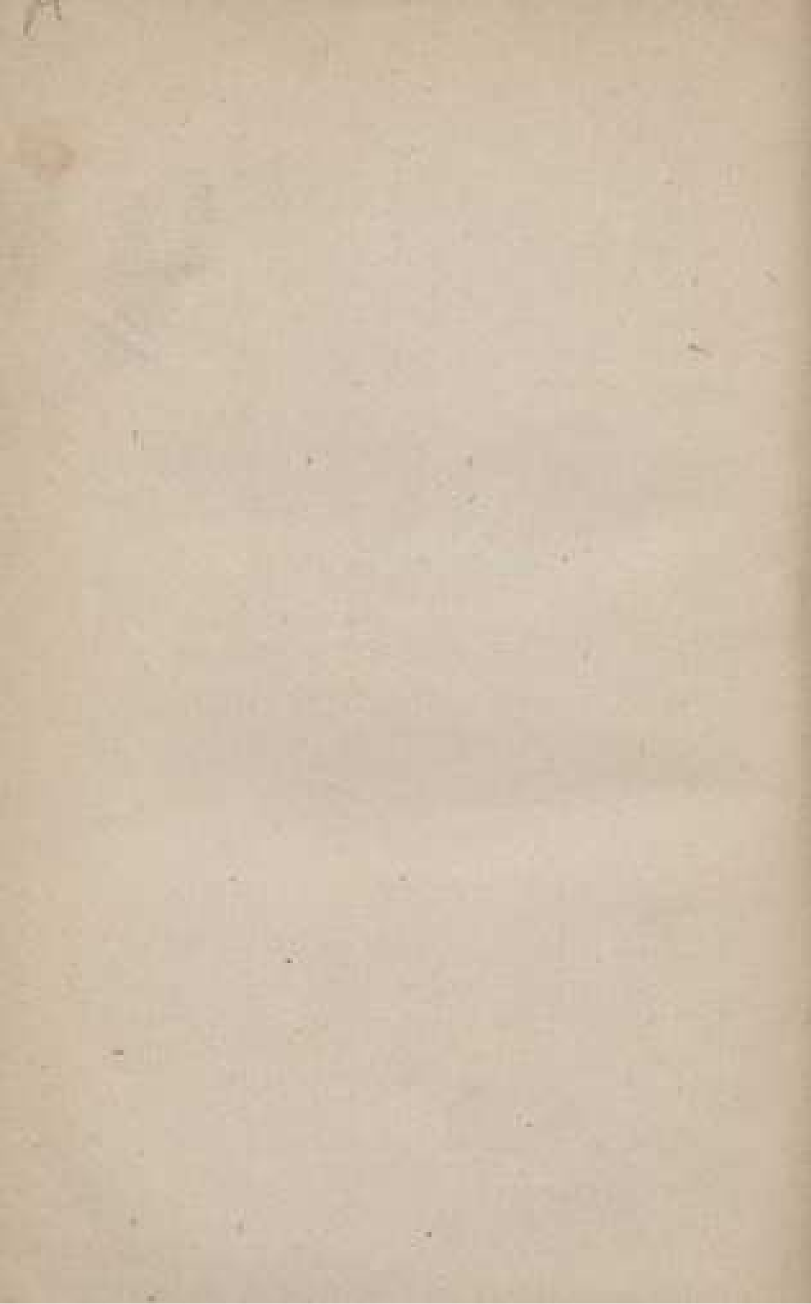
Въ заключеніе приведу почти пророческія слова великаго Гоголя: «Благодарите Бога прежде всего за то, что вы русскій. Если только возлюбитъ русскій Россію, возлюбитъ и все, что ни есть въ Россіи. Къ этой любви насъ ведетъ теперь Самъ Богъ. Безъ болѣзней и страданій, которыя въ такомъ множествѣ накопились внутри ея и которыхъ виною мы сами, не почувствовалъ бы никто изъ насъ къ ней состраданія. А состраданіе есть уже начало любви».

Къ этимъ прекраснымъ словамъ великаго писателя лучше ничего не прибавлять и потому я замолкаю.

Ал. Болотовъ.

Кишиневъ. Сентябрь 1924 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Того-же автора:

„Святые и Грѣшные“

Изд. Франко - Русской печати. Парижъ

Цѣна 12 фр.

Складъ изданія: Книжное дѣло «Родникъ»

«LA SOURCE», 9bis, Rue Vineuse, Paris (16e)

Готовится къ печати:

„Записки стараго грѣшника“

и

„Русскіе Бѣженцы и ихъ злоключенія“

Складъ изданія:

Книжное Дѣло «Родникъ»

„LA SOURCE"

9bis, Rue Vineuse — Paris (XVIe)